

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

№ 1 (21)

SOCIETIES, LAW, STATEHOOD: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published, in scientific specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Juridical Sciences) should be published.

12+

© Уфимский юридический институт МВД России
ISSN 2949-0979

Уфа – 2025

Об издании – [2](#), [5](#)

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель главного редактора:

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, Заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бельский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Бондаренко Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Бурханова Флюра Булатовна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Гусманов Искандер Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфимский филиал).

Гусманов Расул Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Даллакян Карлен Ашотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Денисова Любовь Владиленовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного университета.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колесников Валерий Александрович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колин Константин Константинович – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук.

Кубякин Евгений Олегович – доктор социологических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Кудряшев Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Низамов Садык Сабирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гума-

нитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Плотников Владимир Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Сальников Евгений Вячеславович – доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Стовба Евгений Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и экономики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Сухоплюев Павел Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Хабибуллина Зилия Наилевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник выс-

шей школы Российской Федерации начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника

Сибирского юридического института МВД России (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Янбухтин Раиль Маратович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Эл. № ФС77-84275 от 8 декабря 2022 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 79094.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор: А. В. Селиверстова, техническая верстка: А. В. Селиверстова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(с пометкой: «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 21.03.2025. Дата выхода в свет: 28.03.2025

Электрон. текстовые дан. 702 МВ (1,7 МВ). 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система

Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше.

Загл. с экрана. Тираж 10 экз. Заказ № 31. Цена свободная.

**SOCIETIES, LAW, STATEHOOD:
No. 1 (21) 2025 RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE**

Electronic Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor.

Deputy editor-in-chief:

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Bezlepkina Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Belskiy Vitaly Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Bondarenko Yulia Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Burkhanova Flyura Bulatovna – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Gusmanov Iskander Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance and Credit of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch).

Gusmanov Rasul Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of the Bashkir State Agrarian University.

Dallakyan Karlen Ashotovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Denisova Lyubov Vladilenovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic affairs).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Candidate of History, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law of Kuban State University.

Karimova Gulnaz Yurisoovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolesnikov Valeriy Aleksandrovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolin Konstantin Konstantinovich – Doctor of Engineering, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Informatics Problems of Informatics and Management Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Kubyakin Evgeniy Olegovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudryashov Aleksandr Fedorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iлона Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Vice-Rector for Educational Activities of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizamov Sadyk Sabirovich – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-

Pedagogical and Research Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Plotnikov Vladimir Valerievich – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Pobedkin Alexandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Red'ko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Philosophical Disciplines of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stovba Evgeniy Vladimirovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Informatics and Economics of Birk Branch of Ufa University of Science and Technology.

Subkhangulov Rustem Raisovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Management in Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sukhoplyuev Pavel Alexandrovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khabibullina Zilya Nailovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yanbukhtin Rail Maratovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

El. No FS77-84275 dated December 8, 2022.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 79094.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

Literary editors: A. V. Seliverstova, technical layout by A. V. Seliverstova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(marked: «Society, law, statehood: retrospective and perspective»).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 21.03.2025. Release date: 28.03.2025.

Electronic text data 702 MB (1,7 MB). 1 electronic optical disk (CD-R). System requirements: IBM PC, 1 GHz; 512 mb RAM; 3 mb RAM; CD/DVD-ROM drive; operating system

Windows XP and above; Adobe Reader 8.0 and above.

Title from the screen. Circulation 10 copies. Order no. 31. The price is free.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бойко Н. Н., Мухаметова В. Ю. Становление и развитие института прокурорского надзора в экономической сфере..... 10

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Голубева Э. Р., Каримова Г. Ю. Вскрытие транспортного средства как отдельная мера государственного принуждения, применяемая сотрудниками полиции..... 19

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ермакова А. Л. Сроки содержания под стражей на этапе судебного разбирательства..... 26

Мичурин В. С. Электронная информация и особенности ее собирания в уголовном судопроизводстве..... 34

Москаленко А. С., Корнаухова Н. Г. Отдельные вопросы применения средств научно-технического прогресса розыскными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации..... 41

Савченко А. Н. Электронная форма процессуальных решений в досудебном производстве 50

Харисова З. И. Генезис преступности в сфере компьютерной информации и ее детерминанты.... 57

Химичева О. В., Тутынин И. Б. Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением: отдельные аспекты совершенствования 66

Хомяков Э. Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации 71

Хусаинов Р. Р. Некоторые проблемные вопросы организации и проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос»..... 83

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Низамов С. С., Суюшев В. И. Противодействие коррупции как фактор экономической безопасности государства 91

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Гизатов А. Я., Низамов С. С. Проблемы социализации иностранных студентов в высших учебных заведениях 98

Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф. Становление института вождизма в эволюционном процессе развития человеческих общностей (часть II) 105

Мигунова Ю. В. Деятельность центров, оказывающих социально-психологическую поддержку семье с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, в оценках родителей Республики Башкортостан 114

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Исаев А. А. Патриотизм и национализм: сравнительный анализ понятий 124

Памятка 131

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Boyko N. N., Mukhametova V. Yu. Formation and development of the institution of prosecutorial supervision in the economic sphere 10

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Golubeva E. R., Karimova G. Yu. Vehicle opening as a separate measure of state coercion used by police officers 19

CRIMINAL LAW SCIENCES

Ermakova A. L. Terms of detention at the trial stage 26

Michurin V. S. Electronic information and features of its collection in criminal proceedings 34

Moskalenko A. S., Kornaukhova N. G. Certain issues of the use of scientific and technological progress tools by investigative units of the internal affairs bodies of the Russian Federation 41

Savchenko A. N. Electronic form of procedural decisions in pre-trial proceedings 50

Kharisova Z. I. Genesis of cybercrime and its determinants 57

Khimicheva O. V., Tutynin I. B. Ensuring compensation for damage caused by a crime: selected aspects of improvement 66

Khomyakov E. G. On the nature of digital traces in forensics and their fixation 71

Khusainov R. R. Some problem issues of organizing and conducting operational-search activity “survey” 83

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Nizamov S. S., Suyushev V. I. Anti-corruption as a factor in the economic security of the state 91

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Gizatov A. Ya., Nizamov S. S. Problems of socialization of foreign students in higher educational institutions 98

Kashapov U. A., Suleimanov T. F. Formation of the institution of leaderism in the evolutionary process of the development of human communities (part II) 105

Migunova Yu. V. Activities of centers providing socio-psychological support to families with children with disabilities, as assessed by parents of the Republic of Bashkortostan 114

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Isaev A. A. Patriotism and nationalism: comparative analysis of concepts 124

Instruction 131

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 347.963(470)(091)

Наталья Николаевна Бойко¹,
Виктория Юрьевна Мухаметова²

¹ *Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, Стерлитамак, Россия, amulet-str@yandex.ru*

² *Прокуратура города Стерлитамака Республики Башкортостан, Стерлитамак, Россия, terri-vika@mail.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В статье представлен ретроспективный взгляд развития института прокурорского надзора в экономической сфере как основа для разработки концепций перспективного развития прокуратуры. Характеризуя и поясняя нормативные правовые акты различных периодов рассматриваемого института, авторы прослеживают его роль и место среди органов прокуратуры в системе органов публичной власти и обществе в целом, подчеркивая тем самым его высокую значимость. Сформулирована позиция относительно востребованности исторического опыта развития института прокуратуры в настоящее время.

В качестве материалов выступили доктринальные источники, связанные с различной трактовкой исследуемых понятий, использовались труды ученых в рамках рассматриваемой темы. Исследование основано на комплексе научных методов. Основополагающее значение получили формально-юридический, метод актуализации, ретроспективный, сравнительно-правовой методы.

Ключевые слова: институт прокурорского надзора, экономическая сфера, полномочия прокуратуры, прокурорская деятельность, укрепление законности, защита различных социально-экономических прав, сфера деятельности органов прокуратуры, субъекты профилактики правонарушений, ретроспективный взгляд, становление и развитие

Для цитирования: Бойко Н. Н., Мухаметова В. Ю. Становление и развитие института прокурорского надзора в экономической сфере // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 10–18.

Original article

Natalia N. Boyko¹, Victoria Yu. Mukhametova²

¹ *Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Russia, amulet-str@yandex.ru*

² *Prosecutor's office of Sterlitamak City, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, Russia, terri-vika@mail.ru*

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE ECONOMIC SPHERE

Abstract. The article presents a retrospective view of the development of the institute of prosecutor's supervision in the economic sphere as a basis for the elaboration of concepts of prospective development of the

© Бойко Н. Н., Мухаметова В. Ю., 2025

prosecutor's office. Characterizing and explaining the normative legal acts of different periods of the institution under consideration, the authors trace its role and place among the prosecutor's offices in the system of public authorities and society as a whole, thus emphasizing their high importance. The position regarding the relevance of the historical experience of the development of the institution of prosecution at present is formulated.

Doctrinal sources related to different interpretations of the concepts under study, the works of scientists in the framework of the topic under consideration were used as materials of the study. The study is based on a set of scientific methods. Formal-legal, retrospective, comparative-legal methods and the method of actualization are of the fundamental value.

Keywords: institute of prosecutor's supervision, economic sphere, powers of prosecutor's office, prosecutor's activity, strengthening of legality, protection of various social and economic rights, sphere of activity of prosecutor's office, subjects of crime prevention, retrospective view, formation and development

For citation: Boyko N. N., Mukhametova V. Yu. Formation and development of the institution of prosecutorial supervision in the economic sphere // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 10–18. (In Russ.)

Введение

На сегодняшний день неоспоримым фактом является то, что прокуратура как обособленная часть государственного механизма обладает отдельными независимыми полномочиями. В настоящее время важным составляющим выступает такое направление прокурорского надзора, как финансово-экономическая сфера. Особое внимание уделяется предотвращению злоупотреблений в ходе реализации национальных проектов, что позволяет обеспечить честность и прозрачность в деятельности государственных структур, создать благоприятные условия для развития экономики, справедливого и эффективного управления ресурсами, а также реализовать поставленные цели страны.

Для достижения задачи данного исследования требуется анализ истории и современного состояния правового регулирования отношений, связанных с организацией прокурорского надзора в экономической сфере. Авторы приходят к выводу, что обзор становления и развития института прокурорского надзора в экономической сфере позволяет определить, какие изменения произошли со временем в полномочиях органов прокуратуры, характеризующие его правовой статус, и каким он должен быть в настоящее время. Рассмотренные исторические положения предполагают возможность дальнейшей разработки действенной модели прокурорского надзора, направленного на обеспечение экономической безопасно-

сти государства и предотвращение кризисных явлений в финансовой сфере, а также на недопущение снижения качества жизни населения.

Методы

Методологическую основу составляют общенаучный диалектический метод познания и вытекающие из него частно-научные методы: системно-структурный, формально-юридический, ретроспективный, сравнительно-правовой.

Результаты

Основные полномочия, которыми наделены органы прокуратуры, характеризуют их правовой статус, определяют место среди системы органов государственной власти Российской Федерации. Итак, Прокуратура была учреждена во время царствования Петра Великого на основании Указа от 12 января 1722 года [1, с. 89]. С первых же дней функционирования данный орган государственной власти был уполномочен осуществлять противодействие взяточничеству, казнокрадству, правонарушениям в различных сферах жизнедеятельности общества, совершению преступлений в финансовом секторе. Таким образом, деятельность прокуратуры уже на начальном этапе существования была направлена на реализацию надзорных мероприятий в первую очередь для целей соблюдения экономических интересов государства.

В течение времени объем надзорных и контрольных полномочий прокуратуры значительно изменился, при этом неизменными

оставались характерные черты. Так, если на первоначальном этапе функционирования органы прокуратуры были уполномочены осуществлять наблюдение, противодействие незаконной деятельности хозяйствующих субъектов, выносить предложения, то в последующем данный государственный орган наделялся правом принимать участие в губернских присутствиях. Важно обозначить, что губернские присутствия имели непосредственное отношение к экономической деятельности и представляли собой специальный административный орган. В последующем существенно расширился объем надзорных функций прокуратуры. Если на основании первого Положения о прокурорском надзоре от 22 мая 1922 г. данный орган осуществлял наблюдение за законностью деятельности поднадзорных субъектов, то в последующем надзорные полномочия распространялись на действия советующих органов центрального управления, а также на обеспечение законности принимаемых постановлений народных комиссариатов и иных центральных учреждений на общегосударственном и региональном уровнях [2, с. 539].

17 октября 1922 г. был подписан циркуляр № 105 «О вопросах ближайшей деятельности прокуроров на местах по общему надзору». Данный правовой акт впервые закрепил термин «общий надзор» [3, с. 435]. Во исполнение предписаний данного правового акта прокурорская деятельность была сосредоточена на надзоре за законностью конфискации и принимаемых органами местного самоуправления решений по вопросам установления налогов местного значения, имущественного характера мелких предприятий. Кроме того, надзорная деятельность осуществлялась в сфере обеспечения исполнения законодательства государства различными предпринимательскими структурами, исполнения норм права, регулирующего трудовые правоотношения при трудоустройстве и увольнении сотрудников.

Основополагающими задачами при этом являлись привлечение к административной, уголовной или дисциплинарной ответственности за нарушение законодательства государства различными хозяйствующими субъектами, а также возбуждение уголовных дел о должностных и хозяйственных преступлениях.

Таким образом, правоохранительная функция прокуратуры в экономической сфере начинает планомерно расширяться, орган наделяется все большими полномочиями. Как правило, проверки прокуратурой деятельности хозяйствующих субъектов осуществлялись при поступлении заявления и жалоб, а также при проверках гражданских дел.

На основании Декрета ВЦИК от 1 февраля 1923 г. «Положение о Народном Комиссариате Юстиции» основной отдел прокуратуры Народного Комиссариата юстиции был разделен на четыре подотдела, один из которых осуществлял функции общего надзора. Данный нормативный правовой акт не регламентировал основные функции подотдела общего надзора, тем не менее наиболее подробно были изложены обязанности прокурора в Положении о судостроительстве РСФСР 1922 года¹. На основании ст. 87 данного правового акта на прокуроров возлагались следующие основные обязательства:

– осуществлять надзор за законностью принимаемых распоряжений и постановлений исполнительными комитетами и их обособленными структурами;

– участвовать при опротестовании незаконных вынесенных постановлений или распоряжений через соответствующие органы государственной власти.

Полномочия прокуратуры закрепляли и прочие законодательные акты, в частности, Положение о Верховном суде СССР от 23 ноября 1923 года. На основании ст. 22 данного нормативного правового акта прокурор осуществлял надзорные функции и контроль за законностью принимаемых ре-

¹ О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР : Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шений и деятельностью как центральных органов управления, так и муниципальных органов власти и их подразделений.

В последующем руководство приходит к выводу, что охватить общей надзорной деятельностью все обозначенные объекты представляется нецелесообразным и это противоречит принципу оптимизации. Остро встает вопрос об ограничении пределов общего надзора. Это обуславливается тем, что при осуществлении надзорных мероприятий органы прокуратуры допускали ошибки и использовали противоречивые методы в своей работе. В результате деятельность прокуратуры не отвечала общим принципам и целям функционирования данного государственного органа власти, когда излишние проверки осуществлялись в театрах, родильных домах, музеях и т. п. Деятельность прокуратуры становилась все более бюрократичной, при этом действенных результатов не имелось.

В следующих нормативных правовых актах излагались более детальные полномочия прокурора по общему надзору. Так, на основании ст. 58 Постановления ЦИК СССР, СНК СССР от 24 июля 1929 г. прокурор наделялся полномочиями за соблюдением законности постановлений государственных органов власти, центральных исполнительных комитетов союзных республик и их президиумов, а также действий соответствующих объектов. Статьей 59 данного Положения на прокуроров возлагались полномочия по осуществлению надзора и отправлению правосудия¹.

После принятия Постановления ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17 декабря 1933 г. «Положение о прокуратуре Союза ССР» на основании п. «а» ст. 4 на прокуратуру возлагалась обязанность осуществления надзора за соответствием по-

становлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР и союзных республик, а также решений муниципальных органов власти нормам Конституции СССР, постановлениям и распоряжениям правительства СССР². В последующем полномочия расширились, в соответствии со ст. 113 Конституции 1936 г., на прокуратуру возлагались обязательства осуществлять высший надзор за точным и неукоснительным исполнением законодательства всеми органами государственной власти, должностными лицами и гражданами СССР³.

Таким образом, посредством систематизации нормативно-правового регулирования деятельности прокуратуры многие устаревшие методы перестают применяться [4, с. 10] при осуществлении надзорной функции, разрабатывается единый порядок осуществления надзора, обеспечивающего реализацию принципа законности.

Начавшаяся Великая Отечественная война обуславливала необходимость перестройки деятельности прокуратуры на военные рельсы. На основании Приказа прокурора СССР от 5 июня 1942 г. № 54с «О работе по общему надзору» прокуратура должна была сосредоточить основное внимание на исполнении законодательства о военных заказах и государственных поставках всеми предприятиями и колхозами, своевременности сбора урожая и заготовок сельскохозяйственных продуктов, а также на прочих экономических вопросах, непосредственно связанных с военным положением в стране [5, с. 170]. Также прокуратура должна была обеспечить надлежащее противодействие преступлениям, связанным с хищением имущества, коррупцией, подкупом и пр.

По окончании войны основное внимание прокуратуры было сосредоточено на надзоре за соблюдением и восстановлени-

¹ Об утверждении положения о Верховном Суде Союза ССР и прокуратуре Верховного Суда Союза ССР : Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 24 июля 1929 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Положение о прокуратуре Союза ССР : Постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17 декабря 1933 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 11.02.2025).

ем нарушенных прав и законных интересов граждан. Приказ Генерального прокурора СССР от 17 июня 1946 г. № 128 «Об усилении общего надзора за точным исполнением законов» послужил началом перестройки деятельности органа на рельсы мирного времени, в связи с чем особое внимание уделяется выявлению и устранению нарушений норм законодательства, в том числе и в сфере экономики¹. На основании данного приказа предпринималась первая попытка ограничить предмет прокурорского надзора только сферой исполнения нормативных правовых актов должностными лицами и гражданами СССР [6, с. 161]. В послевоенные годы усиление органов прокуратуры было сосредоточено на вопросах укрепления законности именно в экономической сфере жизнедеятельности общества. В качестве первостепенных задач выступали обеспечение сохранности государственного имущества, народного хозяйства, противодействия преступлениям и правонарушениям в экономической сфере, соблюдение в данной области прав и законных интересов граждан [7, с. 31], организаций и государства в целом.

Попытка была наиболее осуществлена при принятии Положения о прокурорском надзоре в СССР. В соответствии с положением прокурор наделялся правом осуществлять надзорные мероприятия за точным и неукоснительным исполнением законодательных актов всеми субъектами правоотношений, в том числе государственными органами власти, юридическими и физическими лицами, должностными лицами и прочими субъектами². В компетенцию прокуроров входили следующие основные функции: истребовать всю необходимую документацию для реализации контроль-

но-надзорных мероприятий в сфере исполнения законодательства, регулирующего экономическую сферу жизнедеятельности общества; осуществлять непрерывный мониторинг исполнения законодательства в экономической сфере, проводить проверки и ревизии, направленные на устранение правонарушений в данной сфере; требовать пояснений, объяснений при обнаружении нарушения исполнения законодательства; приносить протесты и внесения представлений, привлечения к соответствующему виду юридической ответственности виновных лиц. Таким образом, в данном положении, помимо реализации надзора за исполнением законодательства, прокуроры должны были обеспечить надлежащую защиту различных социально-экономических прав граждан.

В дальнейшем осуществляются централизация прокуратуры и разработка единой политики реализации высшего надзора, что непосредственно происходило в соответствии с нормами Конституции СССР 1977 года. Основные полномочия предусматривались в статьях 164–168 данного правового акта³.

Последующие нормативные правовые акты, регулирующие деятельность прокуратуры, расширяли предмет и пределы прокурорского надзора. Так, 30 ноября 1979 г. был принят Закон «О прокуратуре СССР». На основании ст. 2 данного акта ключевыми задачами органов прокуратуры являлись охрана прав и законных интересов граждан в политической и экономической системах, обеспечение законности и правопорядка в данных сферах жизнедеятельности общества.

Ст. 23 Закона «О прокуратуре СССР» закрепляет полномочия прокурора по осуществлению надзора, в том числе и в эконо-

¹ Об усилении общего надзора за точным исполнением законов : приказ Генпрокуратуры СССР от 17 июня 1946 г. № 128. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР : Указ Президиума ВС СССР от 24 мая 1955 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

мической сфере¹. Так, прокурор наделяется следующими компетенциями: истребовать необходимую документацию, осуществлять проверку исполнения законодательства государства, требовать письменные объяснения при выявлении нарушений, а также опротестовывать противоречащие законодательству изданные ведомственные правовые акты, привлекать правонарушителей к соответствующей юридической ответственности и обязательству возмещать материальный ущерб, причиненный в результате нарушения законодательства, регулирующего экономическую сферу. В компетенцию прокурора на основании данного акта также входило право вносить представления в государственные органы власти об устранении выявленных нарушений законодательства. Таким образом, общий объем компетенции прокуратуры в экономической сфере начинает приобретать схожие черты с современным механизмом реализации надзорной функции.

Новая Конституция СССР также закрепляла основополагающие принципы деятельности прокуратуры, среди которых особое значение имеет принцип демократизации и гласности, что является фундаментальным началом в надзорной деятельности и обеспечении принципа законности на всей территории государства.

В 80-е гг. XX столетия значительно возрастает правозащитная функция прокуратуры во всех сферах жизнедеятельности общества, в особенности в экономической политике государства. В Закон о прокуратуре от 16 июня 1987 года вносятся коррективы, на основании которых на прокуратуру возлагались правозащитные функции, центральное место стал занимать надзор за законностью принимаемых решений на муниципальном уровне. Возрастанию значения и роли прокурорского надзора способствова-

ло принятие 26 декабря 1990 года новых поправок к Конституции СССР, на основании которых существенно расширяется сфера деятельности органов прокуратуры².

На современном этапе развития правовые основы осуществления прокурорского надзора в сфере экономики образуют нормы Конституции Российской Федерации. В систему правового регулирования входят в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», а также прочие федеральные законы. А. Б. Карлин высказал такую точку зрения, что «Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» 1992 г. получился добротным, крепким документом, выдержавшим проверку, в том числе и конституционной реформой 1993 года» [8, с. 11].

Таким образом, расширение основных направлений правозащитной деятельности органов прокуратуры приводит к существенным изменениям, в частности, прокуратура уже не могла осуществлять надзор за исполнением законодательства огромного числа поднадзорных субъектов, включая граждан государства. Это предопределило внесение коррективов 17 ноября 1995 года в Федеральный Закон «О прокуратуре», на основании которых закреплялся надзор за исполнением законодательства органами государственной власти и муниципальных образований, военного управления, органами контроля и их уполномоченными лицами. На основании норм данных поправок прокуроры осуществляли надзор за соответствием издаваемых нормативных правовых актов нормам Конституции Российской Федерации и системе федеральных законов, за соблюдением прав и свобод человека, надлежащим исполнением законодательства всеми коммерческими и некоммерческими предприятиями.

Ключевые направления прокурорского надзора в экономической сфере закрепи-

¹ О прокуратуре СССР : Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-Х. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления : Закон СССР от 26 декабря 1990 г. № 1861-І. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ны в приказе Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». На основании принятого Федерального закона в 2016 году органы прокуратуры были отнесены к субъектам профилактики правонарушений, в том числе правонарушений в экономической сфере¹.

В XXI веке продолжается расширение круга полномочий, что обуславливается возникновением новых проблем, с которыми сталкивается государство, в частности, появляются такие обязанности, как организация и проведение плановых и внеплановых выездных проверок юридических лиц различных форм собственности и индивидуальных предпринимателей, разработка и формирование ежегодных планов по проведению проверок, реализация мероприятий по противодействию коррупционности нормативных правовых актов и т. д. В литературе можно встретить немало исследований работ, где рассматривается коррупция как одна из острых социальных проблем [9; 10, с. 107; 11, с. 107]. Добавим лишь, что грамотно организованный прокурорский надзор способствует обеспечению финансово-экономической безопасности, а именно снижению нарушений законодательства в экономической сфере, общей задолженности юридических лиц по заработной плате сотрудникам, по налогам и сборам, государственным пошлинам, таможенным платежам. Особое значение уделяется целевому использованию бюджетных средств на различных уровнях. В своих работах авторы уже рассматривали вопросы обеспечения экономической безопасности в бюджетной сфере органами прокуратуры. Так например, писали о том, что «залогом обеспечения финансовой безопасности является надзор за исполнением бюджетного законодательства, который представляется одним из приоритетных направлений прокурорской дея-

тельности» [12, с. 184]. Для усиления данной позиции приведем мнение профессора Н. А. Саттаровой, которая обосновывает, что «негативные последствия в финансовой сфере оказывают влияние, прежде всего, на экономику страны, ее денежно-кредитную систему, бюджетно-налоговую сферу, финансовую политику» [13, с. 4; 14, с. 78].

Некоторые ученые отмечают, что на современном этапе развития законодательства, регламентирующего надзорные функции прокуратуры, закрепляют нормы, на основании которых можно сделать вывод о самостоятельности прокурорского надзора за исполнением законодательства, в том числе и в экономической сфере. Надзор становится более приоритетным видом деятельности современной российской прокуратуры [15, с. 198].

Современные правоохранительные функции органов прокуратуры обусловлены спецификой социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетными задачами, которые были поставлены руководством страны. Традиционно органы прокуратуры выступают в защиту социальных, экономических, политических прав и законных интересов граждан и всего общества.

Заключение

Таким образом, на протяжении исторического периода развития законодательства органы прокуратуры имели разные компетенции при реализации надзорных мероприятий, в том числе и в экономической сфере. Тем не менее основополагающие функции прокуратуры заключались в обеспечении законности в стране, защите прав и свободы личности и государства. На современном этапе развития органы прокуратуры занимают центральное место в системе совершенствования экономической деятельности, уполномоченные осуществляют надзор за экономической хозяйственной деятельностью юридических лиц, государственных органов власти, органов власти муниципальных образований, за исполнением бюд-

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Российская газета. 28.06.2016. № 139.

жетного и налогового законодательства, а также законодательства, регулирующего

экономическую сферу жизнедеятельности государства в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шобухин В. Ю. Правовое регулирование организации и деятельности прокуратуры России в 1722–1917 гг. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 3. С. 88–95.
2. Сафронова Е. В., Струков В. Н. История зарождения советской модели прокуратуры (1917–1922 гг.) // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2018. Т. 43. № 3. С. 539–544.
3. Михеева И. В., Авдонина Т. М. К вопросу о правовых основах прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах // *Молодой ученый*. 2021. № 18 (360). С. 435–438.
4. Каримов Р. Р., Бондаренко Ю. В. Государство и общество: формирование взаимоотношений на пути к правовому государству (историко-правовой аспект). Уфа : УЮИ МВД, 2019. 56 с.
5. Широкова А. А. Особенности деятельности советской прокуратуры по осуществлению общего надзора в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Московского университета МВД России*. 2010. № 1. С. 169–170.
6. Сушина Т. Е. Правовая норма в контексте предмета прокурорского надзора // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 8. С. 160–168.
7. Гальченко А. И. Исторические аспекты деятельности российской прокуратуры по предупреждению нарушений законов // *Lex Russica*. 2017. № 9 (130). С. 22–35.
8. Карлин А. Б. Прокурорский надзор в контексте развития конституционного законодательства // *Правовое регулирование прокурорской деятельности: история и новации (Сухаревские чтения) : сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции*. М., 2023. С. 8–13.
9. Рачков И. А., Усманова Р. М. Отдельные аспекты значимости суда в противодействии коррупции // *Проблемы модернизации современного российского государства : сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции*. Стерлитамак : СФ УУНиТ, 2022. С. 53–57.
10. Чернова Э. Р., Сагидуллина Р. Р. Предмет и объект деятельности прокуратуры в сфере противодействия коррупции // *Актуальные вопросы местного самоуправления в Российской Федерации : сборник научных статей по итогам VI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню местного самоуправления*. Стерлитамак : СФ УУНиТ, 2023. С. 107–110.
11. Шарафутдинова А. Р., Мухаметов П. А. Коррупция: историко-правовой анализ // *Актуальные проблемы права и государства в XXI веке*. 2020. Т. 12. № 1. С. 107–111.
12. Бойко Н. Н. Надзор за исполнением бюджетного законодательства как один из приоритетных направлений прокурорской деятельности // *Государственная власть и местное самоуправление в современный период : сборник научных статей по итогам работы методологических семинаров и студенческого научного кружка «Проблемы государственной власти и местного самоуправления»*. Стерлитамак : СФ БашГУ, 2018. С. 184–189.
13. Саттарова Н. А. Виды угроз финансовой безопасности // *Финансовое право*. 2017. № 12. С. 3–4.
14. Саттарова Н. А. О факторах обусловленности государственного принуждения в сфере обеспечения безопасности // *Правовое государство: проблемы понимания и реализации : сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика»*. Уфа : БашГУ, 2015. С. 77–84.
15. Дворецкий М. Ю., Авдеев Р. В. Приоритетные направления деятельности прокуратуры Российской Федерации при реализации правозащитных функций и обоснованному привлечению к ответственности // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. № 5 (145). С. 198–205.

REFERENCES

1. Shobukhin V. Yu. Legal regulation of the organization and activities of the prosecutor's office of Russia in 1722–1917 // *Electronic supplement to the Russian Law Journal*. 2018. No. 3. P. 88–95. (In Russ.)
2. Safronova E. V., Strukov V. N. History of the emergence of the Soviet model of the prosecutor's office (1917–1922) // *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2018. Vol. 43. No. 3. P. 539–544. (In Russ.)

3. Mikheeva I. V., Avdonina T. M. On the issue of the legal basis for prosecutorial supervision over the implementation of legislation on taxes and fees // *Young scientist*. 2021. No. 18 (360). P. 435–438. (In Russ.)
4. Karimov R. R., Bondarenko Yu. V. State and society: formation of relationships on the way towards a state governed by the rule of law (historical and legal aspect). Ufa : ULI MVD, 2019. 56 p. (In Russ.)
5. Shirokova A. A. Features of the activities of the Soviet prosecutor's office in implementing general supervision during the Great Patriotic War // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010. No. 1. P. 169–170. (In Russ.)
6. Sushina T. E. Legal norm in the context of the subject of prosecutorial supervision // *Actual problems of Russian law*. 2016. No. 8. P. 160–168. (In Russ.)
7. Galchenko A. I. Historical aspects of the activities of the Russian prosecutor's office to prevent violations of laws // *Lex Russica*. 2017. No. 9 (130). P. 22–35. (In Russ.)
8. Karlin A. B. Prosecutor's supervision in the context of the development of constitutional legislation // *Legal regulation of prosecutorial activity: history and innovations (Sukharev readings) : collection of materials of the 8th All-Russian scientific and practical conference*. Moscow, 2023. P. 8–13. (In Russ.)
9. Rachkov I. A., Usmanova R. M. Certain aspects of the importance of the court in combating corruption // *Problems of modernization of the modern Russian state : collection of materials of the 11th All-Russian scientific and practical conference*. Sterlitamak: SF UUNiT, 2022. P. 53–57. (In Russ.)
10. Chernova E. R., Sagidullina R. R. Subject and object of the prosecutor's office's activity in the field of combating corruption // *Actual issues of local self-government in the Russian Federation : collection of scientific articles following the results of the 6th All-Russian scientific and practical conference dedicated to the Day of Local Self-Government*. Sterlitamak : SF UUNiT, 2023. P. 107–110. (In Russ.)
11. Sharafutdinova A. R., Mukhametov P. A. Corruption: historical and legal analysis // *Actual problems of law and state in the 21st century*. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 107–111. (In Russ.)
12. Boyko N. N. Supervision of execution of budget legislation as one of the priority areas of prosecutorial activity // *State power and local self-government in the modern period : collection of scientific articles based on the results of the work of methodological seminars and the student scientific circle «Problems of state power and local self-government»*. Sterlitamak : SF BashSU, 2018. P. 184–189. (In Russ.)
13. Sattarova N. A. Types of threats to financial security // *Financial law*. 2017. No. 12. P. 3–4. (In Russ.)
14. Sattarova N. A. On the factors of state coercion in the sphere of security // *The rule of law: problems of understanding and implementation : collection of articles from the International scientific-practical conference dedicated to the 10th anniversary of the journal "The rule of law: theory and practice"*. Ufa : BashSU, 2015. P. 77–84. (In Russ.)
15. Dvoretzky M. Yu., Avdeev R. V. Priority areas of activity of the prosecutor's office of the Russian Federation in the implementation of human rights functions and reasonable prosecution // *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 2015. No. 5 (145). P. 198–205. (In Russ.)

Информация об авторах:

Бойко Н. Н. – кандидат юридических наук, доцент;
 Мухаметова В. Ю. – без ученой степени.

Information about the authors:

Boyko N. N. – Candidate of Law, Associate Professor;
 Mukhametova V. Yu. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025 принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 13.02.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья
УДК 351.741.078.18(470)

Элина Радиковна Голубева¹, Гульназ Юрисовна Каримова²

¹ *Аппарат Башкортостанского регионального отделения «Ассоциация юристов России», Уфа, Россия, elina_baiburina@mail.ru*

² *Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, kg579@yandex.ru*

**ВСКРЫТИЕ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА
КАК ОТДЕЛЬНАЯ МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ,
ПРИМЕНЯЕМАЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ**

Аннотация. Исследование посвящено анализу понятия и сущности мер государственного принуждения, проблем применения сотрудниками полиции отдельной меры государственного принуждения «Вскрытие транспортного средства». Во вводной части на основе приведенных сведений, в том числе результатов социологического исследования, обозначается актуальность выбранной темы. Содержанием работы выступает рассмотрение понятия и значения отдельных мер государственного принуждения, применяемых сотрудниками полиции. Раскрыты понятие и признаки административно-правового принуждения. В ходе исследования анализируются нормативные правовые акты, регламентирующие порядок и особенности применения сотрудниками полиции отдельных мер государственного принуждения. В заключительной части статьи подводятся итоги, формулируются выводы с предложением совершенствования правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: государственное принуждение, полиция, ответственность, вскрытие транспортного средства, административно-правовое принуждение

Для цитирования: Голубева Э. Р., Каримова Г. Ю. Вскрытие транспортного средства как отдельная мера государственного принуждения, применяемая сотрудниками полиции // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 19–25.

Original article

Elina R. Golubeva¹, Gulnaz Yu. Karimova²

¹ *Staff of the Bashkortostan Regional Branch of the Association of Lawyers of Russia, Ufa, Russia, elina_baiburina@mail.ru*

² *Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Ufa, Russia, kg579@yandex.ru*

**VEHICLE OPENING AS A SEPARATE MEASURE
OF STATE COERCION USED BY POLICE OFFICERS**

Abstract. The study is devoted to the analysis of the concept and essence of state coercion measures, the problems of the use by police officers of a separate measure of state coercion «Vehicle opening». In the introductory part, based on the information provided, including the results of a sociological study, the relevance of the chosen topic is indicated. The content of the work is the consideration of the concept and meaning of individual measures of state coercion used by police officers. The concept and signs of administrative and legal coercion are revealed. The study analyzes the regulatory legal acts regulating the procedure and specifics of

the use of certain measures of state coercion by police officers. In the final part of the article, the results are summarized, conclusions are formulated with a proposal to improve law enforcement activities.

Keywords: state coercion, police, responsibility, vehicle opening, administrative and legal coercion

For citation: Golubeva E. R., Karimova G. Yu. Vehicle opening as a separate measure of state coercion used by police officers // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 19–25. (In Russ.)

Введение

Формы государственного правового принуждения достаточно многообразны. Изучению отдельных вопросов применения мер государственного принуждения посвящены труды советских и российских ученых-правоведов: С. С. Алексеева, В. К. Бабаева, Б. Т. Базылева, Д. Н. Бахрах, И. И. Карпеца, А. И. Каплунова, Н. А. Стручкова, Ф. Р. Сундурова, Ю. П. Соловей, К. А. Сыч.

Отдельные меры государственного принуждения, применяемые сотрудниками полиции, – острое средство воздействия, основанное на организованной силе с целью подчинения определенных субъектов государственной воле, такое волеизъявление ставит человека в положение, когда у него нет выбора для избрания иного варианта, чем предложенного сотрудником полиции. Так, сотрудник полиции при исполнении своих служебных обязанностей должен быть непреклонен и категоричен, принуждаемый должен принять адресованные ему принудительные меры и претерпеть вне зависимости от его собственной оценки и желаний.

Таким образом, справедливо утверждение Г. В. Атаманчука о том, что государственное принуждение является методом управления¹. Отдельные меры государственного принуждения, применяемые сотрудниками полиции, – это основанные на нормативных правовых предписаниях средства психического и физического воздействия на личность в целях склонения к определенному поведению. Правомерное ограничение прав и свобод человека и гражданина имеет временный характер, отвечает принципам справедливости, соразмерности, законности. Однако следует разграничивать

правомерное ограничение от запретов совершения преступных действий и мер ответственности, устанавливаемых за нарушение этих запретов. При проникновении в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории, при вскрытии транспортного средства собственники должны быть надлежащим образом уведомлены с применением в последующем реабилитационных мер, имеющих компенсационный характер.

Методы

В качестве методов исследования в настоящей работе выбраны общенаучные методы (анализ, синтез), а также специальные научные методы (сравнительно-правовой и др.). Указанные методы позволят всесторонне изучить предмет настоящего исследования, поскольку рассмотрение поставленных вопросов лежит в сфере административной деятельности полиции.

Результаты

Отдельные меры государственного принуждения, применяемые сотрудниками полиции, тесным образом сопряжены с задачами органов внутренних дел по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, противодействию преступности, охране собственности и иных благ.

Новеллой законодательства о полиции является введение статьи 15.1 «Вскрытие транспортного средства»². Право вскрывать или проникать в транспортное средство расширило перечень полномочий сотрудников полиции и дало возможность более эффективно решать возложенные на органы внутренних дел задачи по спасению жизни граждан, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, противодействию преступности и др.

¹ Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. М., 1997. С. 177.

² О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В юридической литературе под мерами государственного принуждения понимают средства юридического принудительного воздействия, закрепленные в законодательстве, используемые в отношении определенных лиц [1].

Понятие государственного принуждения может трактоваться в узком смысле с учетом характеристики правовых и организационных мер императивного свойства для обеспечения правопорядка, прав и свобод граждан, общественной безопасности.

Следует отметить, что формат государственного принуждения, применяемого сотрудниками полиции, его сущность, содержание, формы, меры и пределы закреплены в различных нормативных правовых актах: Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), Федеральном законе «О полиции» и других источниках. Правовые акты не должны содержать правовой неопределенности в толковании, поскольку это может снизить эффективность действий сотрудников полиции, связанных с применением мер принуждения. Нормативные правовые акты в действующей редакции гарантируют правовую защищенность сотрудников полиции, чтобы исключить случаи бездействия, связанного с нерешительностью в ходе применения мер правового принуждения.

В КоАП РФ закреплены меры административно-правового принуждения, которые характеризуются следующими признаками [2]: принуждение осуществляется компетентными органами государства или их представителями, обладающими законными полномочиями; деятельность по принуждению строится на основе законов и нормативных актов, определяющих порядок и условия применения принудительных мер; административно-правовое принуждение преследует цель обеспечения соблюдения законов, правопорядка, общественной без-

опасности или защиты интересов граждан; воздействие может проявляться в различных формах, таких как наложение штрафов, арест, конфискация имущества, административное заключение и т. д.; применение административно-правового принуждения обязательно должно соответствовать установленным законом процедурам и формам; в отличие от уголовного принуждения, административно-правовое принуждение не связано с преследованием уголовных преступлений; лица, подвергнутые административно-правовому принуждению, обычно имеют право на обжалование решений и действий в компетентных органах.

Административное принуждение играет значительную роль в соблюдении законности, поддержании общественного порядка и предотвращении правонарушений в различных сферах общественных отношений [3]. Так, административные меры способствуют предотвращению совершения правонарушений, так как их возможное применение служит своеобразным сдерживающим фактором. Граждане и организации, сталкиваясь с перспективой административного воздействия, склонны соблюдать законы и правила. Административные санкции, как правило, применимы к различным областям общественных отношений [4]. Они охватывают разнообразные сферы, такие как гражданское, финансовое, земельное, экологическое право и др., что делает их универсальным инструментом регулирования [5]. Административное принуждение способствует поддержанию общественного порядка, защите общественных интересов и обеспечению правопорядка. Административные санкции могут быстро и эффективно применяться к нарушителям, что позволяет оперативно реагировать на правонарушения и предотвращать их распространение [6].

С принятием Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О полиции"»¹, закрепившего полномочия полиции

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»: федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по вскрытию транспортного средства, только в ряде случаев, предусмотренных ст. 15.1 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, допускается вскрытие транспортного средства для:

- 1) спасения жизни граждан;
- 2) обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях;
- 3) задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, застигнутых на месте совершения ими деяния, содержащего признаки преступления, или скрывающихся с места совершения ими такого деяния, или лиц, на которых потерпевшие или очевидцы указывают как на совершивших деяние, содержащее признаки преступления;
- 4) пресечения преступления;
- 5) применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, если имеются основания полагать, что совершившее данное правонарушение лицо находится в состоянии опьянения;
- 6) проведения осмотра транспортного средства или груза, если есть основания полагать, что в нем без специального разрешения находятся предметы или вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные;
- 7) проверки сообщения об угрозе террористического акта;
- 8) установления обстоятельств несчастного случая.

В данном перечне есть основание применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в случае нахождения совершившего правонарушение лица в состоянии опьянения. Отметим, что медицинское освидетельствование на состояние опьянения включает ряд критериев, установленных приказом Минздрава России. В эти критерии входят: обнаружение запаха алкоголя изо рта, неустойчи-

вость позы и шаткость походки, нарушение речи, а также изменения окраски кожных покровов лица. Применение этих критериев осуществляется сотрудниками медицинских учреждений в процессе осмотра лиц, подозреваемых в состоянии опьянения, и является важным элементом в определении способности человека выполнять определенные действия, такие как управление транспортным средством [7].

Если сотрудник полиции производит вскрытие автомобиля, ссылаясь на предполагаемое состояние опьянения водителя, и последующее медицинское освидетельствование не подтверждает наличие опьянения, это может повлечь за собой применение мер дисциплинарного и гражданско-правового характера в отношении данного сотрудника. Такие меры могут включать в себя дисциплинарные взыскания, ответственность за неправомерные действия, возможные гражданские иски от водителя и другие юридические последствия. Недостоверная информация о состоянии опьянения, служащая основанием для вскрытия автомобиля, может быть рассмотрена как нарушение прав и законных интересов граждан [8].

Если сотрудник полиции производит вскрытие автомобиля, ссылаясь на то, что в нем без специального разрешения находятся предметы или вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченные в обороте, то отсутствие явных законных оснований создает проблемы для сотрудника полиции. Единственными возможными условиями или основаниями могут служить результаты оперативно-розыскных мероприятий или решение следователя (дознателя) [9].

При проведении вскрытия транспортного средства в отсутствие владельца или пассажиров сотрудником полиции должны быть соблюдены определенные процедуры¹. В частности, направляется уведомление собственнику или владельцу транспортного средства. В случае его отсутствия по месту пребывания или жительства либо отказа в

¹ Вскрытие автомобиля и проникновение в жилище: как полиция должна информировать собственников с 6 мая 2022 года. URL: <https://www.garant.ru/news/1542137/> (дата обращения: 14.05.2023)

получении уведомления на руки сотрудником полиции на втором экземпляре делается соответствующая запись, а уведомление направляется посредством почтовой связи заказным почтовым отправлением, факсимильной связи, телефонограммой, с использованием иных средств связи и доставки, позволяющих достоверно установить факт направления уведомления [10].

Уведомление может быть направлено и в электронном виде, например, как отсканированный документ, содержащий подпись собственника. Тем не менее при использовании такого метода доставки, а также при отправке по телефонограмме или факсу позднее собственнику обязательно направляется уведомление на бумажном носителе по почте [11].

Представленные изменения нацелены на улучшение защиты прав и интересов граждан, а также на совершенствование деятельности полиции в предотвращении, пресечении и расследовании преступлений. Они также направлены на уточнение прав и обязанностей сотрудников полиции с целью устранения разрыва между их правами и правами представителей других правоохранительных органов, таких как Росгвардия, Федеральная служба безопасности России и другие [12].

Заключение

Можно выделить некоторые проблемные вопросы, которые остались нерешенными при определении оснований применения вскрытия транспортного средства, указанных в ч. 1 ст. 15.1 ФЗ «О полиции».

Так, остается сложным и требует внимательного рассмотрения вопрос разделе-

ния оснований для вскрытия транспортного средства. В рамках правовой системы необходимо четко определить, в каких ситуациях и на основании каких законов допускается применение данной меры государственного принуждения: административно-процессуальные или уголовно-процессуальные меры – в зависимости от конкретных обстоятельств. Правильное определение оснований и процедур вскрытия транспортных средств является критическим моментом в законодательстве и практике правопорядка. Ошибки или неясности в этой области могут привести к серьезным юридическим последствиям, включая возможное признание действий сотрудников полиции незаконными и отмену доказательств [13].

Положение ч. 2 статьи 15.1 Федерального закона «О полиции» требует, чтобы сотрудник полиции перед вскрытием транспортного средства представился и разъяснил причину такого действия. Однако норма статьи не определяет, какие меры следует принимать в случае отсутствия владельца на месте, что может создать трудности в выполнении требований закона в некоторых ситуациях.

Один из возможных способов решения этой проблемы – использование видеозаписи или наличие свидетеля во время вскрытия, что позволит зафиксировать действия сотрудника полиции и обеспечить документирование процесса для последующего анализа. Другим вариантом может быть проведение вскрытия в присутствии двух сотрудников полиции, чтобы один из них мог свидетельствовать о том, что были проведены представление и разъяснение причины вскрытия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кожевников С. Н. Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы // Российский юридический журнал: электронное приложение. 2011. № 2. С. 20–27.
2. Матюхина Н. В. Меры административного принуждения: понятие, виды и проблемы их реализации // Студенческий. 2023. № 39.
3. Гришин Д. А. О соотношении категорий «форма», «вид» и «мера» административного принуждения // Административное право и процесс. 2021. № 12. С. 16–20.
4. Рейзов М. Э. Меры административного принуждения: понятие, виды и проблемы их реализации // Вестник науки. 2023. № 11. С. 359–362.

5. Махортова А. Р. Меры административного принуждения: понятие, виды и проблемы их реализации // Вестник науки. 2023. № 10. С. 285–289.
6. Медяник М. С. Меры административного принуждения: понятие, виды и проблема их реализации // Вестник науки. 2023. № 11. С. 178–184.
7. Плешков Н. А. Понятие и виды мер административного принуждения // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 120–122.
8. Журавлев В. В. Организационно-правовые основы вскрытия транспортных средств: проблемы построения теоретической модели и пути их преодоления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3. С. 89–94.
9. Солдатов Н. В. Вскрытие транспортного средства сотрудником полиции: возможные проблемы практической реализации // Проблемы совершенствования российского законодательства : сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. Барнаул, 2023. С. 317–319.
10. Марков А. В. Актуальные вопросы порядка реализации права сотрудника полиции на вскрытие транспортных средств // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Рязань, 2023. С. 129–130.
11. Калининченко Д. В. Проблемы применения мер административного принуждения органами внутренних дел Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5. С. 152–154.
12. Судариков Р. С. Организация системы управления органами внутренних дел // Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика : сборник статей V Международной научно-практической конференции. 2018. С. 230–232.
13. Ковалева Е. В. К вопросу о применении сотрудниками полиции вскрытия транспортных средств // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-1. С. 195–196.

REFERENCES

1. Kozhevnikov S. N. State coercion: regulatory and protective purpose, forms // Russian Law Journal: Electronic Supplement. 2011. No. 2. P. 20–27. (In Russ.)
2. Matyukhina N. V. Administrative coercion measures: concept, types, and problems of their implementation // Student. 2023. No. 39. (In Russ.)
3. Grishin D. A. On the relationship between the categories “form”, “type”, and “measure” of administrative coercion // Administrative Law and Process. 2021. No. 12. P. 16–20. (In Russ.)
4. Reyzov M. E. Administrative coercion measures: concept, types, and problems of their implementation // Science Bulletin. 2023. No. 11. P. 359–362. (In Russ.)
5. Makhortova A. R. Measures of administrative coercion: concept, types and problems of their implementation // Bulletin of science. 2023. No. 10. P. 285–289. (In Russ.)
6. Medyanik M. S. Measures of administrative coercion: concept, types and problem of their implementation // Bulletin of science. 2023. No. 11. P. 178–184. (In Russ.)
7. Pleshkov N. A. Concept and types of administrative coercion measures // Science and education: topical issues, achievements and innovations : collection of articles from the 8th International scientific and practical conference. Penza, 2023. P. 120–122. (In Russ.)
8. Zhuravlev V. V. Organizational and legal foundations for breaking into vehicles: problems of constructing a theoretical model and ways to overcome them // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 3. P. 89–94. (In Russ.)
9. Soldatov N. V. Opening a vehicle by a police officer: possible problems of practical implementation // Problems of improving Russian legislation : collection of abstracts of the All-Russian (with international participation) scientific conference of cadets, trainees and students. Barnaul, 2023. P. 317–319. (In Russ.)
10. Markov A. V. Actual issues of the procedure for exercising the right of a police officer to open vehicles // Collection of scientific articles following the results of the Russian Science Week at the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot. Ryazan, 2023. P. 129–130. (In Russ.)

11. Kalinichenko D. V. Problems of applying administrative coercion measures by the internal affairs bodies of the Russian Federation // Eurasian Law Journal. 2022. No. 5. P. 152–154. (In Russ.)

12. Sudarikov R. S. Organization of the management system of internal affairs bodies // Management of socio-economic systems: theory, methodology, practice : collection of articles of the 5th International scientific and practical conference. 2018. P. 230–232. (In Russ.)

13. Kovaleva E. V. On the issue of the use of vehicle opening by police officers // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2023. No. 23-1. P. 195–196. (In Russ.)

Информация об авторах:

Голубева Э. Р. – кандидат юридических наук;

Каримова Г. Ю. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Golubeva E. R. – Candidate of Law;

Karimova G. Yu. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2025 принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 21.03.2025.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.126.1:343.139(470)

Алина Леонидовна Ермакова
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия, ermachokal@mail.ru

СРОКИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ НА ЭТАПЕ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье анализируются положения уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие длительность применения заключения под стражу после направления уголовного дела в суд. Такие проблемы, как отсутствие предельного периода судебного ареста по отдельным категориям преступлений, чрезмерная длительность первоначального применения принудительного механизма, отсутствие легитимного основания для продления дальнейшей изоляции при возвращении уголовного дела прокурору, требуют дальнейшего разрешения на нормативном уровне в целях формирования единообразной судебной практики.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, предельный срок, возвращение уголовного дела, суд, прокурор

Для цитирования: Ермакова А. Л. Сроки содержания под стражей на этапе судебного разбирательства // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. № 1 (21). С. 26–33.

Original article

Alina L. Ermakova
Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia, ermachokal@mail.ru

TERMS OF DETENTION AT THE TRIAL STAGE

Abstract. The article analyzes the provisions of the criminal procedure legislation providing for the duration of the application of detention after the referral of a criminal case to the court. Problems such as the lack of a maximum period of judicial detention for certain categories of crimes, the excessive duration of the initial application of the coercive mechanism, and the lack of a legitimate reason for extending further isolation when returning a criminal case to the prosecutor require further resolution at the regulatory level in order to form uniform judicial practice.

Keywords: preventive measure, detention, deadline, return of the criminal case, court, prosecutor

For citation: Ermakova A. L. Terms of detention at the trial stage // Society, law, statehood: retrospective and perspective. No. 1 (21). P. 26–33. (In Russ.)

Введение

В механизме процессуального принуждения меры пресечения представляют собой системообразующее, центральное звено [1, с. 23]. Они применяются к подозреваемому, обвиняемому и подсудимому, соответственно, в досудебном и судебном производстве

по уголовному делу. Как автор отмечал ранее в своих исследованиях, проблемность в длительности применения рассматриваемой меры можно проследить уже на первоначальном этапе ее избрания органом предварительного расследования [2, с. 286], однако в данной статье пристальное внимание бу-

© Ермакова А. Л., 2025

дет уделено периоду содержания под стражей, исчисляемому с момента поступления уголовного дела в суд.

В уголовно-процессуальном законодательстве содержится ограничение на длительность содержания под стражей лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, в то время как в отношении общественно опасных деяний остальной категории максимального периода ареста на стадии судебного разбирательства не предусмотрено. Санкционирующий орган по истечении 6 месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок изоляции, но только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на 3 месяца. Некоторые ученые согласны с современными законоположениями. Так, И. А. Самылина предполагает, что в силу уникальности каждого уголовного дела в законе нельзя установить единый срок процессуального принуждения для суда первой инстанции, поскольку в противном случае судебное производство было бы загнано в «прокрустово ложе» [3, с. 49].

Большинство процессуалистов имеют другую точку зрения на данную проблему. Например, В. В. Трухачев считает, что установление четких границ длительности мер пресечения окажет положительное влияние на эффективность судебного разбирательства и позволит правоприменителям более осознанно подходить к принятию решений, избегая неоправданных задержек. В противном случае на должностных лиц могут быть наложены дисциплинарные взыскания за несоблюдение требований законодательства [4, с. 450]. Е. В. Золотарь предлагает предусмотреть предельный срок содержания под стражей до постановления судом приговора – 1 год [5, с. 13]. Д. А. Долгушин занимает аналогичную позицию по ограничению продления изоляции по истечении 6 месяцев с момента поступления уголовного дела в суд не более чем на 6 месяцев [6, с. 193]. К. В. Муравьев констатирует, что предельные сроки применения особых средств уголовно-правового воздействия в

каждом случае должны быть меньше санкции уголовно-правовой нормы, и предлагает ограничить срок содержания под стражей половиной срока максимального наказания, которое предусмотрено для соответствующего преступления [7, с. 373].

Методы

В процессе исследования использовались общенаучные методы познания, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение, сравнительно-правовой.

Результаты и обсуждение

Мы разделяем концепцию установления временных границ, поскольку закрепление в уголовно-процессуальном законе максимально возможного периода судебного применения любой меры обеспечительного характера в отношении подсудимых будет способствовать:

- уменьшению затяжных процессов и улучшению общего качества правосудия;
- обеспечению более упорядоченного и предсказуемого уголовного судопроизводства;
- реализации принципа «разумности» срока изоляции и, как следствие, привлечению к ответственности за его несоблюдение;
- созданию справедливой и «прозрачной» системы процессуального принуждения и повышения доверия общества к судебной системе.

Состояние неопределенности, в которое попадает лицо в силу отсутствия максимально возможного срока изоляции после поступления уголовного дела в суд, ставит под сомнение реализацию конституционного принципа неприкосновенности личности.

Так, в правоприменительной практике имеется решение, которым подсудимому Л. срок содержания под стражей был продлен на 3 месяца, а всего – до 50 месяцев. При этом суд принял во внимание отягчающие обстоятельства, обосновывающие дальнейшее применение изоляции от общества, а именно: совершение особо тяжкого преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических веществ, имеющийся ранее опыт отбывания наказания в исправительном учреждении, отсут-

ствии трудоустройства и прочных семейных связей¹.

Однако имеет ли место рассмотрение одних и тех же обстоятельств, подтверждающих необходимость применения самой жесткой меры пресечения, на протяжении более четырех лет? Можно предположить, что в течение такого длительного периода времени субъект расследования и суд зафиксировали все доказательства, подтверждающие причастность лица к преступлению. Что же касается опасений воспрепятствования рассмотрению уголовного дела, оказания давления на лиц, то механизм обеспечительных мер в уголовном судопроизводстве располагает еще как минимум одной мерой пресечения, связанной с изоляцией от общества и установлением дополнительных запретов, которые способствуют недопущению противоправных действий со стороны виновного. Следует констатировать, что в данном случае конкретные условия применения, например, домашнего ареста не были подвергнуты изучению.

Как показывает правоприменительная практика, органы правосудия с долей неохоты подходят к замене обеспечительных мер на более мягкие.

Так, Краснодарский краевой суд отменил постановление Ленинского районного суда в части продления срока домашнего ареста в отношении подсудимого и избрал меру пресечения в виде запрета определенных действий. Он пришел к выводу, что нижестоящий суд использовал в своем решении стереотипные формулировки об отсутствии оснований для изменения действующей обеспечительной меры, а также не рассмотрел ходатайство защитника, не дал собственную оценку приложенным к ходатайству документам, не привел конкретных обстоятельств, обосновывающих продление срока домашнего ареста, не обсудил вопрос

о возможности применения более мягкой меры пресечения. Таким образом, вышестоящий суд пришел к выводу, что интересы судопроизводства могут быть достигнуты с помощью менее суровой обеспечительной меры².

Следующим проблемным вопросом является то, что суды трактуют положения ч. 3 ст. 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «в свою пользу», используя в полной мере предоставленный им первоначальный шестимесячный срок для продления «стражной» меры пресечения, не прибегая к уменьшению данного периода хотя бы с целью пересмотра оснований обеспечительных мер и ускорения судебного разбирательства. Таким образом, полугодовое пребывание подсудимого под стражей после передачи дела в суд обосновывается в самом начале этого периода, однако в дальнейшем может не иметь никаких разумных оснований для ограничения свободы.

Так, в результате анализа 100 постановлений о продлении срока применения меры пресечения при поступлении уголовного дела в суд (среди системы федеральных судов России методом сплошной выборки за 2024 год с официального сайта судебных и нормативных актов Российской Федерации) установлено, что во всех без исключения случаях увеличение срока происходило сразу на 6 месяцев. Данный показатель говорит о том, что суды не следуют негласному принципу экономии процессуального принуждения и по собственной инициативе не уменьшают тот максимальный период изоляции, установленный законодателем. Складывается впечатление, что данный вердикт носит стандартный и автоматический характер, поскольку санкционирующий орган апеллирует сохранившимися основаниями со стадии предварительного расследования.

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 13 ноября 2023 г. по делу № 22-8314/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.11.2024).

² Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-462/2024 22-9506/2023 от 9 января 2024 г. по делу № 3/12-15/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.11.2024).

В соответствии с решением Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции отменены постановление Пресненского районного суда г. Москвы о продлении срока содержания под стражей на 6 месяцев и апелляционное постановление Московского городского суда, а также прекращено производство по ходатайству государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей. Суд кассационной инстанции пришел к выводу, что в предыдущих решениях орган судебного контроля оправдывал длительные сроки предварительного заключения исключительно тяжестью потенциального наказания, не учитывал переход уголовного дела на другую стадию уголовного судопроизводства, не приводил подробную характеристику личности подсудимого, не обосновал угрозу побега или воспрепятствования правосудию¹.

На этапе судебного разбирательства может возникнуть ситуация возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, которая является отличной от поступательного, ординарного движения уголовного судопроизводства.

На основании мнения Конституционного Суда Российской Федерации, высказанного в п. 3.2 постановления № 23-П², можно утверждать, что при данном механизме материалы дела (после устранения препятствий его рассмотрения судом) изменяются, и их, соответственно, необходимо вновь предъявлять для ознакомления. Получается, что очередное продление срока содержа-

ния под стражей для ознакомления с новыми материалами дела (появившимися после возобновления следственных действий) даже после истечения 18-месячного срока в подобной ситуации признается законным. В своем решении Конституционный Суд Российской Федерации подтверждает ранее высказанную позицию о том, что возвращение надзорному органу материалов уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ действительно представляет собой «особую» процедуру, отличную от дополнительного расследования и имеющую свои принципиальные особенности и цели в контексте неразрывного уголовного судопроизводства. Соответственно, на нее не распространяется правило о 18-месячном предельном сроке изоляции³.

Орган конституционного контроля поставил точку в этом вопросе, закрепив, что положения ст.ст. 109 и 255 УПК РФ не предполагают включения времени содержания под стражей на стадии предварительного расследования в срок соответствующей меры пресечения на судебной стадии и наоборот. Таким образом, как верно отметила Т. В. Куряхова, данная неординарная процедура не подразумевает предельного ограничения изоляции, поскольку относится к «особому» судебному порядку и предполагает последующее возвращение уголовного дела от прокурора обратно в суд [8, с. 52].

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что при определении срока действия меры пресечения санкционирующий орган должен исходить из категории

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2021 г. по делу № 7У-732/2021 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/65799364> (дата обращения: 30.11.2024).

² По делу о проверке конституционности положений частей третьей-седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белькова Олега Викторовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 2001-О; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 30.11.2024).

«разумности» во избежание неоправданного содержания в изоляции от общества. Вместе с этим применение «размытых», не ограниченных временными рамками понятий не всегда находит однозначную поддержку и среди самих судей органа конституционного контроля. Так, судья Ю. М. Данилов придерживается мнения, что предельный срок содержания под стражей ни при каких обстоятельствах не должен превышать 18 месяцев даже в стадии возвращения уголовного дела прокурору. С его точки зрения, «...создавать путем конституционно-правового истолкования фактически новую норму, да еще и изменяя при этом свои ранее сформулированные позиции, воспринятые Верховным Судом Российской Федерации, вряд ли продуктивно». Ю. М. Данилов делает вывод, что сроки содержания обвиняемых под стражей становятся бесконечными, ограниченными только сроками давности привлечения к уголовной ответственности¹.

Судья С. М. Казанцев указал, что такая неопределенность правового регулирования порождает возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения данных сроков, что не соответствует положениям Конституции Российской Федерации. Он подчеркивает, что обвиняемый «расплачивается» в таких случаях не за свое негативное поведение, а исключительно за «недостатки предварительного следствия», т. е. за ошибки своего «противника» – стороны обвинения².

Представители российской уголовно-процессуальной доктрины высказывают разное мнение по поводу анализируемого института. Некоторые ученые-правоведы негативно относятся к данной законодательной конструкции, считая, что предоставление суду полномочий продления периода пред-

варительного заключения сверх предельного в рамках возвращения уголовного дела прокурору является «возрождением» механизма дополнительного расследования [9, с. 597; 10, с. 14]. В то же время другие оценивают указания высшего конституционного органа положительно, хотя и отмечают, что данные правовые позиции могут привести к неоднозначным толкованиям в процессе правоприменения [11, с. 65; 12, с. 6].

В анализируемом Постановлении орган конституционного контроля пришел к неоднозначному выводу о том, что по обновленным правилам, применяемым к особому порядку движения уголовного дела, из ч. 5 ст. 109 УПК РФ исключается требование о необходимости предъявления материалов для ознакомления за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей. Такой вывод был сомнительно воспринят юридической общественностью [13, с. 66; 14, с. 69]. Мы, в свою очередь, также придерживаемся позиции, согласно которой рассматриваемый период должен быть соблюден без исключения на всех стадиях уголовного судопроизводства. Этот срок, безусловно, необходим обвиняемому и защитнику для ознакомления с новыми материалами, появившимися после устранения препятствий к судебному рассмотрению дела.

Пробелом в правоприменительной практике являются случаи, когда выделенного судом разумного срока содержания под стражей органу предварительного расследования оказывается недостаточно для устранения выявленных нарушений. Возникает ситуация, когда следователю необходимо продлить предельные сроки (6, 12 или 18 месяцев в зависимости от тяжести преступления) изоляции для завершения производства процессуальных действий и

¹ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Ю. М. Данилова относительно постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П по делу о проверке конституционности частей 3–7 статьи 109 и части 3 статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С. М. Казанцева относительно постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П по делу о проверке конституционности частей 3–7 статьи 109 и части 3 статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

направления уголовного дела обратно прокурору, однако закон не предусматривает дальнейшего увеличения по вышеназванному обстоятельству. Согласно опросу следователей¹, в такой ситуации они вынуждены «искусственно выходить» на ознакомление обвиняемого с фактически неоконченными материалами уголовного дела, чтобы иметь законное основание для продления предельного срока. Такую практику нельзя считать оптимальной и соответствующей закону, в связи с чем цели увеличения максимального периода изоляции подлежат дополнительной регламентации.

Интерес при решении данного вопроса представляет не только позиция и рекомендации органов расследования, но и опыт зарубежного нормативного регулирования. Так, при анализе уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан установлено, что после истечения шести- и двенадцатимесячного срока содержания под стражей (для составов, соответственно, небольшой, средней тяжести и тяжких преступлений) суд обязан изменить меру пресечения на более мягкую без возможности продления времени изоляции [15, с. 57].

По мнению А. П. Шереметьева, заслуживает внимания и предложение о возвращении к порядку, предусмотренному ч. 4 ст. 97 УПК РСФСР. В соответствии с ним судья выносил постановление о продлении срока содержания под стражей до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела и направления прокурором дела в суд, но не более чем на 6 месяцев [16, с. 143].

Заключение

Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным рассмотреть изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство:

– изложить ч. 3 ст. 255 УПК РФ в следующей редакции: «Суд, в производстве которого находится уголовное дело, по истечении 3 месяцев со дня принятия уголовного дела к своему производству судьей вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей. При этом продление срока содержания под стражей допускается только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на 2 месяца. Предельный срок содержания под стражей на этапе судебного разбирательства не превышает 12 месяцев по тяжким преступлениям и 18 месяцев по особо тяжким преступлениям»²;

– дополнить ст. 109 УПК РФ частью 8.4: «В случае, если следователю оказалось недостаточно срока содержания под стражей, определенного судом для устранения нарушений, препятствующих рассмотрению дела судом и возвращенного прокурору в порядке ст. 237 настоящего Кодекса, следователь вправе продлить срок содержания под стражей обвиняемого для завершения следственных и иных процессуальных действий, которые требуются для повторного направления уголовного дела прокурору и в суд. При этом необходимость устранения выявленных недостатков не может являться единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей».

Введение четких предельных сроков содержания под стражей в уголовно-процессуальном законодательстве представляется необходимым шагом для защиты конституционных прав граждан. Это не только устраним неопределенность и произвольность в судьбоносной субъективной категории «усмотрение судьи», но и создаст более справедливую и прозрачную систему механизма принуждения, что в конечном итоге повысит доверие общества к правосудию.

¹ При подготовке статьи проведено анкетирование 59 респондентов – следователей территориальных органов внутренних дел Калужской, Курской, Орловской, Рязанской областей.

² Такого мнения по результатам проведенного анкетирования придерживаются 53 % опрошенных судей, 69 % прокуроров и 88 % адвокатов Калужской, Курской, Орловской, Рязанской областей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булатов Б. Б., Муравьев К. В. Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 6. С. 23–30.
2. Ермакова А. Л. Меры пресечения, связанные с изоляцией от общества: сроки применения и зачет в наказание // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2024. № 1. С. 285–289.
3. Самылина И. А. Разумные сроки в уголовном процессе // *Российская юстиция*. 2009. № 4. С. 48–52.
4. Трухачев В. В. Предельные сроки предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел // *Вестник Воронежского государственного университета*. 2012 (1). С. 445–453.
5. Золотарь Е. В. Актуальные вопросы применения заключения под стражу в качестве меры пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 17 с.
6. Долгушин Д. А. Осуществление судом контроля за законностью и обоснованностью избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу // *Теория и практика общественного развития*. 2010. № 4. С. 190–194.
7. Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2018. 505 с.
8. Куряхова Т. В. Особенности продления предельного срока содержания под стражей по возвращенному судом уголовному делу // *Законодательство и практика*. 2018. № 1. С. 51–54.
9. Корнуков В. М. Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 4. С. 597–602.
10. Хитрова О. В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования? // *Российский следователь*. М. : Юрист, 2013. № 21. С. 13–16.
11. Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Айсина Э. Р. Правовое положение осужденного при возвращении уголовного дела прокурору на стадии кассационного обжалования // *Legal Concept*. 2022. № 2. С. 60–67.
12. Загорский Г. И., Кобзарев Ф. М., Шалумов М. С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы // *Вестник Томского государственного университета*. Право. 2020. № 38. С. 42–50.
13. Сидоренко М. В. Правовые позиции актов конституционного правосудия в контексте правила Plain Meanind Rule // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2018. № 1. С. 65–69.
14. Червоткин А. С. Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору // *Уголовный процесс*. 2016. № 5. С. 66–73.
15. Алекперов Р. Р. О применении заключения под стражу в Республике Беларусь и в законодательстве иных государств-участников Содружества Независимых Государств // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2020. № 2 (26). С. 51–58.
16. Шереметьев А. П. Об ограничении чрезмерной длительности уголовного судопроизводства и срока содержания обвиняемого под стражей // *Российский юридический журнал*. 2012. № 6. С. 141–145.

REFERENCES

1. Bulatov B. B., Muravyov K. V. Institute of preventive measures in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: development dynamics and improvement prospects // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021. No. 6. P. 23–30. (In Russ.)
2. Ermakova A. L. Preventive measures related to isolation from society: terms of application and crediting to punishment // *Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 1. P. 85–289. (In Russ.)
3. Samylina I. A. Reasonable terms in criminal proceedings // *Russian Justice*. 2009. No. 4. P. 48–52. (In Russ.)
4. Trukhachev V. V. Maximum terms of preliminary investigation and trial of criminal cases // *Bulletin of the Voronezh State University*. 2012 (1). P. 445–453. (In Russ.)
5. Zolotarev E. V. Current issues of applying detention as a preventive measure: abstract dis. ... Cand. of Law. M., 2006. 17 p. (In Russ.)

6. Dolgushin D. A. Implementation by the court of control over the legality and validity of the selection and application of preventive measures in the form of house arrest and detention // Theory and practice of social development. 2010. No. 4. P. 190–194. (In Russ.)
7. Muravyov K. V. Optimization of criminal proceedings as a form of application of the criminal law : dis. ... Doctor of Law. Omsk, 2018. 505 p. (In Russ.)
8. Kuryakhova T. V. Features of extending the maximum period of detention in custody in a criminal case returned by the court // Legislation and practice. 2018. No. 1. P. 51–54. (In Russ.)
9. Kornukov V. M. Conflict of Interests in Russian Criminal Procedure Law from the Perspective of Its Historical Development // Actual Problems of Russian Law. 2014. No. 4. P. 597–602. (In Russ.)
10. Khitrova O. V. Special Procedure for Moving a Criminal Case or Returning a Criminal Case for Additional Investigation? // Russian Investigator. M. : Jurist, 2013. No. 21. P. 13–16. (In Russ.)
11. Bobovkin M. V., Ruchkin V. A., Aisina E. R. Legal Status of a Convict When Returning a Criminal Case to the Prosecutor at the Cassation Appeal Stage // Legal Concept. 2022. No. 2. P. 60–67. (In Russ.)
12. Zagorsky G. I., Kobzarev F. M., Shalumov M. S. Selection of a preventive measure in the form of detention and the terms of detention: some theoretical and legal issues // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2020. No. 38. P. 42–50. (In Russ.)
13. Sidorenko M. V. Legal positions of acts of constitutional justice in the context of the Plain Meaning Rule // Scientific Bulletin of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. P. 65–69. (In Russ.)
14. Chervotkin A. S. Detention upon return of a criminal case to the prosecutor // Criminal Procedure. 2016. No. 5. P. 66–73. (In Russ.)
15. Alekperov R. R. On the use of detention in the Republic of Belarus and in the legislation of other member states of the Commonwealth of Independent States // Bulletin of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (26). P. 51–58. (In Russ.)
16. Sheremetyev A. P. On limiting the excessive length of criminal proceedings and the period of detention of the accused // Russian Law Journal. 2012. No. 6. P. 141–145. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ермакова А. Л. – адъюнкт.

Information about the author:

Ermakova A. L. – adjunct.

Статья поступила в редакцию 04.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 04.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 21.03.2025.

Виктор Сергеевич Мичурин*Московский университет МВД России имени
В. Я. Кикотя, Москва, Россия, michurin.vik64@
gmail.com***ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ СОБИРАНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Аннотация. В статье предлагается разобраться в различных проблемных аспектах собирания в уголовном судопроизводстве доказательств, которые могут быть представлены в виде электронной информации. Несовершенство их понятийного аппарата влечет отсутствие единообразного подхода к определению исследуемого понятия. Особый акцент делается на установлении места и роли электронных доказательств в уголовно-процессуальном доказывании.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, электронная информация, электронные доказательства, собирание доказательств

Для цитирования: Мичурин В. С. Электронная информация и особенности ее собирания в уголовном судопроизводстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21) С. 34–40.

Original article

Viktor S. Michurin*Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow,
Russia, michurin.vik64@gmail.com***ELECTRONIC INFORMATION AND FEATURES
OF ITS COLLECTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Abstract. The article proposes to understand various problematic aspects of collecting evidence in criminal proceedings that can be presented in the form of electronic information. The imperfection of their conceptual apparatus entails the lack of a uniform approach to the definition of the concept under study. Particular emphasis is placed on establishing the place and role of electronic evidence in criminal procedure.

Keywords: evidence, proving, electronic information, electronic evidence, collecting evidence

For citation: Michurin V. S. Electronic information and features of its collection in criminal proceedings // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 34–40. (In Russ.)

Введение

Достижения науки и техники все интенсивнее внедряются в общественные отношения и обеспечивают процесс их информатизации и совершенствования. Научно-технический прогресс в различных областях электроники, программных средств, а также вычислительной техники делает развитие информационных технологий быстрым и оказывает существенное влияние на их модернизацию. Широкомасштабная

информатизация всех сфер общественной жизни, обусловившая появление различных видов материальных носителей информации, привела к тому, что с их помощью можно сохранить любую исходную информацию в ее первоначальном виде, а также воспроизвести ее. В уголовном судопроизводстве данные, которые хранятся, обрабатываются или передаются в электронном формате, принято рассматривать в качестве электронной информации. Вместе с тем уголовно-процессу-

© Мичурин В. С., 2025

альный закон не содержит четкого понятия ни электронной информации, ни электронных носителей информации, относя к ним любые источники электронной информации. Не упоминаются в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) электронные доказательства, хотя содержащиеся в них сведения в виде электронной информации, имеющие значение для уголовного дела, дают основание считать их самостоятельным видом доказательств. При этом там полноправно фигурируют электронные документы и даже устанавливаются правила правового регулирования порядка их использования (ст.ст. 474.1 и 474.2 УПК РФ).

Методы

Для установления места и роли электронных доказательств в уголовно-процессуальном доказывании применялся универсальный диалектический метод научного познания. На основе обозначенного метода были использованы ряд общенаучных и специальных методов, посредством которых осуществлялась теоретическая интерпретация законодательного, научного и практического материала по заявленной теме исследования. Все указанные методы обеспечили выполнение требований комплексного подхода к изучению проблемных аспектов собирания в уголовном судопроизводстве доказательств, представленных в виде электронной информации.

Результаты

В качестве электронных доказательств выступает весьма широкий спектр источников электронной информации. В практике правоприменения ими могут быть материальные носители электронной информации (компьютер, планшет, смартфон и др.), содержащие, к примеру, информацию об оплате покупок или услуг чужой банковской картой без согласия на то собственника денежных средств. По делам о преступлениях, совершаемых в сфере компьютерной информации, таковой может выступать информация, хранящаяся на электронной почте лица либо в аккаунтах его социальных сетей. Кроме того, источниками электронной информации, которые впоследствии призна-

ются доказательствами по уголовному делу, являются внешние накопители данных, к которым относятся CD-диски, DVD-диски, USB-флеш-накопители, внешние жесткие диски и пр.

При этом правоприменитель в процедуре доказывания не имеет легальной возможности оперировать термином «электронные доказательства». Этот термин больше принят для употребления в обиходной жизни. В качестве доказательств согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ допускается исчерпывающий перечень доказательств, где электронные доказательства не перечислены. Поэтому доказательства, содержащие электронную информацию, отождествляются либо с вещественными доказательствами (электронными вещественными доказательствами), либо с иными документами (электронными документами).

В уголовно-процессуальной науке не выработано однозначных позиций по многим спорным вопросам, связанным с идентификацией электронной информации. Так, П. С. Пастухов считает, что в качестве электронных вещественных доказательств выступают не только материальные носители, но и сама электронная информация, которая стала результатом преступного действия или была сгенерирована в информационной среде как след преступления: главное в электронном доказательстве – информация, а носитель значения не имеет [1, с. 560]. Не опровергая первичность информации и вторичность вещественности электронных доказательств, В. Н. Григорьевым и О. А. Максимовым высказали несогласие с отрицанием роли электронного носителя информации в структуре рассматриваемого явления [2, с. 38, 40]. С. В. Зуевым представлена интересная точка зрения: исходя из правовой природы электронной информации, электронное доказательство по некоторым свойствам отличается от электронного документа и вещественного доказательства [3, с. 48]. Им же предложено применительно к электронным доказательствам использовать категорию «информация» взамен общепринятой «све-

дения», отказавшись от единого законодательного подхода к определению всех видов доказательств через последнюю категорию [3, с. 48].

Если обратиться к толкованию п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, можно сделать вывод, что электронные носители информации признаются законодателем в качестве вещественных доказательств. В свою очередь, на страницах юридической печати справедливо обращено внимание на то обстоятельство, что интерес для доказывания представляет не сам электронный носитель информации, а именно электронная информация, которую он содержит [4, с. 46]. В этой связи такая информация не может являться вещественным доказательством, так как она не имеет материальной формы. Сами по себе сведения из электронной информации непознаваемы без носителя. Согласимся с исследователями, считающими, что эти сведения представляют собой содержание доказательственной информации, а их источники (носители) – форму доказательственной информации. Представить в разрыве их невозможно [5, с. 164–165].

Использование в рамках уголовного судопроизводства любых сведений, которые впоследствии признаются доказательствами, не может осуществляться без надлежащего их обличения в процессуальную форму, что находит реализацию на первоначальном этапе доказывания. Этим этапом является собирание доказательств, включающее действия по обнаружению, изъятию и фиксации доказательств с целью дальнейшего сохранения. Перечисленные действия распространяются и на собирание электронной информации. Следует признать справедливым суждение, что электронная информация сложна в доказывании. Она не имеет формы, не воспринимается органами чувств человека, поэтому нереальна для познания без электронного носителя. Последний выступает возможностью придать ей необходимую форму для доказательственной идентификации [6, с. 200].

Дополнительные трудности при собирании электронной информации возника-

ют в связи с необходимостью определения процессуального порядка доступа к ней, поскольку в ряде случаев следователем и дознавателем не всегда можно получить к ней доступ принудительно и требуется согласие самого лица на производство следственного и иного процессуального действия, а в отдельных ситуациях такой доступ требует получения судебного решения с целью обеспечения гарантированных конституционных прав граждан.

Начнем с обнаружения и изъятия электронной информации. Практика показывает, что своевременное обнаружение и изъятие электронных носителей информации позволяют установить фактические обстоятельства уголовного дела и, самое главное, обеспечить собирание доказательств, поскольку лица, противодействующие расследованию, могут быть хорошо знакомы с принципами работы тех или иных электронных носителей информации и иметь реальную возможность безвозвратно уничтожить следы преступления на них, что серьезно затруднит или даже сделает невозможным дальнейшее доказывание по уголовному делу.

Далее необходимо обозначить, что обнаружение и изъятие электронной информации осуществляются не только при производстве процессуальных действий (например, обыск в жилище, в результате которого обнаружен электронный носитель информации, содержащий данные, имеющие доказательственное значение), но и при осуществлении непроцессуальных действий (в ходе оперативно-розыскных мероприятий). В последней ситуации превращение обнаруженной электронной информации в доказательство будет немного сложнее по причине непризнания в российской уголовно-процессуальной доктрине результатов оперативно-розыскной деятельности таковыми, пока они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Однако имеется мнение, что на этапе обнаружения доказательств, содержащих электронную информацию, в любом случае нельзя говорить о том, что следователь или дознаватель уже имеют дело с доказательствами, поскольку данная

деятельность строится на личном, внутреннем предположении субъекта доказывания о том, что разыскиваемые им сведения впоследствии могут стать доказательствами по уголовному делу [7, с. 620].

Отсюда следует заключить, что обнаруженная электронная информация хоть при производстве непроцессуальных действий, хоть при производстве процессуальных действий, не может еще в полной мере отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам. Кроме того, при ее дальнейшем использовании в качестве доказательств всегда присутствует потребность дать предварительную оценку выявляемым сведениям с точки зрения их относимости, достоверности и, конечно же, допустимости, а в совокупности – достаточности.

Относимость доказательств, содержащих электронную информацию, как их свойство имеет привязку к определенным обстоятельствам совершенного преступления в ходе доказывания по уголовному делу (к примеру, причастность лица к совершению инкриминируемого ему деяния, основания для производства обыска или выемки).

Относительно достоверности доказательств, содержащих электронную информацию, хотелось бы заметить, что они в большей степени уязвимы к возможной фальсификации. Если учитывать тот факт, что электронная информация подлежит изменению, модификации практически в любой момент времени, вопрос о достоверности такой информации не должен оставаться без внимания в уголовном судопроизводстве. Представляется, что оценка достоверности доказательств, содержащих электронную информацию, должна осуществляться в приоритетном порядке по отношению к оценке иных свойств доказательств, так как своевременное выявление факта недостоверности доказательства, содержащего электронную информацию, позволяет автоматически признавать его недопустимым, как следствие, это ведет к исключению такого доказательства из материалов уголовного дела.

Ключевым условием допустимости является тот факт, что деятельность должност-

ных лиц по выявлению значимой для доказывания информации должна осуществляться в соответствии с законом. Иными словами, исходя из смысла УПК РФ, допустимыми могут считаться только те доказательства, которые получены в установленном законом порядке. Часть 2 ст. 75 УПК РФ приводится неисчерпывающий перечень доказательств, которые могут являться недопустимыми. Применительно к доказательствам, содержащим электронную информацию, значение имеют иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ.

Что же касается свойства достаточности электронных доказательств, то каких-либо отличительных особенностей от всех других собранных доказательств по уголовному делу они не имеют.

Многие ученые поддерживают заложенную в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ необходимость привлечения специалиста на этапе обнаружения доказательств, содержащих электронную информацию, при производстве следственных действий [8, с. 180; 9, с. 251; 10, с. 106], с чем также в основном согласны и опрошенные нами респонденты (59 %) из числа следователей, дознавателей, а также сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. Те из респондентов (41 %), кто высказал сомнения на этот счет, обосновали их традиционной для практики проблемой чрезмерной загруженности или нехваткой специалистов, обладающих необходимыми знаниями, а также отсутствием каких-либо препятствий для самостоятельного изъятия информации с электронных носителей без участия специалиста. Они подтвердили уверенность в том, что все необходимые знания, умения и навыки у современного правоприменителя для этого имеются.

Кроме того, проведенные нами опрос и личная беседа с практическими работниками обнаружили, что по определенным категориям уголовных дел (к примеру, по преступлениям, совершаемым с использованием интернет-ресурсов, особенно сайтов в скрытом сегменте интернета типа «Даркнет») у органов предварительного след-

ствия и дознания может возникнуть объективная необходимость в получении информации с удаленных серверов, но самостоятельно осуществить им это уже весьма затруднительно. И вот тут обязательное участие специалиста при ее обнаружении и изъятии было бы вполне оправданным. В связи с изложенным нам видится целесообразным поддержать допустимость изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий без участия специалиста, если они изымаются целиком, их изъятие производится без копирования содержащейся на них информации и не требует специальных познаний [11, с. 33]. В остальных же случаях нам представляется необходимым пригласить для участия специалиста.

Как правило, с изъятых электронных носителей информации всегда снимается копия. Только в случаях, когда копирование может нанести ущерб информации, оно не осуществляется. В протоколе указывается техническое средство, применяемое при копировании, способ копирования и результат. Следует заметить, что обязательное условие для копирования электронной информации в виде указания в протоколе всех технических устройств, применяемых при копировании, а также указание точного порядка производства следственного действия вытекает из традиций документирования в уголовном судопроизводстве. К протоколу, кроме того, в обязательном порядке прилагается техническое устройство, на которое было совершено копирование электронной информации.

Завершающим этапом собирания электронной информации является ее фиксация с целью дальнейшего сохранения по уголовному делу. Оформление значимой для доказывания информации принято считать неотъемлемой частью уголовно-процессуальной деятельности. Все действия и решения в уголовном судопроизводстве должны быть задокументированы в установленной форме, что обусловлено его письменным характером. Тем самым внешнее выражение уголовно-процессуальной деятельности

представляет собой последовательность задокументированных процессуальных действий и решений.

По общему правилу результаты любого следственного или иного процессуального действия, в том числе связанного с получением доказательств, содержащих электронную информацию, оформляется протоколом (ч. 8 ст. 166 УПК РФ). Возможны и другие формы фиксации информации (фото-, видеосъемка и пр.), но во всех без исключения случаях материалы такой фиксации лишь приобщаются к протоколу и используются не вместо него, а вместе с ним. Например, для фиксации конкретной информации с интернет-сайта сделанный снимок его страницы (скриншот) или распечатанное содержимое страницы приобщаются в качестве доказательства через протокол их осмотра. Когда доказательство, содержащее электронную информацию, признается таковым на основании судебной экспертизы, способом его фиксации будет являться заключение эксперта, к которому могут быть приложены и иные документы. Таким образом, при помощи фиксации электронной информации, имеющей значение для уголовно-процессуального доказывания, и происходит ее преобразование в электронные доказательства.

Отдельное внимание хотелось бы обратить на некоторых ведомственных организационных проблемах, имеющих место на практике, которые непосредственно отражаются на эффективности собирания электронной информации по уголовному делу. Многие из них упираются пока еще в недостаточный уровень технического оснащения отдельных подразделений органов внутренних дел, хотя следует признать, что для этого в системе МВД России уже очень много сделано. Помимо этого, разрешения требуют вопросы кадрового дефицита и обеспечения подразделений органов внутренних дел высококвалифицированными сотрудниками в области информационных технологий, а также дополнительного обучения для имеющих сотрудников по соответствующему направлению. Невозможность или сложность получения электронной информации,

хранящейся на серверах иностранных государств, тоже усложняет процесс собирания доказательств по уголовному делу. В этих целях в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства целесообразно налаживать связи с компетентными правоохранительными органами других государств по вопросам поставщиков услуг, разработчиков и обработки данных о пользователях, в том числе о совершаемых ими действиях, и пр.

Заключение

Необходимо резюмировать, что процедура собирания доказательств, представленных в виде электронной информации, включает в свое содержание обнаружение, изъятие, фиксацию, которые осуществляются при собирании любых других доказательств, но с учетом определенных особенностей. Реальное практическое значение имеет приобретенная следователем и дознавателем возможность

самостоятельно производить копирование электронной информации с электронного носителя информации или же воспользоваться помощью специалиста.

В настоящее время доказывание по уголовным делам, содержащим электронную информацию, еще находится на этапе своего осмысления и научного обоснования. Особые процессуальные требования, установленные законодателем в ходе собирания информации с электронных носителей, в науке и практике подвергаются критике, поскольку действующий процессуальный порядок в исследуемой области не позволяет оптимизировать процесс доказывания с использованием электронных доказательств. Отсутствие в УПК РФ упоминания об электронных доказательствах можно расценивать на сегодняшний день как существенный пробел в сфере правового регулирования института доказательств в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов : сборник научных статей. М. : Изд-во «Статус», 2017. С. 558–556.
2. Григорьев В. Н., Максимов О. А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 33–44.
3. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3 (26). С. 46–51.
4. Федосеева Е. Л., Шевырталов Е. П. Процессуальные вопросы собирания цифровых доказательств при расследовании отдельных видов преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1 (29). С. 44–48.
5. Мичурина О. В., Звонарева Ю. И. Доказательственное значение электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Рязань : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. С. 199–204.
6. Мичурина О. В. Информатизация предварительного расследования в контексте обеспечения прав его участников: риски и возможности // Развитие современных информационных технологий и их влияние на состояние преступности (проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений) : сборник материалов Всероссийского круглого стола / под общей редакцией А. В. Мироновой, О. Н. Лавровой. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 161–165.
7. Черданцев А. Ю. О некоторых проблемах получения «цифровых доказательств» // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции / под общей редакцией А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 619–622.
8. Семикаленова А. И., Рядовский И. А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 178–185.

9. Савицкая И. Г. Участие специалиста в следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей информации // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 250–254.
10. Алонцева Е. Ю. Процессуальная и организационная деятельность следователя при изъятии электронных носителей информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 102–110.
11. Зуев С. В. Электронная информация и ее носители в уголовно-процессуальном доказывании: развитие правового регулирования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 1. С. 31–35.

REFERENCES

1. Pastukhov P. S. On the development of criminal procedural proof using electronic evidence // 7th Perm Congress of Legal Scientists : collection of scientific articles. M. : Statut Publishing House, 2017. P. 558–556. (In Russ.)
2. Grigoriev V. N., Maksimov O. A. The concept of electronic information carriers in criminal proceedings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. P. 33–44. (In Russ.)
3. Zuev S. V. Electronic evidence in criminal proceedings: concept and meaning // Law and order: history, theory, practice. 2020. No. 3 (26). P. 46–51. (In Russ.)
4. Fedoseeva E. L., Shevyrtalov E. P. Procedural issues of collecting digital evidence during the investigation of certain types of crimes // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (29). P. 44–48. (In Russ.)
5. Michurina O. V., Zvonareva Yu. I. Evidentiary value of electronic data carriers in criminal proceedings // Socio-economic and legal measures to combat crimes and other offenses : collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference. Ryazan : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2022. P. 199–204. (In Russ.)
6. Michurina O. V. Computerization of preliminary investigation in the context of ensuring the rights of its participants: risks and opportunities // Development of modern information technologies and their impact on the state of crime (problems of prevention, detection and investigation of crimes): collection of materials of the All-Russian round table / edited by A. V. Mironova, O. N. Lavrova. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2023. P. 161–165. (In Russ.)
7. Cherdantsev A. Yu. On some problems of obtaining “digital evidence” // Forensic science - past, present, future: achievements and development prospects: materials of the International scientific and practical conference / edited by A. M. Bagmet. M. : Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019. P. 619–622. (In Russ.)
8. Semikalenova A. I., Ryadovsky I. A. Using Specialized Knowledge to Detect and Record Digital Traces: Analysis of Current Practice // Current Issues of Russian Law. 2019. No. 6 (103). P. 178–185. (In Russ.)
9. Savitskaya I. G. Participation of a Specialist in Investigative Actions Related to the Seizure of Electronic Storage Media // Judicial Authority and Criminal Procedure. 2016. No. 2. P. 250–254. (In Russ.)
10. Alontseva E. Yu. Procedural and Organizational Activities of an Investigator in the Seizure of Electronic Storage Media // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (92). P. 102–110. (In Russ.)
11. Zuev S. V. Electronic information and its carriers in criminal procedural evidence: development of legal regulation // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2017. No. 1. P. 31–35. (In Russ.)

Информация об авторе:

Мичурин В. С. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Michurin V. S. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья
УДК 351.741.078:004.896(470)

Александр Сергеевич Москаленко¹, Наталья Геннадьевна Корнаухова²

¹ Отдел полиции № 2 Управления МВД России по г. Волгограду, Волгоград, Россия, mesketch@yandex.ru, ORCID: 0009-0006-3331-5190

² Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, pongo_7@mail.ru, ORCID: 0009-0002-4229-5647

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА РОЗЫСКНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Авторами в данной статье рассматриваются актуальные для розыскной деятельности оперативно-следственные ситуации, в которых целесообразно использование средств научно-технического прогресса. Приведены примеры реализации применения технических средств в конкретно взятых ситуациях (беспилотных летательных аппаратов, криминалистического света, мобильного комплекса «UFED»). Проанализированы основные нормативные правовые акты, регулирующие розыскную деятельность органов внутренних дел, предложены изменения, отвечающие практическим требованиям. Актуальность рассматриваемой в настоящей статье проблемы подтверждается статистическими данными, постоянством взаимодействия с сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации и экспертно-криминалистических подразделений МВД России. Помимо прочего, авторы рассматривают перспективные направления развития искусственного интеллекта и нейросетевых технологий, способных стать вспомогательными средствами в работе розыскных подразделений системы МВД России.

Ключевые слова: розыскная деятельность, искусственный интеллект, средства технического прогресса

Для цитирования: Москаленко А. С., Корнаухова Н. Г. Отдельные вопросы применения средств научно-технического прогресса розыскными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 41–49.

Original article

Alexander S. Moskalenko¹, Natalya G. Kornaukhova²

¹ Police Department No. 2 of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Volgograd, Volgograd, Russia, mesketch@yandex.ru, ORCID: 0009-0006-3331-5190

² Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, pongo_7@mail.ru, ORCID: 0009-0002-4229-5647

CERTAIN ISSUES OF THE USE OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS TOOLS BY INVESTIGATIVE UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The authors of this paper discuss operational and investigative situations relevant to investigative activities, in which it is advisable to use the means of scientific and technological progress. Examples of

the implementation of the use of technical resources in specific situations (unmanned aerial vehicles, forensic light, mobile complex “UFED”) are provided. The main regulatory legal acts that govern the investigative activities of internal affairs agencies are analyzed and changes that meet practical requirements are proposed. The relevance of the problem considered in this article is confirmed by statistical data, constant interaction with employees of the Investigative Committee of the Russian Federation and the forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Among other things, the authors consider promising areas for the development of artificial intelligence and neural network technologies that can become auxiliary tools in the work of the investigative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: investigative activity; artificial intelligence; means of technological progress

For citation: Moskalenko A. S., Kornaukhova N. G. Certain issues of the use of scientific and technological progress tools by investigative units of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 41–49.

Введение

Нашу жизнь уже невозможно представить без повседневного использования в трудовой деятельности, быту и досуге средств научно-технического прогресса. Согласно ст. 11 Федерального закона № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. «О полиции» органы внутренних дел в своей деятельности применяют достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру¹. Интенсивное развитие информационных технологий в последние годы привело к значительному изменению технологий получения и анализа оперативно-розыскной информации [1, с. 4].

Цифровизация является необходимым условием для соответствия вызовам криминального мира [2, с. 269]. В этой связи одной из задач, позволяющих достичь целей государственной и общественной безопасности путем реализации государственной политики, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации являются комплексное развитие правоохранительных органов в соответствии с решаемыми ими задачами, повышение уровня их технической оснащенности и совершенствование системы профессиональной подготовки специалистов данной области². Именно на законодательном уровне формируется нор-

мативная основа оперативно-розыскной деятельности, которая должна быть четкой, максимально полной и недвусмысленной [3, с. 85]. По этой причине неотъемлемой задачей оперативно-розыскной деятельности является осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших лиц³.

Ежедневно в территориальные органы МВД России поступает значительное количество заявлений и сообщений, связанных с безвестным исчезновением граждан и обнаружением трупов. Так, например, в Отдел полиции № 2 Управления МВД России по г. Волгограду (далее – ОП № 2 УМВД России по г. Волгограду) за 9 месяцев 2021 года поступило 110 заявлений о безвестном исчезновении граждан и 883 сообщения об обнаружении трупов; за 9 месяцев 2022 года – 83 и 1025; и, соответственно, за 9 месяцев 2023 года – 73 и 824.

Приведенная статистика не позволяет говорить о явных тенденциях к увеличению, однако стабильно высокие показатели наглядно иллюстрируют важность розыскной работы оперативных подразделений уголовного розыска. Данная деятельность должна осуществляться на профессиональном уровне, а также быть эффективной. Результатив-

¹ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ность работы сотрудников розыскной линии указанного отдела полиции подтверждается тем, что за 9 месяцев 2021 года из 73 безвестно исчезнувших граждан розыскное дело было заведено в отношении одного гражданина; за 9 месяцев 2022 года – из 83 в отношении двух граждан; за 9 месяцев 2023 года – из 73 в отношении трех граждан. Остальные граждане были разысканы. Таким образом, процент розыска лиц за три года составил 97,75 %.

Методы

При производстве исследования авторы использовали следующие методы:

- метод систематизации и обобщения информации при анализе библиографических источников, а также статистических и аналитических данных правоохранительных органов, отражающих актуальность проблематики исследования;

- гипотетико-дедуктивный метод применялся при выдвижении гипотезы о целесообразности применения средств научно-технического прогресса в розыскной деятельности оперативных сотрудников;

- сравнительно-правовой метод позволил рассмотреть розыскную деятельность как сложный и трудоемкий процесс использования идентификационных и диагностических методов в обнаружении без вести пропавших, а также лиц, находящихся в розыске.

Результаты

Необходимо отметить, что розыскные мероприятия проводятся с преимущественным задействованием средств научно-технического прогресса, состоящих на вооружении не органов внутренних дел, а подразделений Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ), в то время как их использование при проведении оперативно-розыскных мероприятий существенно повышает процент раскрываемости преступлений. Современные научно-технические средства играют ведущую роль в повышении эффективности розыскной деятельности [4, с. 15]. Так, решение отдельных

тактических или оперативно-служебных задач при помощи искусственных нейронных сетей позволяет повысить защищенность государства и общества от противоправных посягательств [5, с. 357].

Обратимся к сообщению гражданина Ц.¹, поступившему в Дежурную часть ОП № 2 УМВД России по г. Волгограду в октябре 2023 года, в котором он просил провести розыскные мероприятия в отношении безвестно исчезнувшей матери Ф. При производстве проверочных мероприятий было установлено, что пенсионерка Ф. длительный период времени состояла на учете в психоневрологическом диспансере с диагнозом «параноидальная шизофрения». Согласно показаниям Ц., на момент исчезновения его мать Ф. находилась в неадекватном состоянии, имела провалы в памяти, некорректно воспринимала действительность и, как следствие, не могла сообщить данные о себе, так как каждый раз придумывала себе новые имена и фамилии, не знала сколько ей лет. По истечении установленного законом срока, несмотря на неоднократные попытки оперуполномоченных установить местонахождение женщины, материал проверки был передан в СК РФ для рассмотрения и принятия решения.

Следует помнить о том, что при осуществлении розыскных мероприятий в отношении без вести пропавшего лица сотрудник органов внутренних дел получает сведения о разыскиваемом, о которых не осведомлены в том числе и его близкие родственники: абонентские номера мобильной связи, тайные интимные связи, излюбленные места пребывания, увлечение азартными играми, злоупотребление алкоголем, наркозависимость и т. п. [6, с. 160]. Однако в данной ситуации указанные обстоятельства ключевой роли в розыске Ф. не сыграли.

В октябре 2023 года для получения оперативно-аналитических сведений в отношении свидетеля Ц. было проведено психофизиологическое исследование с использованием полиграфа с целью исключения его причаст-

¹ Все персональные данные и даты в приводимых примерах изменены авторами.

ности к безвестному исчезновению матери. Данное исследование подтвердило невиновность сына гражданки Ф.

Существует разработанная методика пропавших без вести в лесных массивах, в рамках которой применяются отдельные методы: 1) работа на «отклик»; 2) осмотр береговой линии; 3) проверка линейных ориентиров; 4) работа на «прочес» [7, с. 93]. Ни один из указанных методов поиска не принес успеха, в результате чего следователем СК РФ и оперуполномоченным отдела уголовного розыска было инициировано участие в повторном осмотре места происшествия (места предполагаемого исчезновения гражданки Ф.) следователя-криминалиста СК РФ со специальным оборудованием – квадрокоптером, который позволил осмотреть площадь около 2 км² за 1,5 часа с ведением непрерывной видеосъемки. Однако, несмотря на все преимущества беспилотного летательного аппарата (высокая мобильность, скрытность применения, удаленный режим управления) [8, с. 84] и его удобства, при неблагоприятных погодных условиях работа становилась невозможной. После производства указанного следственного действия при осмотре записи с технического средства не было обнаружено ни предметов одежды, ни тел, ни костных останков, т. е. проведенные мероприятия оказались нерезультативными.

В декабре 2023 года в дежурную часть отдела полиции поступило сообщение от гражданина Ж., который гулял с собакой в овраге неподалеку от места поисков гражданки Ф. и обнаружил костные останки. После получения образцов у Ц. дезоксирибонуклеиновой кислоты (далее – ДНК) была назначена генетическая экспертиза, результаты которой показали совпадение структуры ДНК у Ц. и костных останков его матери. Кроме того, при осмотре места обнаружения костных останков в квадрате осмотра территории квадрокоптером были обнаружены предметы одежды, похожие по описанию на те, в которых пенсионерка Ф. ушла из дома в день ис-

чезновения. Таким образом, в приведенном примере использование научно-технических средств в раскрытии безвестного исчезновения гражданки Ф. не дало практически никакого полезного результата.

Решение задач раскрытия преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан, находится в тесной связи с таким направлением розыскной и идентификационной деятельности, как идентификация неопознанных трупов [9, с. 157]. Кроме того, из содержания отдельных норм оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законов очевидно, что подразделения уголовного розыска и СК РФ имеют при раскрытии преступлений, по сути, общие цели и задачи, которые закономерно требуют и совместных действий по их реализации [10, с. 202].

Одним из ключевых принципов развития и использования технологий искусственного интеллекта согласно Указу Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» является безопасность, которая предполагает недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизацию рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта¹. Учитывая требования приведенного Указа и руководствуясь ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, предлагаем внести в перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации в России, определенных ч. 1 ст. 7 ФЗ № 242, дополнительный п. 5, изложив его в следующей редакции: «Лица, состоящие на учете в психоневрологических диспансерах и иных медицинских учреждениях, оказывающих психиатрическую помощь, признанных социально опасными».

Можно привести абсолютно иной пример о задержании ранее объявленного в фе-

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деральный розыск гражданина Ч., скрывшегося от следствия органов МВД России. Так, посредством использования технологий искусственного интеллекта, идентифицирующих человека по носогубному треугольнику и отличительным чертам лица, с помощью системы «Сфера» он был опознан камерами на станции метро «Садовая» г. Москва, задержан сотрудниками подразделения линейной полиции, а затем доставлен в г. Волгоград для дальнейшего производства расследования по уголовному делу. Приведенный пример наглядно демонстрирует реализацию идентификационного направления применения искусственного интеллекта, а также частично затрагивает и направление анализа данных. Важнейшим направлением розыскной работы сотрудников правоохранительных органов является деятельность по установлению родственных, дружеских и иных близких связей разыскиваемого лица, а также выяснению видов средств связи, используемых «преступниками», объявленными в розыск [11, с. 103].

Еще одним элементом практического применения средств научно-технического прогресса в повседневной деятельности розыскных подразделений МВД России может выступать создание узко направленных программных продуктов или новых оперативно-справочных учетов, которые могут стать существенным ресурсом в проведении розыска без вести пропавших лиц.

На сегодняшний день в территориальных органах МВД России существует непрерывный обмен сводками обо всех правонарушениях между районами города и области. Однако такой информационный обмен по розыскной линии не осуществляется между соседними субъектами Российской Федерации: в случае необходимости розыска без вести пропавшего оперуполномоченный вынужден направлять соответствующую ориентировку с описанием примет исчезнувшего лица в территориальные органы соседних субъектов.

В мае 2024 года в отдел полиции № 2 УМВД России по г. Волгограду обратилась пенсионерка Ж. с заявлением о том, что ее

23-летний сын Т. ушел купаться с друзьями накануне вечером и домой не вернулся. При получении объяснений у друзей пропавшего Т. было установлено, что он оставался на пляже последним, когда компания разошлась. У сотрудников правоохранительных органов появились основания подозревать, что Т. мог утонуть в р. Волге. После привлечения водолазов и обследования дна тело не было обнаружено. Оперуполномоченный отправлял соответствующие ориентировки по территориальным органам г. Волгограда и Волгоградской области, а также в отделы полиции Астраханской и Саратовской областей. Спустя две недели из Астраханской области пришел ответ о том, что неделю назад на берегу р. Волги был обнаружен труп неустановленного мужчины, который подходит по описанию из ориентировки оперуполномоченного отдела полиции № 2 УМВД России по г. Волгограду.

Данная ситуация требовала по истечении установленного законом срока заведения дела по розыску, что и было сделано сотрудником оперативного подразделения г. Волгограда. Фактически заведения дела оперативного учета можно было избежать, если бы существовала налаженная система обмена ориентировками по розыскной линии между субъектами Российской Федерации. В связи с изложенным целесообразно создание единого программного продукта или нового оперативно-справочного учета для розыскных подразделений МВД России с целью оперативного обмена сводками и фототаблицами между субъектами Российской Федерации для установления личности неопознанных больших, неустановленных трупов, а также иных лиц, которые в силу возраста или состояния здоровья не могут сообщить информацию о себе. Кроме того, посредством биометрических показателей можно решать не только идентификационные, но и диагностические задачи в целях всестороннего изучения личности неустановленного трупа и выработать при этом важные криминалистические версии относительно его индивидуальных особенностей [12, с. 42].

Несмотря на очевидную эффективность средств научно-технического прогресса в розыскной деятельности органов внутренних дел, они вряд ли когда-либо смогут заменить точность геномных данных граждан.

С 8 мая 2023 года вступила в силу новая редакция ч. 1 ст. 7 Федерального закона № 242-ФЗ от 3 декабря 2008 г. «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 242), согласно которой значительно расширен перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации¹. Ранее законодателем к лицам, подлежащим обязательной геномной регистрации, согласно ч. 1 ст. 7 ФЗ № 242, относились: 1) лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; 2) неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий. Также обязательной геномной регистрации подлежат неопознанные трупы.

После принятия Федерального закона № 8-ФЗ от 6 февраля 2023 г. внесены коррективы в п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ № 242 – «лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений»; введены п. 3 ч. 1 ст. 7 ФЗ № 242 – «лица, подозреваемые в совершении преступлений, обвиняемые в совершении преступлений» и п. 4 ч. 1 ст. 7 ФЗ № 242 – «лица подвергнутые административному аресту» (вступает в силу с 1 января 2025 г.)². Несмотря на все законодательные изменения, касающиеся геномных данных человека, требуется провести модернизацию правового регулирования деятельности биобанков, которая позволила бы конкретизировать особенности получения и обработки информации, виды ее ис-

пользования, а также информационно-технические и юридические меры защиты [13, с. 83].

На сегодняшний день все осужденные и отбывающие наказание лица, а также подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений в обязательном порядке типированы сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющими производство по уголовному делу, после чего данные о геномной информации указанных лиц направляются сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений МВД России для постановки на соответствующий вид учета. Использование данных таких оперативно-справочных учетов в совокупности с системой АДИС «Папиллон» позволяет оперуполномоченным облегчить идентификацию неопознанных трупов. Однако указанные базы данных как результат технического прогресса имеют в правоприменительной деятельности неоднозначный характер. Если без вести пропавшее лицо хотя бы единожды было типировано и (или) дактилоскопировано, установление его личности в случае обнаружения неизвестного больного или обнаружения неустановленного трупа не представит трудности для оперуполномоченного. В ситуации, при которой лицо никогда не попадало в поле зрения правоохранительных органов, средства научно-технического прогресса бессильны.

Иной отраслью использования технических средств является внедрение новых криминалистических средств, позволяющих в короткие сроки эффективно использовать геномные данные. К их числу можно отнести криминалистический свет, беспилотные летательные малогабаритные аппараты, мобильный комплекс по сбору и анализу цифровых данных «UFED». Практическое применение указанных криминалистических средств в совокупности с геномной инфор-

¹ О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 8-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мацией значительно повышает эффективность розыскной работы.

При производстве осмотра жилища без вести пропавшего лица в ванной комнате без видимых следов и отпечатков с помощью криминалистического света можно обнаружить следы биологического происхождения человека, а именно крови, даже если она была ранее смыта. Эта информация дает повод для отработки версии об убийстве пропавшего лица заявителем или же близкими лицами. Непригодные для идентификации следы папиллярных узоров рук содержат потожировые выделения, в которых также присутствует ДНК человека. При обследовании жилых помещений даже непригодные на первый взгляд следы могут дать оперуполномоченному информацию о лице, которое находилось вместе с без вести пропавшим в данном помещении.

Использование беспилотных летательных малогабаритных аппаратов – квадрокоптеров, как нами уже было сказано, позволяет в ходе розыска без вести пропавших обследовать большие по площади территории, а также участки местности, в которых затруднено или невозможно движение человека и розыскной собаки.

Мобильный комплекс по сбору и анализу цифровых данных «UFED» для восстановления удаленной с цифровых средств связи информации может использоваться оперуполномоченным для установления связей без вести пропавшего лица, а также мест его возможного нахождения. В рамках розыскной деятельности органов внутренних дел данное научно-техническое средство может быть интегрировано в электронные устройства, принадлежащие лицам, проверяемым на причастность к исчезновению граждан.

Заключение

Таким образом, необходимые в использовании для розыскной деятельности средства научно-технического прогресса находятся на вооружении подразделений СК РФ, экспертно-криминалистических подразделений МВД России, линейных управлений на транспорте (идентифицирующие технологии искусственного интеллекта). Розыскные

подразделения имеют постоянный и беспрепятственный доступ к данным различных оперативно-справочных учетов и иным секретным программным продуктам. В связи с изложенным при производстве проверочных мероприятий по заявлениям и сообщениям о без вести пропавших, неизвестных больных и неустановленных трупах сотрудникам розыскных подразделений МВД России приходится постоянно взаимодействовать со следователями и следователями-криминалистами СК РФ, специалистами экспертно-криминалистических подразделений МВД России, судебными медиками.

Несомненно, деятельность следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную работу, должна быть организована таким образом, чтобы она приводила к эффективному раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений [14, с. 231]. Однако не стоит забывать о том, что использование искусственного интеллекта в процессе раскрытия и расследования преступлений должно базироваться исключительно на фундаментальных разработках криминалистической науки, применение искусственного интеллекта и нейросетей должно соответствовать нормам общественной морали, а фактические данные, которые будут положены в основу таковых моделей, должны обладать критериями достоверности [15, с. 107].

В соответствии с вышесказанным представляется, что актуальность применения средств научно-технического прогресса и технологий искусственного интеллекта в розыскной деятельности МВД России не вызывает сомнений. Тесное взаимодействие теории и практики интеграции современных технических средств в розыскную деятельность позволяет, по-нашему мнению, увеличить не только число установленных больных и опознанных трупов, но и процент разысканных лиц, что, соответственно, снижает количество заведенных дел оперативного учета.

Основываясь на вышесказанном, целесообразным представляется предположить, что средства научно-технического прогресса в ближайшем будущем будут все более тес-

но интегрироваться в ежедневную профессиональную деятельность разыскных подразделений органов внутренних дел, так как

современные научно-технические средства уже играют ведущую роль в повышении эффективности розыскной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осипенко А. Л. Новые технологии получения и анализа оперативно-розыскной информации: правовые проблемы и перспективы внедрения // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 13–19.
2. Пчоловский Н. К. Основные направления совершенствования организации использования системы оперативных и криминалистических учетов при раскрытии преступлений подразделениями уголовного розыска // Закон и право. 2024. № 9. С. 267–271.
3. Алексеев В. В., Бражников Д. А., Никольская А. Г. Пути повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности при противодействии преступности в современных условиях // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 4. С. 85–91.
4. Закатов А. А., Замылин Е. И. Отдельные следственные действия и их роль в розыске скрывшихся преступников и иных объектов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56). С. 8–17.
5. Лагуточкин А. В. Сущность, формирование и перспективы использования нейросетевых технологий в оперативно-розыскной деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 4. С. 354–365.
6. Карякин А. М. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях розыска лиц, пропавших без вести // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 158–164.
7. Глубоковских Р. В. Методика поиска лиц, пропавших без вести в лесном массиве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 91–95.
8. Пилюгин И. П. Проблемные вопросы применения беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 3 (69). С. 83–90.
9. Пупынин С. С., Парфенов А. В. Особенности розыска лиц, пропавших без вести // Закон и право. 2021. № 4. С. 156–158.
10. Нефедьев А. С. К вопросу о взаимодействии подразделений уголовного розыска и Следственного комитета Российской Федерации в процессе раскрытия убийств прошлых лет // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 201–205.
11. Кузнецов Е. В., Ступницкий А. Е., Шишкина Н. Э. Типовые меры по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4 (103). С. 96–104.
12. Вытовтова Н. И., Валинуров А. А. Использование генома человека в качестве идентификации личности неопознанного трупа // Отечественная юриспруденция. 2020. № 4 (43). С. 40–42.
13. Морозов С. Ю., Тужилова-Орданская Е. М., Ахтямова Е. В., Казаков Н. А. Правовые аспекты сбора, хранения и обработки генетической информации // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 74–84.
14. Гороховский А. А. Проблемы взаимодействия органов Следственного комитета России с оперативными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 231–233.
15. Кутузов А. В. Внедрение возможностей искусственного интеллекта и нейросетевых технологий в криминалистическую науку // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 103–108.

REFERENCES

1. Osipenko A. L. New technologies for obtaining and analyzing operational-search information: legal problems and implementation prospects // Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 2. P. 13–19. (In Russ.)

2. Pcholovskiy N. K. Main directions for improving the organization of the use of the operational and forensic records system in solving crimes by criminal investigation units // Law and Right. 2024. No. 9. P. 267–271. (In Russ.)
3. Alekseev V. V., Brazhnikov D. A., Nikolskaya A. G. Ways to improve the efficiency of operational-search activities in combating crime in modern conditions // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2019. No. 4. P. 85–91. (In Russ.)
4. Zakatov A. A., Zamylin E. I. Certain investigative actions and their role in the search for escaped criminals and other objects // Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (56). P. 8–17. (In Russ.)
5. Lagutochkin A. V. The nature, formation and prospects of using neural network technologies in operational-search activities // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2022. Vol. 8 (74). No. 4. P. 354–365. (In Russ.)
6. Karyakin A. M. Features of conducting operational-search measures in order to search for missing persons // Bulletin of the St. Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (86). P. 158–164. (In Russ.)
7. Glubokovskikh R. V. Methodology for searching for persons missing in a forest area // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. P. 91–95. (In Russ.)
8. Pilyugin I. P. Problematic issues of using unmanned aerial vehicles in the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Legal science and law enforcement practice. 2024. No. 3 (69). P. 83–90.
9. Pupynin S. S., Parfenov A. V. Features of the search for missing persons // Law and Order. 2021. No. 4. P. 156–158. (In Russ.)
10. Nefedyev A. S. On the issue of interaction between criminal investigation units and the Investigative Committee of the Russian Federation in the process of solving murders of past years // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3 (51). P. 201–205. (In Russ.)
11. Kuznetsov E. V., Stupnitsky A. E., Shishkina N. E. Typical measures to search for persons who have hidden from the bodies of inquiry, investigation and court // Siberian Legal Bulletin. 2023. No. 4 (103). P. 96–104. (In Russ.)
12. Vytovtova N. I., Valinurov A. A. Using the human genome to identify the identity of an unidentified corpse // Domestic jurisprudence. 2020. No. 4 (43). P. 40–42. (In Russ.)
13. Morozov S. Yu., Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Akhtyamova E. V., Kazakov N. A. Legal aspects of collecting, storing and processing genetic information // The rule of law: theory and practice. 2024. No. 3 (77). P. 74–84. (In Russ.)
14. Gorokhovskiy A. A. Problems of interaction between the bodies of the Investigative Committee of Russia and the operational bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Young scientist. 2018. No. 50 (236). P. 231–233. (In Russ.)
15. Kutuzov A. V. Implementation of artificial intelligence and neural network technologies in forensic science // Law and order: history, theory, practice. 2024. No. 2 (41). P. 103–108. (In Russ.)

Информация об авторе:

Москаленко А. С. – без ученой степени;
Корнаухова Н. Г. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Moskalenko A. S. – no academic degree;
Kornaukhova N. G. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья
УДК 343.1.028–028.27(470)

Анна Николаевна Савченко
Омская академия МВД России, Омск, Россия,
shilovaanna@inbox.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Автор поддерживает предложение ученых о возможности перевода досудебного уголовного производства в электронный формат (внедрение в уголовный процесс электронного уголовного дела). Это приведет к отказу от бумажных документов. Уголовно-процессуальный закон в настоящее время допускает использование в уголовном процессе электронных документов, но их перечень незначителен. В досудебном производстве лица, ведущие расследование, принимают большое количество решений, которые в электронном уголовном деле будут отражаться в электронных документах. По мнению автора, в настоящее время возможно перевести в электронный формат часть процессуальных решений, а в некоторых случаях этот перевод необходим.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, электронный документ, электронная форма, решение, досудебное производство

Для цитирования: Савченко А. Н. Электронная форма процессуальных решений в досудебном производстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 50–56.

Original article

Anna N. Savchenko
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Omsk, Russia, shilovaanna@inbox.ru

ELECTRONIC FORM OF PROCEDURAL DECISIONS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Abstract. The author supports the proposal of scientists on the possibility of transferring pre-trial criminal proceedings to an electronic format (the introduction of an electronic criminal case into the criminal process). This will lead to the abandonment of paper documents and the transition to electronic ones. The Criminal Procedure Law currently allows the use of electronic documents in criminal proceedings, but their list is insignificant. In pre-trial proceedings, the persons conducting the investigation make a significant number of decisions, which, in an electronic criminal case, will be reflected in electronic documents. According to the author, it is currently possible to transfer some of the procedural decisions into electronic format, and in some cases this transference is necessary.

Keywords: criminal proceedings, electronic document, electronic form, decisions, pre-trial proceedings

For citation: Savchenko A. N. Electronic form of procedural decisions in pre-trial proceedings // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 50–56. (In Russ.)

Введение

Внедрение в уголовное судопроизводство достижений научно-технического прогресса (видео-конференц-связь, электронные документы, носители информации и т. д.) дало возможность правоприменителям

быстро обрабатывать, анализировать, передавать информацию, проводить некоторые следственные действия на расстоянии, при этом экономить силы и средства. Однако существующий уровень использования цифровых технологий в уголовном судопроиз-

© Савченко А. Н., 2025

водстве не отвечает требованиям времени. Большинство опрошенных нами правоприменителей¹ высказались положительно о возможности перевода в электронный формат досудебного уголовного производства и применения в уголовном процессе информационных технологий. Так, 76,3 % респондентов считают, что необходимо расширять возможности использования цифровых технологий в уголовном процессе, 52,2 % опрошенных допускают возможность внедрения в уголовный процесс электронных уголовных дел. О данном вопросе рассуждают многие ученые-процессуалисты, предлагая модели электронных уголовных дел, порядок использования в электронных уголовных делах электронных доказательств, функционирования электронного документооборота. Однако в высказываемых предложениях мы не обнаруживаем, каким образом в электронном уголовном деле будут приниматься и выноситься процессуальные решения.

Методы

При подготовке статьи применялся метод юридической науки – толкование понятий, который позволил разъяснить применение в уголовно-процессуальном законе словосочетаний «принять решение» и «вынести решение», использовались социологические методы изучения правовой реальности: статистический, математический анализ, анкетирование, изучение уголовных дел. Проведение анкетирования помогло выявить отношение правоприменителей к внедрению в уголовное судопроизводство электронного уголовного дела, а также их представление о вынесении и принятии решений в электронном уголовном деле. Путем математического анализа были обобщены сведения, полученные при изучении

уголовных дел, отдельных процессуальных решений. Метод научного моделирования позволил представить, каким образом должны выглядеть процессуальные решения в электронном уголовном деле.

Результаты

Лица, осуществляющие расследование уголовных дел, регулярно принимают процессуальные решения. Значение слова «решение» в словарях русского языка определяется как постановление, заключение, вывод из чего-либо²; результат обдумывания каких-либо действий, способ воплощения чего-либо, способ нахождения решения к задаче³. Согласно философскому словарю решение – это волевой акт выбора из нескольких возможных вариантов⁴. Обобщая определения, данные в словарях, мы предлагаем следующее: решение – это волевой акт, основанный на мыслительной деятельности человека, складывающийся из выбора способа воплощения поставленной цели.

Действующее законодательство содержит легальное определение процессуальных решений. Исходя из анализа данного определения, процессуальные решения принимают властные субъекты, что отличает их от других решений (п. 33 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Уголовно-процессуальное законодательство, как правило, термин «решение» использует в сочетании со словами «принять» и «вынести». «Принятие» связано с интеллектуальной деятельностью лица, принимающего решение. Процедура принятия решения и его содержание зависят от ряда сопутствующих факторов: внутреннего убеждения, опыта, уровня профессионализма лица, принимающего решение, обстоя-

¹ Опрошены 98 следователей, дознавателей, оперуполномоченных, участковых уполномоченных полиции, включая руководителей различных уровней Органов внутренних дел Российской Федерации на территории Алтайского, Приморского, Хабаровского краев, Новосибирской, Омской, Томской, Тверской областей, в 2023–2024 гг.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 2003. С. 678.

³ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 1999 // Фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 11.10.2024).

⁴ Конт-Спонвиль. Философский словарь // пер. с фр. Е. В. Головиной. М. : Эстерна, 2012. С. 495.

тельств дела и волеизъявления участников уголовного процесса.

«Вынесение» предполагает облечение процессуального решения в определенную форму: постановления, определения, приговора (п.п. 25, 33, 531, 532, 533 ч. 5 УПК РФ), то есть должностное лицо «возбуждает уголовное дело, о чем выносит соответствующее постановление», «выносит постановление о выделении материалов», «выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого» и т. д. Н. М. Николаева отмечает, что решения, изложенные письменно, придают им принудительный характер, позволяют следователю, дознавателю, прокурору пояснить следственные и иные процессуальные действия, удостоверяют разъяснение прав участникам процесса, обозначают начало чего-нибудь, дают возможность проконтролировать законность и обоснованность принимаемых решений [1, с. 77].

Бесспорно, решения, выраженные в письменной форме, дают возможность их проанализировать, оценить законность, обоснованность и обжаловать их. Однако процессуальные решения не всегда получают закрепление в письменной форме, указанной в законе, – форме постановления (п. 25 ст. 5 УПК РФ). К примеру, решения о производстве допроса, следственного эксперимента, проверки показаний на месте и т. д. получают письменную форму в виде результата следственного действия, о проведении которого принято решение.

Независимо от формы вынесения, все процессуальные решения должны быть законными, мотивированными и обоснованными. При этом решения, не получившие письменного закрепления, не всегда могут быть своевременно проконтролированы на предмет их законности ввиду того, что прокурор, руководитель следственного органа получают доступ к ним по факту предоставления материалов уголовного дела (например, следователь не получил согласия проживающих в квартире лиц, но принял решение о производстве осмотра квартиры, при этом в суд за законностью своих действий не обращался). Как правильно отмечает О. Я. Баев:

«Даже необоснованное и незаконное решение вплоть до его отмены является решением, обязательным для исполнения» [2, с. 331]. При существующем порядке вероятность принятия незаконных решений, которые получают закрепление лишь как результат следственного действия, представляется более высокой.

По нашему мнению, оптимизировать контроль законности вынесения процессуальных решений возможно, если перевести досудебное уголовное производство в электронный формат. Это позволит руководителю следственного органа, начальнику органа дознания осуществлять доступ к материалам уголовного дела в режиме реального времени (по соответствующим логину и паролю), а не по факту предоставления на проверку уголовного дела через несколько дней после принятия того или иного решения или после окончания производства по делу.

С развитием информационных технологий и с их активным внедрением в уголовный процесс многие исследователи (И. Н. Гимазетдинова [3, с. 70–75], О. В. Мичурина [4, с. 155–160], О. В. Качалова, Ю. А. Цветков [5, с. 95–101], С. В. Зуев, Н. А. Моругина [6, с. 83–94], В. В. Конин, А. В. Кудрявцева, А. В. Петров [7, с. 88–99], Ю. Н. Познанский [8, с. 44] и др.) высказываются о переводе досудебного производства в электронный формат, когда все документы уголовного дела будут формироваться в электронном уголовном деле на электронном носителе информации [9, с. 205–210]. Несмотря на повышенное внимание специалистов к вопросу перевода досудебного производства в электронный формат, предложений о соответствующей форме принятия и вынесения процессуальных решений лицами, ведущими расследование уголовного дела в электронном формате, не высказывается.

Перевод в электронную форму процессуальных решений не повлияет на классический порядок принятия решений, детально описанный П. А. Лупинской (на первом этапе – установление фактических обстоятельств, на втором – применение к ним соответствующей нормы права) [10, с. 122, 175],

а также на их сущность. Они должны будут отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности. Поменяется лишь форма фиксации решений – она приобретет вид электронного документа. Работа в специально разработанной программе «Электронное уголовное дело» позволит быстро анализировать информацию, контролировать сроки принятия процессуальных решений, подскажет, на каком этапе необходимо принять решение (направить запрос, вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого, продлить срок содержания под стражей, продлить срок расследования и т. д.), уведомить о принятом решении заинтересованных лиц.

Действующим законодательством в отдельных случаях предусматривается использование электронных документов (ст. 474 УПК РФ). В соответствии с формулировкой указанной статьи: «Процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным и иным способом». Таким образом, законодатель допускает вынесение решений в электронном виде. Под словом «электронный» долгое время правоприменитель подразумевал набор на компьютере текста процессуального документа, который распечатывался на бумаге. С активным использованием цифровых технологий под «электронным и иным способом» стали понимать изготовление документов в электронном виде без вывода на бумажный носитель. В дальнейшем электронный способ оформления процессуальных решений станет охватывать не только набор текста на компьютере и подписание документа усиленной квалифицированной электронной подписью, но и возможность полного отказа от набора текста, а именно проговаривание принятого решения в режиме видеосообщения.

Изучение опыта зарубежных стран об использовании в уголовном процессе электронных документов показало, что способ вынесения решений в виде видеосообщений не применяется. Однако широко используется видео-протоколирование с одновременным кратким изложением содержания

протокола в печатном виде (ч. 3 ст. 199 УПК Республики Казахстан, ст. 310 УПК Кыргызской Республики и т. д.).

По нашему мнению, уже сейчас необходимо определить, какие решения, принимаемые следователем (дознавателем), целесообразно документировать с помощью видеозаписи, а какие фиксировать с помощью набора текста на компьютере. При этом электронная форма процессуальных решений не должна усложнить работу правоприменителей.

Проанализировав решения, содержащиеся в 348 уголовных делах, расследованных следователями и дознавателями Омской области, мы пришли к выводу о том, что в формат видеозаписи возможно и даже необходимо перевести решения в тех случаях, когда требуется фиксация даты и времени вынесения решения и это имеет существенное значение для дальнейшего расследования. К примеру, при выезде следственно-оперативной группы на место преступления (когда следователь (дознатель) принял решение о возбуждении уголовного дела и приступил к расследованию, а оформил решение о возбуждении уголовного дела постановлением по прибытии в отдел полиции, датировав его временем нахождения на месте происшествия); при производстве неотложных следственных действий (когда принятие решения о возбуждении уголовного дела органом дознания по делам, предварительное следствие по которым обязательно, требует согласования с начальником органа дознания, такое согласие может быть получено в виде видеосообщения). Закономерно может возникнуть вопрос: каким образом согласие в виде видеосообщения будет передаваться? Техническая сторона данного вопроса (оснащение переносными электронными устройствами) должна быть решена соответствующими службами, но только после законодательного закрепления и реализации проекта «Электронное уголовное дело», в котором будут организованы защищенный канал связи и электронный документооборот.

Часть решений, которые устанавливают статус участника уголовного процесса, можно фиксировать в видеоформате, сочетая их

с производством следственного действия, результаты которого могут отражаться в видеопотоке¹ [11, с. 181; 12, с. 88–89; 13, с. 60; 14, с. 40] следственного действия в «Электронном уголовном деле» (например, признание потерпевшим, гражданским истцом, ответчиком, допуск законного представителя). Такие решения будут отвечать требованию своевременности, так как после их вынесения участники уголовного процесса наделяются соответствующими правами и обязанностями, что дает им возможность быстро реагировать на ход расследования. Тем самым обеспечивается соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства, то есть «исключение чрезмерного, необоснованного промедления при производстве по уголовным делам, или требование быстроты» [15].

По нашему мнению, некоторые процессуальные решения в «Электронном уголовном деле» должны фиксироваться в печатном электронном виде и подписываться усиленной квалифицированной электронной подписью. В таком порядке должны выноситься те решения, которые связаны с ограничением прав и свобод участников уголовного судопроизводства, правом на защиту, обжалованием и согласованием таких решений с надзирающим прокурором, либо требуют разрешения суда. Это постановление об избрании меры пресечения, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, постановление о производстве следственных действий, ограничивающих права и свободы граждан (за исключением случаев, не требующих отлагательства). Такие решения не связаны временными границами, их принятие и вынесению предшествуют собирание, анализ доказательственной информации и характеризующего материала. Кроме того, такие решения требуют согласования (усиленной квалифицированной электронной подписью), что может вызывать сложности в случае использования видеозаписи. Для участников уголовного процесса текстовый

вариант более доступен и не требует от технического устройства, на которое поступит копия решения, дополнительных возможностей в виде поддержания режима видеосъемки. Программа электронного уголовного дела позволит контролировать сроки расследования, меры пресечения, а также напоминать лицу, ведущему расследование, о необходимости вынесения того или иного решения (например, срок направления уведомления, допроса подозреваемого после задержания, принятия решения об избрании меры пресечения после предъявления обвинения, срок составления обвинительного акта после избрания меры пресечения и т. д.).

Необходимо отметить, что закон допускает принятие решений на этапе досудебного производства без вынесения процессуального документа (постановления). Это направление различных запросов, уведомлений, производство некоторых следственных действий (допроса, проверки показаний на месте и т. д.). В электронном уголовном деле такие решения могут выражаться в автоматическом формировании программой повесток, запросов, обобщении информации, что не исключает возможности применения искусственного интеллекта.

Таким образом, при переводе досудебного производства в электронную форму мы предлагаем классифицировать все процессуальные решения по способу фиксации на:

- 1) решения без вынесения процессуального документа;
- 2) видеорешения;
- 3) решения, выполненные в печатной электронной форме.

Заключение

Предложенные нами варианты вынесения процессуальных решений помогут упростить и ускорить процесс расследования уголовных дел, необходимо лишь законодательное закрепление и решение технической стороны вопроса. Такое упрощение и ускорение не должны быть связаны с понижением гарантий прав участников уголовного процесса.

¹ Видеопотокол – фиксация следственного или иного процессуального действия на электронный носитель информации без набора текста на бумажном или электронном носителе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николаева Н. М. Письменность предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 233 с.
2. Баев О. Я. Уголовно-процессуальные решения и решения в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2009. № 1. С. 329–340.
3. Гимазетдинова И. Н. Уголовное дело как комплексный процессуальный акт и возможность его перевода в электронный формат // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2. С. 70–75.
4. Мичурина О. В. О содержании понятия уголовного дела и перспективах модернизации его формы // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2020. С. 155–160.
5. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
6. Зуев С. В., Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 83–94.
7. Конин В. В., Кудрявцева А. В., Петров А. В. Уголовное дело – переход от бумажного носителя в цифровой формат // Вестник Том. гос. ун-та. Право. 2022. № 45. С. 88–99.
8. Познанский Ю. Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С. 41–44.
9. Савченко А. Н. Электронная форма уголовного досудебного производства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 3. С. 205–210.
10. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство и практика. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФА-М, 2022. 240 с.
11. Меретуков Г. М., Грицаев С. И., Помазанов В. В. Актуальные вопросы цифровизации уголовного судопроизводства: взгляд в будущее // Правоприменение. 2022. № 3. С. 172–182.
12. Рамалданов Х. Х. Видеопротоколирование как основа цифровизации уголовного судопроизводства // ЮП. 2022. № 4 (103). С. 86–91.
13. Рябчиков С. А. Видеопротоколирование как средство уголовно-процессуального доказывания // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2024. № 2. С. 56–62.
14. Ищенко П. П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 30–42.
15. Полухин В. М. Сущность разумного срока уголовного судопроизводства // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2.

REFERENCES

1. Nikolaeva N. M. Writing of preliminary investigation: dis. ... Cand. of Law. Omsk, 2002. 233 p. (In Russ.)
2. Baev O. Ya. Criminal procedural decisions and decisions in criminal proceedings // Bulletin of VSU. Series: Pravo. 2009. No. 1. P. 329–340. (In Russ.)
3. Gimazetdinova I. N. Criminal case as a complex procedural act and the possibility of its transferring into electronic format // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. P. 70–75. (In Russ.)
4. Michurina O. V. On the content of the concept of a criminal case and the prospects for modernizing its form // Modern problems of criminal procedure: solutions: collection of materials of the International scientific and practical conference. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. P. 155–160. (In Russ.)
5. Kachalova O. V., Tsvetkov Yu. A. Electronic criminal case as a tool for modernizing criminal proceedings // Russian justice. 2015. No. 2. P. 95–101. (In Russ.)
6. Zuev S. V., Morugina N. A. Electronic criminal case: theoretical model // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3. P. 83–94. (In Russ.)
7. Konin V. V., Kudryavtseva A. V., Petrov A. V. Criminal case – transition from paper to digital format // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2022. No. 45. P. 88–99. (In Russ.)

8. Poznansky Yu. N. Electronic criminal case in solving the problem of investigating criminal cases within a reasonable time // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1 (33). P. 41–44. (In Russ.)

9. Savchenko A. N. Electronic form of criminal pre-trial proceedings // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. P. 205–210. (In Russ.)

10. Lupinskaya P. A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation and practice. 3rd ed., revised and add. M. : Norma : INFA-M., 2022. 240 p. (In Russ.)

11. Meretukov G. M., Gritsaev S. I., Pomazanov V. V. Actual issues of digitalization of criminal proceedings: a look into the future // Law enforcement. 2022. No. 3. P. 172–182. (In Russ.)

12. Ramaldanov H. H. Video recording as a basis for digitalization of criminal proceedings // UP. 2022. No. 4 (103). P. 86–91. (In Russ.)

13. Ryabchikov S. A. Video recording as a means of criminal procedural evidence // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2024. No. 2. P. 56–62. (In Russ.)

14. Ishchenko P. P. Investigative actions in the context of digitalization of criminal proceedings // Siberian criminal procedural and forensic readings. 2022. No. 1 (35). P. 30–42. (In Russ.)

15. Polukhin V. M. The essence of a reasonable time limit for criminal proceedings // Society: politics, economics, law. 2017. No. 2. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.12.2024; одобрена после рецензирования 13.02.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 11.12.2024; approved after reviewing 13.02.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья
УДК 343.985.7:[002:004](470)

Зарина Ирековна Харисова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, zarinaid@mail.ru, ORCID 0000-0002-3902-3459

ГЕНЕЗИС ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию генезиса преступности в сфере компьютерной информации как социально-правового явления и феномена правовой действительности с точки зрения системно-исторического подхода. Проведенный анализ позволил рассмотреть этапы развития и современное состояние компьютерной преступности, а также возможные направления ее трансформации с целью выявления наиболее перспективных методов предотвращения противоправных деяний, а также своевременного принятия законодательных, административных и иных предупреждающих мер. Сделан вывод, что появление новых форм преступности в сфере компьютерной информации будет обусловлено сложным взаимодействием технологических, социальных, экономических и политических факторов, а основным механизмом противодействия деструктивным формам в исследуемой сфере станут LegalTech-инструменты в виде программно-технических средств обеспечения юридической деятельности на базе стека индустрии Web 4.0, представленного технологиями искусственного интеллекта, распределенного реестра, сверхвысокой передачи данных, Интернета вещей, а также виртуальной и дополненной реальности.

Ключевые слова: расследование преступлений, тенденции преступности, цифровая криминалистика, преступления в сфере компьютерной информации, киберпреступность, метапреступность, метавселенная, LegalTech, CrimeTech, DeepTech

Для цитирования: Харисова З. И. Генезис преступности в сфере компьютерной информации и ее детерминанты // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 57–65.

Original article

Zarina I. Kharisova

Ufa Law Institute Of The Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, zarinaid@mail.ru, ORCID 0000-0002-3902-3459

GENESIS OF CYBERCRIME AND ITS DETERMINANTS

Abstract. The article is devoted to the study of the genesis of crime in the sphere of computer information as a socio-legal manifestation and a phenomenon of legal reality from the point of view of a systematic historical approach. The analysis made it possible to consider the stages of development and the current state of computer crime, as well as possible directions for its transformation in order to identify the most promising methods of preventing illegal acts, as well as the timely adaptation of legislative, administrative and other preventive measures. It is concluded that the emergence of new forms of cybercrime will be due to the complex interaction of technological, social, economic and political factors, and the main mechanism for counteracting destructive forms in the area under study will be LegalTech tools in the form of software and hardware to support legal activities based on Web 4.0 industry stack, represented by artificial intelligence technologies, distributed registry, ultra-high data transmission, the Internet of things, as well as virtual and augmented reality.

Keywords: crime investigation, crime trends, digital forensics, computer information crimes, cybercrime, metacrime, metaverse, LegalTech, CrimeTech, DeepTech

© Харисова З. И., 2025

For citation: Kharisova Z. I. Genesis of cybercrime and its determinants // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. № 1 (21). P. 57–65. (In Russ.)

Введение

Современный этап общественного развития характеризуется переходом к информационному обществу. Развитие кибернетики, разработка и совершенствование технических устройств, внедрение информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) в большинство сфер жизнедеятельности человека привели к глобальной информатизации, обусловленной необходимостью обработки, хранения и анализа значительных объемов цифровых данных. ИТТ, являясь потенциальным инструментом содействия общественному прогрессу, одновременно создают широкие возможности для противоправной деятельности. Их использование преступниками способствует не только диверсификации преступных проявлений и эскалации их масштабов, но и деструктивному воздействию на общество, государство и его институты, а также коммерческие организации.

В контексте снижения потенциала использования ИТТ в целях совершения преступлений представляется необходимым исследование генезиса преступности в сфере компьютерной информации и ее основных детерминант. Использование системно-исторического подхода при анализе позволит рассмотреть не только этапы развития указанного вида преступности, но и современное состояние, а также возможные направления его трансформации с целью выявления наиболее перспективных (предикативных) методов предотвращения противоправных деяний, принятия предупреждающих мер, направленных на сокращение как существующих, так и потенциально возможных правонарушений.

Методы

В процессе исследования использовалась совокупность общих методов научного познания (описание, обобщение и сравнение), общенаучных (анализ, синтез, системный (системно-исторический) и системно-структурный подходы), частнона-

учных (статистический, кибернетический, исторический), а также специальных методов (формально-юридический, сравнительно-правовой и предикативной аналитики). Применение указанных методов позволило провести обобщение и анализ эмпирического материала, определить перспективные направления дальнейших исследований в области предупреждения и расследования преступлений в сфере компьютерной информации.

Результаты

Преступления в сфере компьютерной информации (далее – преступления в СКИ) – это законодательное определение преступных деяний, предусмотренных главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), объединяющей ст.ст. 272, 272.1, 273, 274, 274.1, 274.2. При этом имеется ряд схожих с ними форм deviантного поведения, именуемых как информационные компьютерные преступления и криминализованных в российском уголовном праве в соответствии с п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, 159.6, п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222, п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222.1, п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222.2, п. «д» ч. 2 ст. 230, п. «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ. Существенное увеличение количества преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), рост их доли в общем числе преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, крайне низкая раскрываемость указанного вида преступных деяний, а также рост утечек конфиденциальных данных, способный нанести существенный ущерб как отдельным гражданам государства, так и объектам критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ), оборонно-промышленного комплекса и смежных отраслей промышленности, говорят о том, что проводимое исследование является довольно актуальной задачей. Существенное негативное влияние на обстановку в указанной сфере оказыва-

ет сложившаяся международная ситуация, связанная с деятельностью транснациональных организованных преступных групп, нацеленных на хищение персональных данных граждан нашей страны, их неправомерное использование и распространение (ст. 272.1 УК РФ). Отдельная проблема заключается в противоправном применении ИТТ организованными преступными группами, которые все чаще используют вредоносное программное обеспечение (далее – ПО) (ст. 273 УК РФ), фишинговые сайты и специальные технические средства. Кроме того, довольно часто нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и инфокоммуникационных сетей приводит к тяжким последствиям или создает угрозу их наступления (ст. 274 УК РФ). В связи с этим необходимо создание надежного барьера противодействия преступлениям именно в сфере компьютерной информации, а также выявление возможных направлений ее трансформации в будущем.

Современное право направлено на урегулирование вновь появляющихся форм отношений практически всех сфер деятельности человека, где объектами, субъектами, а порой и средствами все чаще выступают высокие технологии, что закономерно формирует новый вид права, именуемый высокотехнологичным и представляющий собой логистичный, наукоемкий и технологичный регулятор общественных отношений, который не только контролирует вновь возникающие отношения, связанные с высокими технологиями, но и активно использует их в правоприменении [1, с. 168]. Возникновение новых субъектов права, объектов регулирования и высокотехнологичных средств совершения преступлений в основном вынуждает законодателей принимать меры по разработке нормативных правовых актов, регулирующих новые правоотношения. Однако хорошей практикой является рассмотрение генезиса того или иного явления и его основных детерминант

в целях выявления наиболее перспективных методов предотвращения нежелательных последствий в будущем, что возможно при проведении анализа с использованием системного подхода.

Наиболее распространенными разновидностями системного подхода в науке, которыми активно пользуются в естествознании, являются: системно-элементный (выявление элементов, входящих в исследуемую систему); системно-структурный (выявление взаимосвязей между составляющими систему элементами); системно-функциональный (выявление функций, выполняющихся системой); системно-коммуникационный (определение взаимосвязей между входящими в систему элементами и внешней средой) и системно-исторический (исследование генезиса системы и ее динамики как изучение пройденных этапов ее развития, современного состояния, а также возможных перспектив развития) [2, с. 70].

Под генезисом в науке понимается описание происхождения, возникновения, становления и развития различных природных, социальных и иных явлений [3, с. 20]. Генезис большинства явлений интересовал науку начиная с античных времен. Зачастую его рассмотрение получало научное обоснование в эволюционных теориях междисциплинарного и общенаучного характера. В современной науке объяснение генезиса любой природы связывается преимущественно с принципами глобального эволюционизма¹. В связи с этим вполне целесообразно изучение генезиса преступности в СКИ как социально-правового явления и феномена правовой действительности с точки зрения системно-исторического подхода. Это позволит получить дополнительные сведения не только о природе юридических приемов создания, реализации и толкования норм права, но и сформулировать новые правовые концепции, конструкции и потенциально возможные формы преступности в будущем.

¹ Новейший философский словарь / сост. и гл. н. ред. Грицанов А. А. 3-е изд., испр. Мн. : Книжный Дом, 2003. С. 819.

Рассматривая основные составляющие ядра пятого индустриального технологического уклада (1980–2020 гг.), наибольшее внимание уделим таким областям науки, как электроника и прикладная информатика, регулирующим процесс изучения информационных технологий (далее – ИТ), телекоммуникаций, методов обеспечения информационной безопасности, защиты информации, функционирования различных технических устройств и т. п. Наступление шестого цикла Кондратьева [4, с. 5] как нового индустриального уклада связывают с развитием биотехнологий, геномной инженерии и, безусловно, ИТТ, включая современный стек (от англ «stack» – набор инструментов или ИТ, используемых для реализации проекта) индустрии Web 4.0, представленный технологиями искусственного интеллекта, распределенного реестра (блокчейн), сверхвысокой передачи данных (5G), Интернета вещей (IoT), а также виртуальной (AR) и дополненной реальности (VR).

Основным преимуществом новой эпохи когнитивных технологий выступают глобализация, скорость связи и перемещения, постоянное повышение уровня комфорта жизни населения¹ с задействованием вышеперечисленных технологий. Вместе с тем уже на постоянной основе возникают проблемы, связанные с обеспечением безопасности эксплуатации ИТТ. В этой связи наряду с генезисом компьютерной преступности необходимо рассмотрение основных ее детерминант как комплекса социальных явлений, совместное действие которых порождает противоправные деяния.

Аналогично тому, как интенсивное развитие промышленности породило эколог-

ческие проблемы планетарного масштаба, а достижения в области ядерной физики создали угрозу глобальной ядерной войны, на сегодняшний день можно констатировать, что информатизация является причиной таких негативных последствий, как возросший уровень преступных деяний, совершаемых с использованием ИТТ. Появление «информационного оружия» как следствие развития ИТ по степени опасности может превзойти ядерное оружие, поскольку даже запуск средств массового поражения в ряде случаев осуществляется командой в автоматизированной системе боевого управления.

Анализ криминогенной обстановки в Российской Федерации свидетельствует о том, что преступность в сфере компьютерной информации стала одним из ключевых деструктивных факторов общественного развития. Динамичный количественный рост преступности², сопровождающийся ее качественными изменениями, создает реальную угрозу социально-экономическому развитию, стабильности государственности и национальной безопасности. Криминализация использования ИТТ усугубляется активным вовлечением в нее организованных преступных групп, которые постоянно ищут новые способы совершения преступлений, используя передовые достижения науки и техники. По этой причине итогом пятилетней работы государств-членов ООН стало одобрение разработанной по инициативе Российской Федерации Конвенции против киберпреступности, являющейся первым универсальным договором, предусматривающим укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием ИТТ³. Проект

¹ История науки, техники и транспорта : учебник для вузов / В. В. Фортунатов [и др.] ; под общей редакцией В. В. Фортунатова. М. : Издательство Юрайт, 2024. С. 14.

² Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор / Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации / М. В. Гончарова, М. М. Бабаев, Р. В. Черкасов [и др.]. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2024. С. 55.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности: укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме от 27 ноября 2024 г. A/79/460 // Официальный сайт ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/372/06/pdf/n2437206.pdf> (дата обращения: 26.01.2025).

резолуции принятого документа подчеркивает особую важность борьбы с указанным видом преступлений, поскольку они зачастую связаны с отмыванием денег, террористическими и экстремистскими актами, неправомерным использованием криптовалют, коррупцией, торговлей людьми, незаконным изготовлением и оборотом оружия, наркотических и психотропных веществ и пр., а статья 55 предусматривает проведение каждым отдельно взятым государством анализа тенденций, характеризующих совершаемые на их территории компьютерные преступления.

Рассматривая феномен преступности в СКИ с исторической точки зрения, выделим несколько ключевых факторов (условных этапов), которые способствовали ее широкому распространению и развитию. Одной из очевидных причин стало появление в 1940–1960-е гг. первых электронно-вычислительных машин, которые в большей степени эксплуатировались на предприятиях. Это стало отправной точкой развития таких примитивных деструктивных форм, как нарушение правил хранения и обработки информационных ресурсов и несанкционированный доступ к защищаемым данным [5, с. 11].

Последующее массовое распространение персональных компьютеров в 1970–1980-е гг. определило появление первых злоумышленников, взламывающих компьютерные системы и осуществляющих доступ к личным данным пользователей, и преимущественно движимых любопытством, желанием исследовать новые для них возможности использования ИТТ. Указанный этап характеризуется постепенным распространением компьютерных сетей, что обусловило распространение вирусного программного обеспечения ПО и зарождение первых сетевых атак [6, с. 12].

Глобализация сети Интернет в 1990–2000 гг. создала единое информационное пространство, доступное практически каждому пользователю, что обусловило появление таких актуальных даже на сегодняшний день видов преступлений, как фи-

шинг, распространение вредоносного ПО в телекоммуникационных сетях, атаки на веб-ресурсы [7, с. 17], кража данных с электронных банковских счетов и пр.

Следующий этап связан с использованием мобильных средств связи, веб-сайтов и социальных сетей в 2000–2020 гг. Так, смартфоны с возможностью скоростной передачи данных стали неотъемлемой частью жизни общества, что привело к массовому их использованию и, как следствие, распространению преступлений в СКИ в геометрической прогрессии [8, с. 35].

Современный этап характеризуется развитием сложных и целевых кибератак, направленных на проникновение в конкретные системы и кражу конфиденциальной информации отдельно взятой личности. Также широко распространяется возможность использования искусственного интеллекта для автоматизации атак, синтетической генерации контента в целях установления с жертвой доверительных отношений и последующего совершения противоправных деяний или дезинформации общества. Кроме указанных явлений, широко распространяются различные цифровые фиатные активы, позволяющие анонимно осуществлять финансирование противоправной деятельности, атаки на IoT-устройства [9, с. 2].

Отдельного внимания заслуживает появление метавселенных, которые создают новые возможности совершения преступлений в СКИ, таких как мошенничество с цифровыми аватарами пользователей, виртуальное насилие, кража виртуальных активов и пр., а также взлом широко внедряемых в различные сферы биометрических систем распознавания и нейроинтерфейсов.

История развития криминалистики, как и любой другой науки, представляет собой систему фактов, позволяющих не только проследить закономерности становления научного знания, но и определить пути дальнейшего его совершенствования [10, с. 47]. Сегодня генезис ИТТ рассматривается как основополагающий институт современности. Предикативный анализ, обеспечиваемый уже типовыми технологическими

решениями, построенными на базе искусственного интеллекта, облачных технологий, распределенных баз данных и пр., уже сегодня становится частью общественного сознания [11, с. 38].

В будущем появление новых форм преступлений в СКИ будет обусловлено сложным взаимодействием технологических, социальных, экономических и политических факторов. Рассмотрим основные ее детерминанты. Так, среди технологических факторов стоит отметить возможности генеративного искусственного интеллекта для создания реалистичных фишинговых сообщений (дипфейков) и разнообразного синтетического контента, сложно поддающихся анализу и их выявлению. Кроме того, увеличивается частота роста использования нейросетей для разработки сложного и адаптивного вредоносного ПО, автоматизации процессов кибератак, управления трудно обнаруживаемыми ботнетами. При этом большинство имеющихся на сегодняшний день технологий и методов шифрования данных позволят обойти развивающиеся технологии квантовых вычислений, а увеличение количества IoT-устройств и API-интерфейсов в области прикладного программирования создаст множество дополнительных уязвимостей и точек воздействия для преступников. Среди технологических факторов все чаще выделяют появление еще сложно воспринимаемых в реальности, но распространяющихся в метaprостранстве, генерируемом с задействованием элементов дополненной реальности, преступных схем, связанных с виртуальными активами и цифровыми аватарами. Метавселенные порождают относительно новые виды преступных деяний (кража виртуальной собственности, идентификатора личности, виртуальный вандализм, кибербуллинг, виртуальные домогательства и насилие с использованием аватаров).

Постиндустриальная информационная среда обеспечивает широкие возможности для создания многочисленных и мощных баз данных, легкость распространения информации, простоту ее копирования, агрегирования

и модификации, что способствует появлению новых информационных угроз для отдельно взятого человека [12, с. 90]. Соответственно, среди социальных факторов можно выделить увеличение зависимости общества от ИТТ, что делает его более уязвимым к атакам преступников, относительно низкий уровень грамотности населения в области ИТ, сложность восприятия принципов построения вновь возникающих технических средств и киберфизических систем, а также распространение деструктивных сведений в информационном пространстве и т. п.

Экономические факторы обусловлены увеличением объемов электронной торговли, развитием сервисов онлайн-банкинга и виртуальных финансовых инструментов, что создает новые платформы совершения преступлений в СКИ не только в «белом» Интернете, но и в даркнете.

Отдельного внимания заслуживают такие политические факторы, как использование кибератак в качестве инструмента для достижения стратегических целей. Так, например, осуществлять разведку и сбор информации все чаще приходится с задействованием широкого спектра ИТТ и технических средств, соответственно, усиление геополитической напряженности может приводить к росту кибершпионажа между государствами.

Нельзя оставить без внимания ряд организационных факторов, которые определяют недостаток квалифицированных специалистов в области ИТТ, цифровой криминалистики и обеспечения информационной безопасности, а также сложность расследования преступлений в СКИ, сбора и анализа цифровых доказательств, определения ответственности в информационном пространстве.

Все вышеперечисленные факторы создают сложную и довольно динамичную среду, в которой будут развиваться новые формы преступлений в СКИ в будущем. Одной из особенностей постнеклассической науки является интеграция гуманитарных, естественных и технических наук [13, с. 14], по этой причине предполагается, что для эффек-

тивной борьбы с преступностью в СКИ необходимы комплексные меры, включающие развитие ИТТ, усиление мер обеспечения информационной безопасности, повышение осведомленности населения и квалификации специалистов в области раскрытия и расследования рассматриваемого вида преступности, а также совершенствование правового регулирования отношений, возникающих в сфере информации, ИТ и защиты информации, налаживание международного сотрудничества. Однако базовым механизмом противодействия деструктивным формам в исследуемой области является разработка технических средств, широко освещаемых зарубежными источниками в доктринальной концепции «Юридические технологии» (описывающей систему знаний о юридико-технических средствах, приемах и способах применения, совершенствования и систематизации различных правовых инструментов) и именуемых LegalTech-инструментами (от англ. «legal technology» – технологичные решения в области информационно-технического обеспечения юридической деятельности) [14, с. 18]. Наряду с указанными средствами целесообразно развитие таких направлений системы «Юридических технологий», как CrimeTech (от англ. «crime technology» – современные решения на основе ИТТ, используемые в преступных целях) и DeepTech (от англ. «deep technology» – инновационные ИТТ, принятые на вооружение преступниками, но требующие значительных временных и экономических затрат для оказания противодействия им).

Таким образом, можно сделать вывод, что история становления преступности в СКИ является отражением развития ИТТ, причем каждый новый этап их развития позволял создавать новые возможности для совершения преступлений, что в свою очередь побуждало к разработке новых методов противодействия им. Анализ исторических факторов позволяет не только понять природу преступности в СКИ, но и ее тенденции с наиболее уязвимыми областями в целях разработки эффективных стратегий противодействия ей в будущем.

Заключение

Таким образом, основными причинами возникновения и широкого распространения преступности в СКИ являются повсеместный рост использования ИТТ и различных онлайн-сервисов, переход к цифровой экономике, развитие технических средств и технологий обезличивания в киберсреде и т. п. при сравнительно низком уровне цифровой грамотности населения и, как следствие, недостаточной защищенности личных данных пользователей. Существенной проблемой является использование интернет-пространства для политических и экономических манипуляций наравне с относительной легкостью анонимного совершения рассматриваемых преступлений и в большей части безнаказанности за совершенные деяния. Факторами, способствующими появлению новых форм преступности в СКИ, выступают: стабильное увеличение количества пользователей, применяющих ИТТ; широкое внедрение технологий искусственного интеллекта и квантовых вычислений в повседневную деятельность человека; развитие метавселенных, а также цифровых финансовых активов. Дальнейшая эволюция методов и способов совершения преступлений в СКИ будет обусловлена относительно легкой разработкой и внедрением ботнетов, в том числе на основе нейросетей для совершения кибератак, применением квантовых алгоритмов для взлома защищенных систем и методов социальной инженерии для манипуляции персональными данными граждан.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что одним из перспективных направлений в системе юридических технологий является разработка программно-технических LegalTech-инструментов противодействия преступлениям в СКИ, которые должны учитывать не только текущие угрозы, но и новые, перспективные в плане появления, формы. Одной из основных задач, решаемых подобными системами, являются поиск, фиксация, анализ и интерпретация цифровых доказательств, а также автоматизация расследований и обеспечение целостности собранной информации, что позволя-

ет определить ключевым для ее реализации стек индустрии Web 4.0, представленным технологиями искусственного интеллекта,

распределенного реестра, сверхвысокой передачи данных 5G, интернета вещей, а также виртуальной и дополненной реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пучков О. А. Право в зеркале высоких технологий: сравнительный анализ тенденций правового развития // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2. С. 163–172.
2. Отыцкий Г. П. Концепции современного естествознания. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. 447 с.
3. Петровская В. Н., Щепин В. И. Концепции современного естествознания: словарь терминов. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. 104 с.
4. Sadovnichiy V. A., Akaev A. A., Davydova O. I. Modeling and Forecasting the Evolutionary Economic Development of the BRICS and G7 Countries in the First Half of the Twenty-First Century // Journal of Globalization Studies. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 3–41.
5. Воробьева А. А., Пантюхин И. С. История развития программно- аппаратных средств защиты информации. СПб : Университет ИТМО, 2017. 62 с.
6. Tzavara V., Vassiliadis S. Tracing the evolution of cyber resilience: a historical and conceptual review // Int. J. Inf. Secur. 2024. V. 23. P. 1–25.
7. Florido-Benitez L. The types of hackers and cyberattacks in the aviation industry // Transp. Secur. 2024. V. 17. P. 1–32.
8. Radoniewicz F. Cyberspace, cybercrime, cyberterrorism // Springer, Cham. 2024. V. 1. P. 33–51.
9. Lundberg E., Mozelius P. The potential effects of deepfakes on news media and entertainment // AI & Soc. 2024. V. 1. P. 1–12.
10. Эксархопуло А. А. Криминалистика: история и перспективы развития : монография / А. А. Эксархопуло, И. А. Макаренко, Р. И. Зайнуллин. М. : Издательство Юрайт, 2024. 167 с.
11. Сологубова Г. С. Составляющие цифровой трансформации : монография. М. : Издательство Юрайт, 2024. 147 с.
12. Малашенко А. В. Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства : монография / А. В. Малашенко, Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов. М. : Издательство Юрайт, 2024. 212 с.
13. Садохин А. П. Концепции современного естествознания. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2006. 447 с.
14. Dariusz S., Mariusz Z. Legal Tech: Information technology tools in the administration of justice. Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG. 2021. 665 p.

REFERENCES

1. Puchkov O. A. Law in the Mirror of High Technologies: A Comparative Analysis of Legal Development Trends // The Rule of Law: Theory and Practice. 2024. No. 2. P. 163–172. (In Russ.)
2. Otytsky G. P. Concepts of Modern Natural Science. 2nd ed., revised and enlarged. M. : Yurait Publishing House, 2025. 447 p. (In Russ.)
3. Petrovskaya V. N., Shchepin, V. I. Concepts of Modern Natural Science: A Dictionary of Terms. Irkutsk : Irkutsk State Technical University Publishing House, 2008. 104 p.
4. Sadovnichiy V. A., Akaev A. A., Davydova O. I. Modeling and Forecasting the Evolutionary Economic Development of the BRICS and G7 Countries in the First Half of the Twenty-First Century // Journal of Globalization Studies. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 3–41.
5. Vorobyova A. A., Pantyukhin I. S. History of the development of software and hardware for information security. St. Petersburg: ITMO University, 2017. 62 p. (In Russ.)
6. Tzavara V., Vassiliadis S. Tracing the evolution of cyber resilience: a historical and conceptual review // Int. J. Inf. Secur. 2024. V. 23. P. 1–25.
7. Florido-Benitez L. The types of hackers and cyberattacks in the aviation industry // Transp. Secur. 2024. V. 17. P. 1–32.

8. Radoniewicz F. Cyberspace, cybercrime, cyberterrorism // Springer, Cham. 2024. V. 1. P. 33–51.
9. Lundberg E., Mozelius P. The potential effects of deepfakes on news media and entertainment // AI & Soc. 2024. V. 1. P. 1–12.
10. Eksarkhopulo A. A. Forensic science: history and development prospects: monograph / A. A. Eksarkhopulo, I. A. Makarenko, R. I. Zainullin. M. : Yurait Publishing House, 2024. 167 p. (In Russ.)
11. Sologubova G. S. Components of Digital Transformation: monograph. M. : Yurait Publishing House, 2024. 147 p. (In Russ.)
12. Malashenko A. V. Formation of Post-Industrial Civilization: from Digitalization to Barbarism : monograph / A. V. Malashenko, Yu. A. Nisnevich, A. V. Ryabov. M. : Yurait Publishing House, 2024. 212 p. (In Russ.)
13. Sadokhin A. P. Concepts of Modern Natural Science. 2nd ed., revised. and enlarged. M. : Unity-Dana, 2006. 447 p. (In Russ.)
14. Dariusz S., Mariusz Z. Legal Tech: Information technology tools in the administration of justice. Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG. 2021. 665 p.

Информация об авторе:

Харисова З. И. – кандидат технических наук, доцент.

Information about the author:

Kharisova Z. I. – Candidate of Technology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Ольга Викторовна Химичева¹, Игорь Борисович Тутынин²

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, olga-him@mail.ru

² Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, tutig@rambler.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением. Авторы статьи приходят к выводу, что в настоящее время сторона обвинения не проявляет достаточной активности, особенно в досудебном производстве по уголовному делу, в вопросах возмещения вреда, причиненного преступлением. Именно от этого во многом зависит успех в выполнении публично-правовой обязанности по защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений, включая создание условий для восстановления их прежнего положения. Авторы считают, что без эффективной уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования невозможно достичь цели уголовного судопроизводства, которая сформулирована в п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, с приоритетом на восстановление нарушенных прав. На основе анализа современной доктрины предлагаются меры, направленные на устранение пассивности должностных лиц, ответственных за применение обеспечительных мер по возмещению вреда, причиненного преступлением.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; возмещение вреда, причиненного преступлением; меры по обеспечению возмещения вреда; уголовно-процессуальная деятельность

Для цитирования: Химичева О. В., Тутынин И. Б. Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением: отдельные аспекты совершенствования // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 66–70.

Original article

Olga V. Khimicheva¹, Igor B. Tutynin²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, olga-him@mail.ru

² Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev, Moscow, Russia, tutig@rambler.ru

ENSURING COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY A CRIME: SELECTED ASPECTS OF IMPROVEMENT

Abstract. The article discusses some aspects of ensuring compensation for harm caused by a crime. The authors of the article come to the conclusion that currently the prosecution does not show sufficient activity,

especially in pre-trial proceedings in a criminal case, in matters of compensation for harm caused by a crime. It is on this that success in fulfilling the public law obligation to protect the rights and legitimate interests of victims of crimes, including creating conditions for the restoration of their former position, largely depends. The authors believe that without effective criminal procedural activities of the preliminary investigation bodies, it is impossible to achieve the goal of criminal proceedings, which is formulated in paragraph 1, part 1, Article 6 of the Code of Criminal Procedure and consists in protecting the rights and legitimate interests of persons and organizations who have suffered from crimes, with priority to restoring violated rights. Based on the analysis of modern doctrine, measures are proposed aimed at eliminating the passivity of officials responsible for the application of interim measures to compensate for harm caused by a crime.

Keywords: criminal proceedings; compensation for harm caused by a crime; measures to ensure compensation for harm; criminal procedural activity

For citation: Khimicheva O. V., Tutynin I. B. Ensuring compensation for damage caused by a crime: selected aspects of improvement // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 66–70. (In Russ.)

Введение

Несмотря на конституционные установления о значимости прав и свобод человека и обязанности государства признавать, соблюдать и защищать их (ст. 2), имеется предположение, что права и свободы человека далеко не всегда в законодательстве, в деятельности органов исполнительной и судебной власти России представляются высшей ценностью. Подтверждением этому служит ситуация с обеспечением имущественных прав гражданина. В частности, охраняемое право собственности (ч. 1 ст. 35 Конституции Российской Федерации) продекларировано, но в отраслевом законодательстве и правоприменительной практике с реализацией данного конституционного установления хорошо далеко не все. Возмещение вреда, причиненного в результате совершения преступления, происходит примерно в половине случаев, да и то не в полном объеме. Понятно, что это в значительной мере вызывает недовольство граждан, подрывает их доверие к правоохранительным органам.

Обзор литературы

Рассмотрением уголовно-процессуальных аспектов построения уголовного судопроизводства с учетом необходимости возмещения вреда по уголовным делам занимались многие авторы, в том числе В. А. Азаров, С. А. Александров, Ф. Н. Багаутдинов, Б. Т. Безлепкин, Б. Б. Булатов, Д. У. Ван Несс, Б. Я. Гаврилов, В. Н. Григорьев, З. З. Зинатуллин, В. М. Корнуков, Ф. М. Кудин, Л. Н. Масленникова, В. В. Николюк, И. Л. Петрухин,

А. В. Победкин, В. Я. Понарин, В. М. Савицкий, М. С. Строгович, А. Г. Халиулин, О. В. Химичева, В. С. Шадрин, Д. В. Шаров, С. А. Шейфер, А. А. Чувилев и др.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных методов научного познания. Среди них: диалектический метод, формально-юридический метод, системно-структурный метод и контент-анализ. Эмпирической основой исследования послужили уголовно-процессуальное законодательство, затрагивающее исследуемую тему, а также материалы публикаций, представленных в открытых источниках.

Результаты исследования

В уголовно-процессуальной деятельности выявление обстоятельств, способствующих возмещению причиненного вреда, а также применение правовых средств, обеспечивающих исполнение приговора в части имущественных взысканий, минимальны. Потерпевшие, гражданские истцы, не получив имущественного возмещения, вынужденно отказываются от обращения в государственные органы за защитой и часто пытаются самостоятельно защищать свои права и интересы, прибегая к не всегда законным способам (помощь криминальных сообществ, самосуд и т. п.)

Очевидно, что от активности стороны обвинения, особенно в досудебном производстве по уголовному делу, в большей степени зависит перспектива (результатив-

ность) исполнения публично-правовой обязанности обеспечить защиту потерпевшего от преступления, в том числе создать предпосылки для возмещения причиненного преступлением вреда.

Обратимся лишь к некоторым вопросам, обуславливающим надлежащее усердие следователей, дознавателей по данному направлению, и к «нетрадиционным» (отличающимся от преобладающих в настоящее время) способам изменения сложившейся ситуации.

В. А. Азаров, обстоятельно исследовавший данную проблему в докторской диссертации, отметил, что изданные примерно за 60 лет советского и постсоветского времени нормативные источники страдают пренебрежением к обязанности защищать имущественные права в уголовном судопроизводстве [1, с. 29]. Очевидно, это не могло не повлечь пассивность сотрудников правоохранительных органов, реализующих эти нормативные предписания.

В настоящее время ситуация меняется. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) появилось требование, обязывающее применять меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий (ст. 160.1). И это не единственное нормативное изменение. Но достаточное ли? Ведь в отечественной теории глубоко закрепилось мнение, что «...основным вопросом уголовного дела является вопрос об уголовной ответственности лица». Все иные вопросы второстепенны. А восстановление имущественных прав не должно «мешать» решению первостепенного вопроса [2, с. 148].

Бессмысленно оспаривать то, что при производстве предварительного расследования крайне важно достичь результатов в разрешении уголовно-правового спора, что создаст условия для разрешения предстоящего гражданско-правового спора. Но восстановление имущественных прав и интересов посредством возмещения вреда, причиненного преступлением, называть «незначительным прибавочным элементом», факультативной

и не обязательной деятельностью вряд ли правомерно. Иначе это программирует правоприменение на негативные последствия для добропорядочного гражданина, пострадавшего общества и дважды униженного государства.

Конституционная обязанность государства обеспечить потерпевшим компенсацию причиненного ущерба (ст. 52) реализована в необходимости уголовно-процессуальными средствами защищать права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), с ориентацией на восстановление нарушенных прав лиц.

УПК РФ призывает обеспечивать защиту прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства. При этом не случайно закон акцентирует внимание на необходимости защиты именно прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6), ставя на первое место указанные объекты среди иных подлежащих защите объектов.

При всей важности каждого из перечисленных ч. 1 ст. 6 УПК РФ участников процесса, а также при отсутствии преобладания прав кого-либо из участников уголовного судопроизводства значимо оптимальное соотношение между противодействием, противоправным деянием и обеспечением прав и свобод. Но при этом необходимо учитывать, что гуманизм к преступникам не может быть за счет «уменьшения» гуманизма к обычным добропорядочным гражданам – собственникам.

Ценность уголовного и уголовно-процессуального права, как справедливо указывает Л. Н. Масленникова, состоит в его способности быть выразителем идеи справедливости [3, с. 287]. Согласно международно-правовым принципам и нормам, понятие «справедливость правосудия» включает эффективное восстановление в правах в справедливой процедуре, а также соответствие социально-нравственным принципам отношения к человеку и совершенному деянию [4, с. 95], включая в себя нравственные чувства и оценки. Так как все

действия и решения в уголовном судопроизводстве не должны нарушать права граждан (ст. 11 УПК РФ), то в этом принципе содержится требование справедливости, которая тесно связана с законностью.

В связи с этим разделяем мнение А. В. Победкина, что в России такие понятия, как «истина», «справедливость», «правда», «честь», «милосердие», – не пустой звук [5, с. 21]. Поэтому возмещение вреда, его обеспечение на предварительном расследовании предлагаем воспринимать через призму представлений о добре и зле и идеалах справедливости.

Выступая критерием правильного (справедливого) обеспечения государством защиты и охраны интересов личности и общества, уголовно-процессуальное право должно быть пронизано гуманными началами [3, с. 240] и в первую очередь путем определения с указанных позиций основных дефиниций.

По свидетельству Д. У. Ван Несс, понятие преступления как нарушения закона сформировалось не так давно – в средневековой Европе при становлении централизованных государств. До этого понимание преступления ограничивалось лишь трактовкой его как нарушения общественного спокойствия, как вреда, причиненного жертве (ее семье). Устранение последствия такого нарушения (вреда) означало завершение соответствующих претензий [6, с. 39–41].

Аналогичным образом обстояло дело и на Руси, где основным аргументом определения наказания, вплоть до принятия Соборного Уложения 1649 г., являлся причиненный ущерб. В то время не было разграничения уголовного и гражданского процесса. Преступление воспринималось как личная обида, наказание – как удовлетворение требований потерпевшего. Иск считался официальным обвинением.

В дальнейшем в связи с усилением влияния государства на общественную жизнь, повышением роли государственного аппарата и распространением «Римского права» – сводом наработок римских юристов – наблюдается трансформация значе-

ния причиненного ущерба при определении общественной опасности противоправного деяния, способов его наказуемости. Преступление начинает восприниматься уже как нарушение общего правового порядка, а карательные меры принимаются в интересах всего государства. В этот период развития России наблюдались господство государственного интереса и минимизация правового положения обычного человека. В уголовном процессе принцип публичности приобретает доминирование.

В УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства под защитой следует понимать необходимость восстановления нарушенных преступлением прав и интересов граждан и юридических лиц, в том числе имущественных. На стадии предварительного расследования данное положение должно реализовываться обязанностью соответствующих участников обеспечить восстановление имущественных последствий преступления в первую очередь путем обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий.

Обсуждение и заключение

В деятельности дознавателя, следователя, прокурора по обеспечению имущественных прав и интересов потерпевшего и гражданского истца факт, ход, содержание и результат наложения ареста на имущество должны быть на особом счету. Ведь потерпевший и гражданский истец прибегают к государственной помощи из-за недостаточности их сил, из-за национальной особенности ожидать отеческой защиты государства. Данное обстоятельство обязывает найти отражение в действиях должностных лиц со стороны обвинения для надлежащего служения государственным интересам правосудия.

Устранить инертность должностных лиц, обязанных применять рассматриваемое обеспечительное средство, возможно путем отдельной обязанности руководителя следственного органа и прокурора проверять своевременность принятия таких мер.

Однако есть и иные трудности, не позволяющие организовать законное и своевремен-

ное применение рассматриваемых правовых мер, которыми являются: ненадлежащая система статистической отчетности, не учитывающая эффективность применения ареста имущества в зависимости от ведомственной специфики, целей и видов правоограничений; малоприспособленная единая информационно-аналитическая система с возмож-

ностью обмена общей информацией между разными ведомствами; непрозрачность процедуры привлечения к материальной ответственности правоприменителей за допускаемые нарушения уголовно-процессуального закона. Каждая из указанных проблем вполне может стать самостоятельным объектом научного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азаров В. А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... док. юрид. наук. М., 1996. 34 с.
2. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М. : ООО Издательство «Юрлитинформ», 2000. 228 с.
3. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... док. юрид. наук. М., 2000. 555 с.
4. Химичева О. В., Шаров Д. В. К вопросу об определении размера имущества, подлежащего аресту, в ходе уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2019. № 11. С. 95–101.
5. Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства : монография. М. : Юрлитинформ, 2024. 328 с.
6. Ван Несс Д. У. Восстановительное правосудие и международные права человека // Восстановительное правосудие / под общ. ред. И. Л. Петрухина. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. 78 с.

REFERENCES

1. Azarov V. A. Problems of Theory and Practice of Protecting Individual Property Interests in Criminal Proceedings : abstract. diss. ... Doctor of Law. Moscow, 1996. 34 p. (In Russ.)
2. Shadrin V. S. Ensuring Individual Rights in Crime Investigation. M. : ООО Izdatelstvo “Yurlitinform”, 2000. 228 p. (In Russ.)
3. Maslennikova L. N. Public and Dispositive Principles in Criminal Proceedings in Russia : diss. ... Doctor of Law. M., 2000. 555 p. (In Russ.)
4. Khimicheva O. V., Sharov D. V. On the Issue of Determining the Amount of Property Subject to Seizure in the Course of Criminal Proceedings // Russian Justice. 2019. No. 11. P. 95–101. (In Russ.)
5. Pobedkin A. V. Basic Provisions of the Criminal Procedure Code of Russia as a System of Guarantees of Publicity of Criminal Proceedings: monograph. M. : Yurlitinform, 2024. 328 p. (In Russ.)
6. Van Ness D. W. Restorative Justice and International Human Rights // Restorative Justice / edited by I. L. Petrukhin. M. : International Public Organization Center “Judicial and Legal Reform”, 2003. 78 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Химичева О. В. – доктор юридических наук, профессор;
Тутынин И. Б. – доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Khimicheva O. V. – Doctor of Law, Professor;
Tutyinin I. B. – Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 03.12.2024; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья
УДК 343.982.3:004(470)

Эдуард Геннадьевич Хомяков
Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия, ed-18@yandex.ru

О СУЩНОСТИ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И ИХ ФИКСАЦИИ

Аннотация. В статье освещаются вопросы, связанные с развитием криминалистического учения о цифровых следах. Предлагается определение цифровых следов, в котором они рассматриваются как совокупность данных, остающихся в результате любой активности пользователя в цифровой среде, оценивается их сущность с позиции двойственной (дуалистической) природы. На основании классического криминалистического учения о следообразовании обозначаются объекты, участвующие в образовании цифровых следов, дается их характеристика. Приводится усеченная классификация цифровых следов, анализируется их связь с цифровыми устройствами. Исходя из сущности цифровых следов, рассматриваются вопросы их обнаружения и фиксации с использованием при этом соответствующих технико-криминалистических (аппаратных и программных) средств. Делается вывод о необходимости регламентации процедуры работы с цифровыми следами (цифровыми доказательствами) как на законодательном, так и на подзаконном уровнях, а также дальнейшего осмысления и развития криминалистического учения о цифровых следах.

Ключевые слова: цифровые следы, данные, виды цифровых следов, цифровые устройства, цифровые доказательства, цифровое пространство, механизм образования цифровых следов, изъятие цифровых следов, фиксация цифровых следов, анализ

Для цитирования: Хомяков Э. Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 71–82.

Original article

Eduard G. Khomyakov
Udmurt State University, Izhevsk, Russia, ed-18@
yandex.ru

ON THE NATURE OF DIGITAL TRACES IN FORENSICS AND THEIR FIXATION

Abstract. The article highlights issues related to the development of the forensic science of digital traces. It proposes the definition of digital traces, in which they are considered as a set of data remaining as a result of any user activity in the digital environment, evaluates their essence from the standpoint of a dual (dualistic) nature. Based on the classical forensic doctrine of trace formation, the objects involved in the formation of digital traces are designated and their characteristics are given. A truncated classification of digital traces is given, their connection with digital devices is analyzed. Based on the nature of digital traces, the issues of their detection and fixation are considered using appropriate technical and forensic (hardware and software) tools. It is concluded that it is necessary to regulate the procedure for working with digital traces (digital evidence) both at the legislative and by-law levels, as well as further understanding and development of the forensic doctrine of digital traces.

Keywords: digital traces, data, types of digital traces, digital devices, digital evidence, digital space, mechanism of formation of digital traces, removal of digital traces, fixation of digital traces, analysis

For citation: Khomyakov E. G. On the nature of digital traces in forensics and their fixation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 71–82. (In Russ.)

Введение

Среди отдельных направлений современной криминалистики особый интерес представляет учение о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации [1, с. 198; 2, с. 40–57]. В рамках данного учения различными исследователями предпринимаются попытки раскрыть (уточнить) сущность цифровых следов, рассмотреть механизм их образования, обозначить разновидности, подобрать средства и способы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования данных следов.

Можно отметить, что в последнее время появилось достаточно много научных работ, демонстрирующих значительное разнообразие взглядов по обозначенным вопросам. Например, И. И. Лузгин считает целесообразным создание «цифрового следоведения, изучающего извлечение цифровой информации из сетей и технологических коммуникационных средств, как полноценной отрасли раздела криминалистической техники» [3, с. 13].

Также не прекращаются дискуссии по выбору наиболее точного и объективного определения термина «цифровой след» применительно к криминалистике. Целая группа криминалистов (А. М. Багмет, В. В. Бычков, Н. Н. Ильин, С. Ю. Скобелин [4, с. 7], В. Б. Вехов, Е. В. Смахтин¹ и др.) считает, что «цифровой след – это любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи», относит их к материальным невидимым следам.

Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский полагают, что «цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в ма-

териальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи», относят данные следы к материальным [2, с. 44].

Синонимично данному понятию различными авторами предлагались и анализировались термины «виртуальные следы», «электронно-цифровые следы» («электронные цифровые следы»), «бинарные следы», «информационные следы», «компьютерно-технические следы», «виртуально-информационные следы» с обозначением их преимуществ и недостатков [5; 6; 7; 8; 9], однако полемика по данному вопросу продолжается и в настоящее время. Например, по мнению А. Б. Смушкина «электронные цифровые следы представляют собой следы отражения совершения любых действий (включения, создания, открывания, активации, внесения изменений, удаления) в информационном пространстве информационно-технологических устройств, их систем и сетей»; они занимают промежуточное место между материальными и идеальными следами; «электронный цифровой след является одним из видов виртуального следа»².

В. Б. Вехов, описывая сущность электронно-цифрового следа в своей диссертационной работе 2008 года, указывал, что под данным термином понимается «любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [10, с. 22–23]; в настоящее время схожее определение дается им в отношении цифрового следа.

А. В. Нестеров и К. К. Сейтенов предлагают обратить внимание на «электронные следы-данные, виртуальные следы-данные и/или цифровые следы-данные» [11, с. 98].

В этой связи представляется весьма актуальным дальнейшее изучение сущности

¹ Цифровая криминалистика : учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.]; под редакцией В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2024. С. 97.

² Смушкин А. Б. Цифровизация криминалистической деятельности : учебное пособие / А. Б. Смушкин; под ред. В. Б. Вехова. М. : КНОРУС, 2024. С. 93.

цифровых следов, связанных с событием преступления, с акцентированием внимания на их фиксации и сохранении.

Методы

В исследовании применялись как традиционные общенаучные формально-логические методы – анализ и синтез, сравнение, аналогия и индукция, так и специальные – метод интеграции данных в информационных системах, метод информационного подхода. В целях обобщения и упорядочения цифровых следов в качестве исследуемых объектов, их разделения по определенным признакам использовался метод классификации. Исследование основано на изучении теоретических материалов по цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности, а также практики работы отечественных и зарубежных правоохранительных органов с цифровыми данными.

Результаты

Соглашаясь с точкой зрения ученых-криминалистов о сложной природе цифровых следов и неоднозначного понимания их сущности, считаем возможным следующее их определение. Цифровые следы – это совокупность данных, остающихся в результате любой активности пользователя (субъекта) в цифровой среде (цифровом пространстве), включая Интернет, мобильные устройства, системы связи и иные информационные технологические средства; эти данные, генерируемые пользователями или их цифровыми устройствами во время взаимодействия с программными продуктами, информационными системами и сервисами, могут использоваться для идентификации поведения, действий или взаимодействий субъекта.

В этой связи вызывает интерес точка зрения А. Г. Себякина, который, отдавая предпочтение термину «электронно-цифровой след», считает, что «не совсем корректно определять след как информацию» в связи с тем, что «информация является

субъективным отражением объективных данных», кроме того, «информативность следа является одним из его свойств <...> Соответственно, информативность не может являться свойством информации, а является свойством объективных данных» [12, с. 45–46].

При этом данные можно рассматривать как «интерпретируемое представление информации в формализованном виде, удобном для передачи, интерпретации или обработки», а цифровое пространство как «пространство, интегрирующее цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, информационные ресурсы, а также совокупность цифровых инфраструктур»¹.

Цифровые устройства – компьютеры, серверы, смартфоны, планшеты, цифровые камеры и видеорегистраторы, цифровые носители данных (жесткие диски, USB- и SSD-накопители и др.) и т. д. – это устройства, которые обрабатывают данные в дискретной, то есть цифровой форме. Они преобразуют всю информацию в двоичный код (нулевые и единичные сигналы) для ее хранения, обработки и передачи. Цифровые устройства являются разновидностью электронных устройств, которые также могут быть аналоговыми.

Цифровые следы могут быть активными – сознательно оставляемыми пользователем или пассивными – автоматически генерируемыми соответствующими цифровыми устройствами (смартфонами, планшетами, ноутбуками, цифровыми фото- и видеокameraми, цифровыми гаджетами для дома и т. д.).

Активные цифровые следы – это данные, которые пользователь сознательно создает и размещает в цифровом пространстве на различных информационных ресурсах, например, публикации в социальных сетях, комментарии, электронные письма и т. д.

Пассивные цифровые следы – это данные, которые генерируются автоматически в

¹ Толковый словарь терминов и понятий по вопросам цифровой трансформации. URL: <https://library.bsuir.by/ru/tolkovyy-slovar-terminov-i-ponyatiy-po-voprosam-tsifrovoy-transformatsii>; URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/> (дата обращения: 18.10.2024).

ходе взаимодействия с цифровыми устройствами или онлайн-сервисами, такие как IP-адреса, метаданные о времени и месте входа, история посещенных сайтов и использованных приложений.

Можно также отметить, что для криминалистического описания следов, оставляемых пользователями в цифровой среде (цифровом пространстве), в английском языке в зависимости от контекста принято использовать термины «digital traces» или «digital footprints»; термин «digital evidence» в большей степени отражает их доказательственное (процессуальное) значение [13, с. 66].

Природу цифровых следов, безусловно, следует рассматривать с двух сторон (позиций); в этом проявляется их двойственная (дуалистическая) природа.

Материальный аспект цифровых следов проявляется в том, что для их существования требуется физическая среда – носители данных, процессоры, сети передачи данных. Информация может храниться на жестких дисках, картах памяти, передаваться по проводам, иными способами, и эти физические носители обеспечивают существование цифровых данных; то есть оборот цифровых данных требует реальных физических ресурсов.

Кроме того, цифровые данные, представленные в виде битов и байтов, основаны на физических процессах. В цифровых устройствах биты – это конкретные физические состояния: уровень напряжения или тока в цепи, магнитные состояния на жестком диске, фотонные потоки в оптоволокне и т. д. Эти состояния можно зафиксировать и количественно оценить через физические измерения.

Идеальными цифровые следы можно считать в связи с тем, что они представляют собой информацию: числа, текст, изображения, лог-файлы, метаданные и др. Эта информация сама по себе не имеет материальной формы; цифровые данные можно рассматривать как идеальные, поскольку

они являются абстракцией: набором символов или чисел, которые имеют смысл только в контексте их интерпретации. Например, последовательность 100101 может быть интерпретирована как число, текст, изображение или команда в зависимости от контекста. Этот аспект данных ближе к идеальной сущности, так как сама по себе информация не имеет физической формы, а представляет нечто концептуальное.

Различные цифровые данные, такие как текстовые, аудио-, фото- и видеофайлы, а также другие формы информации, воспринимаются людьми как абстрактные сущности, которые можно передавать через различные носители без изменения их содержания.

Это сочетание материальных и идеальных аспектов делает цифровые следы сложными для однозначной классификации, и их природа зависит от того, как и в каком контексте они рассматриваются.

В классической криминалистике, согласно криминалистическому учению о следообразовании, след является результатом взаимодействия двух объектов – следообразующего и следовоспринимающего¹.

Следообразующим объектом для цифрового следа можно считать материальный (физический) или виртуальный объект, действие которого порождает цифровой след в информационном пространстве. Такими объектами могут быть цифровые устройства с установленными на них программными средствами (программным обеспечением) в обязательной взаимосвязи с субъектом (человеком), применяющим их в своей жизни, в том числе в преступной деятельности. Следообразующий объект генерирует данные, которые могут быть использованы для его идентификации, отслеживания его действий, анализа поведения. Именно в этой связи проявляется криминалистический аспект цифровых следов.

При рассмотрении особенностей действий (функционирования) следообразую-

¹ Применительно к цифровым следам целесообразно в отдельной работе рассмотреть использование терминов «следообразующая среда» и «следовоспринимающая среда».

щего объекта можно оценить виды и типы цифровых следов, которые образуются в процессе следообразования.

Человек в ходе работы на различных цифровых устройствах формирует цифровые следы, например, в истории браузера и в логах¹ приложений; обозначает свою активность, используя ресурсы сети Интернет, создавая публикации, комментарии, лайки на веб-сайтах и в социальных сетях, производя поисковые запросы и т. д.; оставляет свои локационные данные (информацию о местоположении и перемещениях).

Цифровые устройства генерируют данные об используемых приложениях, сетевых соединениях, времени работы и других параметрах; «умные устройства», объединенные в сеть (система Интернет вещей (IoT)) – камеры, датчики, умные часы, бытовая и иная техника, – оставляют цифровые следы в виде данных о взаимодействии с сетью или другими устройствами. При этом серверы и сетевое оборудование фиксируют сетевые соединения, логи доступа, ошибки и другие события.

Программные средства (операционные системы, социальные сети, менеджеры, браузеры) фиксируют логи действий пользователя, историю входов в систему и выхода из нее, данные о запущенных программах, взаимодействие пользователей (их публикации, лайки, комментарии), данные о сообщениях, времени отправки, метаданные о контактах, посещенные веб-сайты, сохраненные файлы cookie, историю поисковых запросов и также образуют цифровые следы.

Сети функционируют, используя IP-адреса, DNS-запросы, сетевые пакеты: каждый раз, когда устройство подключается к сети Интернет, оно использует IP-адрес, который можно отследить; DNS-запросы содержат данные о том, какие доменные имена запрашивались при обращении к интернет-ресурсам; логи сетевого трафика и пакетов создают следы о взаимодействии с другими устройствами и веб-сайтами.

Каждый следообразующий объект уникален, и его цифровой след может использоваться для установления связи между этим объектом и его функционированием в цифровом пространстве.

Следовоспринимаемыми объектами в данном случае становятся различные объекты цифрового пространства, охваченные преступной деятельностью.

С учетом обозначенного механизма цифрового следообразования можно выделить несколько типов цифровых следов, представляющих интерес для следствия, которые можно фиксировать при осмотре или экспертном исследовании, например, компьютерного устройства:

1. Файловые следы. Это наиболее распространенный тип цифровых следов, к которому можно отнести: удаленные, скрытые, измененные и временные файлы, историю браузера.

2. Сетевые следы, характеризующие сетевые взаимодействия и соединения устройства с внешними серверами. К ним относят: логи подключений – записи всех попыток подключения устройства к сети; сетевой трафик – данные о передаче информации между устройством и внешними ресурсами; IP-адреса – уникальные идентификаторы сетевых устройств, DNS-запросы – запросы, которые отправляются устройством к DNS-серверу с целью преобразования доменного имени в IP-адрес, необходимый для установления соединения с веб-сервером или другим сетевым ресурсом.

3. Следы операционной системы, к которым относят: журналы событий (англ. event logs) – записи (логи, лог-файлы), которые содержат хронологическую информацию о действиях и событиях, происходящих в системе, программе или сети (входы в систему, изменения в файлах и другие действия); данные о запуске программ – информация о том, какие программы были запущены на устройстве и в какое время; системные ошибки, которые могут указывать на попыт-

¹ Лог (лог-файл) – это записи событий и сообщений, создаваемые компьютерной программой или системой во время ее работы.

ки взлома или несанкционированного доступа к системе.

4. Метаданные, к которым относят: временные метки (англ. timestamps) – данные о времени создания и последнего изменения файлов; геолокацию – информацию о местоположении устройства при создании или изменении файлов.

Исходя из сущности цифровых следов должны решаться вопросы их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования. Задача обнаружения цифровых следов связана с поиском цифровых (электронных) носителей информации – как материальных, так и виртуальных.

Материальные цифровые носители информации могут либо входить в состав цифровых устройств, либо храниться отдельно от них. В качестве подобных носителей информации могут выступать магнитные носители (дискеты, жесткие диски), оптические диски (CD, DVD, Blu-ray), полупроводниковые носители (флеш-накопители, карты памяти, твердотельные накопители).

Виртуальные цифровые носители информации – это не физические объекты, а цифровые среды, где данные существуют в электронном виде и могут быть доступны через сеть Интернет или другие сети. Примером подобных носителей выступают облачные хранилища (Яндекс Диск, Google Диск, Dropbox, TeraBox и др.), виртуальные машины или серверы, сетевые базы данных (сетевые хранилища), логические разделы данных, существующие только в виртуальной среде.

Изъятие цифровых (электронных) носителей информации должно производиться с соблюдением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ч. 4.1 ст. 164; ст. 164.1; ч. 8 ст. 166), в том числе с участием специалиста. При этом не все сотрудники следственных и оперативных подразделений понимают, «какой именно специализации и компетенции в области информационно-компьютерных технологий специалист им требуется», «каким требованиям должен соответствовать специалист, какими методиками обладать, какие техни-

ческие средства использовать, чтобы обеспечить исчерпывающие меры к обнаружению и фиксации доказательств и исключить их утрату» [14, с. 182].

Без сомнения, в качестве подобного специалиста можно привлекать судебного эксперта, имеющего право самостоятельного производства судебной компьютерной экспертизы и обеспеченного соответствующими технико-криминалистическими средствами. Однако в настоящее время это практически неисполнимо, «прежде всего в силу отсутствия достаточного количества специалистов в области IT-технологий» [13, с. 64] и необходимого инструментария в их распоряжении.

Фиксация цифровых следов на месте обнаружения материальных цифровых носителей информации, которые являются в большинстве своем элементами цифровых устройств, может производиться путем копирования информации, которую они содержат. При этом исследование откопированной информации и определение той, которая имеет отношение к событию конкретного преступления (выявление цифровых следов), должно производиться в рамках производства компьютерной (компьютерно-технической) экспертизы.

В качестве копировщиков могут использоваться специальные устройства – аппаратные и программные блокираторы записи (Write Blockers), которые предотвращают изменение данных на жестком диске при его подключении к компьютеру для анализа и копирования данных. Копирование может производиться и на материальные носители информации (жесткие и оптические диски, твердотельные накопители) при их наличии у следователя и специалиста.

Для поиска цифровых следов, содержащих информацию о событии преступления, возможно использование и специализированного программного обеспечения, например, EnCase, FTK (Forensic Toolkit), Autopsy, Wireshark или их отечественных аналогов [15].

Необходимо отметить, что следователи, как правило, не обладают квалификацией

специалистов (экспертов) в области цифровой криминалистики и их основная задача при обнаружении цифровых устройств – обеспечить их сохранность и изоляцию от внешних воздействий до передачи судебному эксперту для производства экспертного исследования (экспертизы). Это приводит к необходимости разработки методик и стандартов, которые позволяют минимизировать риск утраты или искажения цифровых данных на этапе первичного осмотра.

Так, если цифровое устройство выключено, то следователь не должен его включать, а должен описать его внешний вид, место обнаружения, положение и подключенные периферийные устройства (при их наличии). Действия следователя при обнаружении включенного цифрового устройства, например, компьютера, требуют особой осторожности, так как любое вмешательство может изменить цифровые следы или привести к их утрате. Поэтому при обнаружении включенного компьютера следователь должен сделать фотоснимки его экрана, фиксирующие все открытые программы (запущенные приложения), активные окна, документы, текстовые сообщения и другую информацию, например, сетевые подключения, часы.

Также необходимо зафиксировать текущее состояние устройства в письменном виде. Оно может включать: текущие дату и время (указанные на экране устройства), идентификаторы открытых приложений и файлов, наличие подключений к сети, подключенные внешние устройства (например, USB-накопители или внешние жесткие диски).

Следователь не должен пытаться самостоятельно закрывать программы, перемещать файлы или пытаться разобраться в содержимом компьютера. Важно помнить, что даже перемещение курсора или взаимодействие с операционной системой может изменить журналы событий, временные метки файлов или активировать автосохранение файлов.

После фиксации текущего состояния компьютера, произведенного вышеуказан-

ными способами, необходимо произвести его изоляцию от сетевого подключения (проводного и беспроводного), чтобы предотвратить удаленный доступ к нему или автоматическое удаление данных. Для этого следует отключить кабель Ethernet (при его подключении), Wi-Fi через физическую кнопку на устройстве (если такая есть) или с помощью сетевых настроек, если следователь обладает минимальными техническими знаниями. В качестве альтернативного варианта – поместить цифровое устройство в экранирующий чехол (сумку Фарадея – Faraday Bag), что полностью заблокирует его доступ к беспроводной сети.

При участии специалиста возможна фиксация цифровых следов на работающем цифровом устройстве. Это прежде всего анализ и фиксация оперативной памяти (ОЗУ, RAM). Использование специальных инструментов для захвата содержимого оперативной памяти, например, программ FTK Imager или Belkasoft RAM Capturer, позволяет снять копию данных из оперативной памяти, то есть зафиксировать все текущие процессы, сетевые соединения и временные данные, которые будут утрачены при выключении устройства.

Далее для сохранения всех данных на цифровом устройстве необходимо создание образа (копии) жесткого диска, для чего могут использоваться копировщики – блокираторы записи. Это позволяет избежать случайной порчи данных и дает возможность работать с копией при дальнейшем ее анализе (исследовании).

Для фиксации сетевых соединений специалист также может использовать специальные инструменты, например, программу-анализатор трафика для компьютерных сетей Wireshark; она способна фиксировать сетевой трафик и производить анализ активных подключений цифрового устройства. Цифровые сетевые следы могут включать IP-адреса, порты, данные пакетов, сессии и другую информацию, которая позволяет отследить действия пользователей или устройств в сети.

Сетевые следы могут помочь в установлении факта подключения устройства

к сети, географического местоположения устройства через анализ IP-адресов, активности пользователя в сети, включая доступ к веб-ресурсам и отправку данных.

Также при дальнейшем исследовании цифрового устройства необходимо произвести снятие (запись) логов операционной системы и временных файлов.

Системные журналы (логи) операционной системы могут содержать критическую информацию о последних действиях пользователя, попытках доступа, ошибках и других событиях. Объем логов сильно зависит от активности системы, уровня детализации логирования и времени, в течение которого логи собираются. В некоторых случаях, особенно на серверах, объем логов может исчисляться гигабайтами. Например, на активно используемом компьютере лог событий может занимать от нескольких мегабайт до десятков гигабайт в зависимости от числа приложений, настроек системы и ее интенсивного использования. К основным типам системных журналов (логов) относят журнал событий (Event logs), журнал безопасности (Security logs), журнал приложений (Application logs), журнал сетевых подключений (Network logs).

Логи могут помочь определить точное время инцидента, например, взлома системы или попытки несанкционированного доступа. По журналам аутентификации можно отследить, кто и когда пытался получить доступ к системе, откуда была произведена попытка входа (IP-адрес) и была ли она успешной. Логи событий, такие как запуск или завершение служб (приложений операционной системы), могут показать, какие действия выполнялись на компьютере, а также выявить подозрительные процессы.

Временные файлы (temporary files, temp files) – это файлы, которые создаются операционной системой или программами для

временного хранения данных в процессе их работы и располагаются в специальных системных каталогах. Они нужны для выполнения определенных задач, ускорения работы программ, а также обеспечения стабильности работы системы; они обычно удаляются автоматически после завершения программы, но иногда могут оставаться на устройстве (например, при сбое программы).

Следует помнить о том, что для возможности дальнейшего использования цифровых следов в уголовном судопроизводстве они должны быть зафиксированы с использованием специальных инструментов (сертифицированного программного и аппаратного обеспечения), методик и процедур, исключающих изменение исходных данных, сохраняющих при этом их целостность и подлинность.

Правоохранительные органы за рубежом при работе с цифровыми доказательствами чаще всего используют в этих целях специализированные руководства и стандарты, наиболее соответствующие специфике их деятельности. Это прежде всего международные стандарты цифровой криминалистики: ISO/IEC 27037:2012¹, ISO/IEC 27041:2015, ISO/IEC 27042:2015.

К ним также можно отнести методические рекомендации от правоохранительных агентств, например, руководства и протоколы Федерального бюро расследований, Европола и Интерпола. Эти организации имеют свои собственные внутренние стандарты и руководства по цифровой криминалистике, которые часто более детализированы в плане процедур и процедурных требований и нацелены на решение правоохранительных задач.

В Великобритании с 2012 года используется ACPO (Association of Chief Police Officers) Good Practice Guide for Digital Evidence². Ру-

¹ В Российской Федерации на основе ISO/IEC 27037:2012 подготовлен ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014 Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме.

² ACPO Good Practice Guide for Digital Evidence. URL: https://www.digital-detective.net/digital-forensics-documents/ACPO_Good_Practice_Guide_for_Digital_Evidence_v5.pdf (дата обращения: 18.10.2024).

ководство описывает подходы и принципы обращения с цифровыми доказательствами, которые являются стандартными для полиции Великобритании и широко используются в других странах. Данный документ представляет практические рекомендации по правильному изъятию и фиксации цифровых доказательств, достоверности и допустимости цифровых доказательств в суде, минимизации риска нарушения целостности цифровых данных при их изъятии и анализе. Цифровые следы в указанном руководстве не упоминаются, но их можно рассматривать в контексте цифровых доказательств.

В США Национальным институтом стандартов и технологий разработано руководство по криминалистическому анализу цифровых данных (Guide to Integrating Forensic Techniques into Incident Response) – NIST 800-86¹. Данный документ предлагает методы и процедуры, позволяющие собирать, анализировать и сохранять цифровые доказательства в ходе реагирования на киберинциденты. В нем описаны этапы работы с цифровыми доказательствами (их сбор, анализ, сохранение (документирование)), типичные программные и аппаратные средства для сбора и анализа цифровых доказательств.

Руководство NIST 800-86 оперирует понятием «цифровые доказательства», которые могут быть представлены файлами, логами, сетевыми данными и прочими цифровыми артефактами, оставляемыми в результате действий пользователей или систем. Понятие «цифровые следы» не является в США официально признанным термином в рамках таких документов, поэтому оно не применяется, хотя подразумевается в контексте анализа цифровых доказательств. Цифровые следы можно считать частью тех данных, которые NIST 800-86 рассматривает как цифровые доказательства.

NIST 800-86 носит рекомендательный характер, правоохранительные органы могут его использовать, но этот документ не является основным или обязательным для них. Дан-

ное руководство разработано для более широкой аудитории, включая ИТ-специалистов, аналитиков по кибербезопасности и тех, кто занимается реагированием на киберинциденты в организациях.

Кроме того, зарубежные правоохранительные органы руководствуются законодательством и судебной практикой своих стран, исходя из чего у них могут быть установлены конкретные требования к процессу сбора и обработки цифровых следов (цифровых доказательств).

Необходимо отметить, что в документах Федерального бюро расследования и других правоохранительных органов США термин «цифровые доказательства» («digital evidence») используется для обозначения всех видов информации, получаемой с цифровых устройств или в результате интернет-деятельности. В Великобритании в контексте практических руководств по сбору и анализу доказательств термин «цифровые доказательства» заменил термин «электронные доказательства» («electronic evidence»); он является более актуальным и предпочитаемым в официальных документах, стандартах и правоприменительной практике.

Российские исследователи, в свою очередь, отмечают, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации «не предусматривает отдельного вида так называемых электронных или цифровых доказательств, оперируя термином «электронные носители информации» или «информация на электронных носителях»» [13, с. 65], при этом «отсутствие законодательного определения понятия «цифровое доказательство» не позволяет единообразно и четко определить сущность рассматриваемого понятия, а также перечень объектов, относящихся к нему, что в конечном итоге затрудняет практику применения цифровых следов в доказывании по уголовным делам» [16, с. 37].

Заключение

Цифровые следы становятся неотъемлемой частью современных криминалистиче-

¹ NIST SP 800-86 Guide to Integrating Forensic Techniques into Incident Response. URL: <https://csrc.nist.gov/pubs/sp/800/86/final> (дата обращения: 18.10.2024).

ских исследований, что требует дальнейшего развития технико-криминалистических средств, приемов и методов их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования в рамках соответствующего криминалистического учения. Необходимо продолжить формирование понятийно-терминологического аппарата в рамках цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности, а также регламентировать порядок работы с цифровыми следами (цифровыми доказательствами) прежде всего на уровне уголовно-процессуального закона, при этом обозначить критерии их достоверности и допустимости, а также на уровне подзаконных актов, например, разработать соответствующие регламен-

ты (требования, правила) в федеральных органах исполнительной власти (Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Следственный комитет Российской Федерации), предусматривающие среди прочего их техническую защиту и сохранение. В рамках оценки значимости криминалистической информации, содержащейся в цифровых следах, необходимо определение конкретного круга задач, решение которых возможно с использованием данных следов в рамках выявления, раскрытия, расследования и предупреждения отдельных видов преступлений. В целом криминалистическое учение о цифровых следах требует дальнейшего осмысления и развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202.
2. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : монография / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2022. 256 с.
3. Лузгин И. И. Цифровое следоведение как отрасль криминалистической техники // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2023. № 2 (54). С. 11–17.
4. Цифровые следы преступлений : монография / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин; Следственный комитет Российской Федерации; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. 168 с.
5. Жижилева А. А. О некоторых теоретических аспектах использования в криминалистике понятий цифровые, электронные, виртуальные следы // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 913–918.
6. Переверзева Е. С., Комов А. В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172–178.
7. Перов В. А. Электронный след: понятие, виды, способы обнаружения и фиксации // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. С. 103–106.
8. Логвинец Е. А., Каторгина Н. П. К вопросу о сущности и природе цифровых следов в криминалистике // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции / Академия управления МВД России. Часть 1. М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 267–275.
9. Соколова А. В. Трансформация понятийно-категориального аппарата криминалистики в условиях цифровизации // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 726–728.
10. Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки : автореф. дис. ... док. юрид. наук. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2008. 45 с.
11. Нестеров А. В., Сейтенов К. К. Общенаучная категория следа: судебно-экспертный аспект // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 4. С. 98–105.

12. Себякин А. Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московская академия Следственного комитета, 2021. 271 с.
13. Бахтеев Д. В., Смахтин Е. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. № 6 (129). С. 61–68.
14. Семикаленова А. И., Рядовский И. А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 178–185.
15. Фролова Т. О. Применение программных средств и автоматизированных систем при исследовании объектов различных родов/видов судебной экспертизы: перспективы их развития // Политехнический молодежный журнал. 2023. № 5 (82). С. 1–10.
16. Абдраязпов Р. Р. Отдельные вопросы использования цифровых следов в доказывании по уголовным делам // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 34–40.

REFERENCES

1. Rossinskaya E. R. Theory of information and computer support for forensic activities: concept, system, basic patterns // Bulletin of East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (89). P. 193–202. (In Russ.)
2. Theory of information and computer support for forensic activities: monograph / edited by E. R. Rossinskaya. M. : Prospect, 2022. 256 p. (In Russ.)
3. Luzgin I. I. Digital investigation as a branch of forensic technology // Issues of criminology, forensic science and forensic examination. 2023. No. 2 (54). P. 11–17. (In Russ.)
4. Digital traces of crimes: monograph / A. M. Bagmet, V. V. Bychkov, S. Yu. Skobelin, N. N. Ilyin; Investigative Committee of the Russian Federation; Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. M. : Limited Liability Company «Prospect», 2021. 168 p. (In Russ.)
5. Zhizhileva A. A. On some theoretical aspects of the use of the concepts of digital, electronic, virtual traces in forensic science // Issues of Russian Justice. 2019. No. 3. P. 913–918. (In Russ.)
6. Pereverzeva E. S., Komov A. V. Virtual and digital traces: a new approach to understanding // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (89). P. 172–178. (In Russ.)
7. Perov V. A. Electronic trace: concept, types, methods of detection and recording // Counteracting cybercrimes and crimes in the field of high technologies : materials of the All-Russian scientific and practical conference. M. : Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2021. P. 103–106. (In Russ.)
8. Logvinets E. A., Katorgina N. P. On the essence and nature of digital traces in forensic science // State scientific and technical policy in the field of forensic support of law enforcement activities : a collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference / Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volume Part 1. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. P. 267–275. (In Russ.)
9. Sokolova A. V. Transformation of the conceptual and categorical apparatus of forensic science in the context of digitalization // St. Petersburg International Forensic Forum : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 726–728. (In Russ.)
10. Vekhov V. B. Forensic science doctrine of computer information and means of its processing : abstract. diss. ... Doctor of Law. Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 45 p. (In Russ.)
11. Nesterov A. V., Seitenov K. K. General scientific category of trace: forensic aspect // Theory and practice of forensic examination. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 98–105. (In Russ.)
12. Sebyakin A. G. Tactics of using knowledge in the field of computer technology in order to obtain forensically significant information : dis. ... Cand. of Law. M. : Moscow Academy of the Investigative Committee, 2021. 271 p. (In Russ.)
13. Bakhteyev D. V., Smakhtin E. V. Forensic features of the production of procedural actions with digital traces // Russian Law Journal. 2019. No. 6 (129). P. 61–68. (In Russ.)

14. Semikalenova A. I., Ryadovsky I. A. Use of special knowledge in detecting and recording digital traces: analysis of modern practice // Actual problems of Russian law. 2019. No. 6 (103). P. 178–185. (In Russ.)

15. Frolova T. O. Application of software and automated systems in the study of objects of various types/kinds of forensic examination: prospects for their development // Polytechnical youth journal. 2023. No. 5 (82). P. 1–10. (In Russ.)

16. Abdrazyapov R. R. Certain issues of using digital traces in evidence in criminal cases // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 34–40. (In Russ.)

Информация об авторе:

Хомяков Э. Г. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Khomyakov E. G. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 02.11.2024; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 02.11.2024; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья
УДК 343.985.3(470)

Рамиль Равилович Хусаинов
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, ramilh296@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПРОС»

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые организационные и правовые вопросы проведения опроса сотрудниками подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также порядок их предоставления и использования в качестве доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: опрос, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, результаты оперативно-розыскной деятельности, доказательство

Для цитирования: Хусаинов Р. Р. Некоторые проблемные вопросы организации и проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 83–90.

Original article

Ramil R. Khusainov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, ramilh296@gmail.com

SOME PROBLEM ISSUES OF ORGANIZING AND CONDUCTING OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY “SURVEY”

Abstract. This article discusses some organizational and legal issues of conducting inter-views by employees of units carrying out operational-search activities, as well as the procedure for their provision and use as evidence in a criminal case.

Keywords: survey, operational-search activity, operational-search measure, results of operational-search activity, evidence

For citation: Khusainov R. R. Some problem issues of organizing and conducting operational-search activity “survey” // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 83–90. (In Russ.)

Введение

Борьба с преступностью остается одной из основных задач органов внутренних дел (далее – ОВД). Данная задача может быть решена только при применении комплексных мер, направленных на своевременное выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений. При этом необходимо отметить значительную роль оперативных подразделений ОВД в борьбе с преступностью.

В настоящее время оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) как один из эффективных видов государственной дея-

тельности в борьбе с преступностью осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) [1, с. 164]. Вообще, по мнению В. Г. Боброва, ОРМ представляет собой организованную в соответствии с требованиями нормативных правовых актов систему взаимосвязанных действий, направленных на получение и использование оперативно-розыскной информации, предметов и документов как источников таких данных, значимых для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия противоправных деяний, розыска преступников и лиц, пропавших без вести, а также для решения других оперативно-тактических

задач по борьбе с преступностью [2, с. 4]. ОРД способствует выявлению, предупреждению и раскрытию многих преступлений, но при этом, в первую очередь, она должна быть направлена на борьбу с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, которые только следственными действиями без проведения ОРМ невозможно раскрыть. В большинстве случаев оперативным путем выявляются экономические преступления, коррупционные деяния, преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, наркотических средств и психотропных веществ, основная масса деяний, относимых к организованной преступной деятельности [3, с. 17]. В данный список можно включить противоправные деяния, совершаемые с использованием новых технологий, доля которых в общей преступности велика и продолжает увеличиваться.

Для успешной реализации основных задач ОРД оперативным подразделениям необходимо обладать достаточным количеством информации, получаемой из разных источников, в том числе в процессе проведения ОРМ. При этом важно отметить, что законодательство позволяет субъектам ОРД проводить любые законные действия в отношении всех лиц, имеющих причастность к преступлению [4, с. 411]. Одним из наиболее эффективных способов ее получения является проведение опроса среди лиц, представляющих оперативный интерес. В связи с этим считаем очень важным изучение вопроса, касающегося теоретических и практических положений проведения опроса и использования его результатов в процессе доказывания по уголовным делам.

Методы

В ходе исследования использовались общенаучные методы познания, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение, исторический и сравнительно-правовой.

Результаты и обсуждение

Опрос – это ОРМ, заключающееся в сборе (добывании) информации в процессе непосредственного общения оперативника или по его поручению другого лица с человеком, который осведомлен или может быть осведомлен о лицах, фактах и обстоя-

тельствах, имеющих значение для решения задач ОРД [5, с. 324].

Универсальность и удобство опроса заключается в том, что при его проведении в большинстве случаев не затрагиваются и не ограничиваются конституционные права и свободы человека и гражданина, поэтому для его организации и проведения не требуется ведомственного или судебного санкционирования, что позволяет оперативному сотруднику использовать его в любой оперативной ситуации без предварительного согласования и получения разрешения на его проведение. Опрос всегда носит целенаправленный характер [6, с. 184]. Многогранность опроса состоит в том, что в процессе его осуществления одновременно можно проводить отождествление личности (по внешности, по голосу и др.), осуществить наблюдение, получить образец почерка, отпечатков рук, при проведении данного мероприятия в здании, помещении, сооружении, участке местности и транспортном средстве возможно одновременно провести обследование указанных объектов и т. д.

Особенность опроса также проявляется в том, что он может проводиться не только как самостоятельное ОРМ, но и использоваться при подготовке или проведении других мероприятий. Например, при проведении таких ОРМ, как оперативный эксперимент; проверочная закупка; оперативное внедрение; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; наведение справок, и в некоторых других мероприятиях используются разные виды опроса. Использование опроса позволяет правоохранительным органам проникать в преступную среду, отслеживать противоправную деятельность криминальных элементов, получать необходимую оперативную информацию и проводить негласное документирование их преступной деятельности [7, с. 277]

О значимости и универсальности данного ОРМ свидетельствуют результаты опроса, проведенного С. И. Захарцевым среди оперативных сотрудников МВД и ФСБ России. Из 815 опрашиваемых сотрудников на

вопрос «Какое оперативно-розыскное мероприятие вы чаще всего используете в своей деятельности?» абсолютное большинство ответило, что наиболее часто ими используется именно «опрос» – 779 человек, 8 респондентов назвали другие мероприятия и 8 – затруднились ответить [8, с. 97].

Значение оперативной информации в расследовании уголовных дел возрастает и в связи с постоянным ростом количества совершаемых преступлений с использованием новых технологий, которые без применения оперативно-розыскного инструментария только уголовно-процессуальными средствами практически не могут быть выявлены и раскрыты [9, с. 295].

Также в 2023 году в рамках занятий по повышению квалификации были опрошены сотрудники подразделений уголовного розыска территориальных органов МВД России, оперативные сотрудники подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, и слушатели заочной формы обучения, которые подавляющим большинством подтвердили, что наиболее часто используемым ОРМ является «опрос».

Изучение деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по борьбе с преступностью показывает, что одними из проблемных являются вопросы, связанные с проведением ими оперативно-розыскных мероприятий [10, с. 54]. Указанная проблема относится и к рассматриваемому ОРМ, и, несмотря на его широкую распространенность в практической деятельности, периодически возникают некоторые вопросы, касающиеся его организации и проведения. Рассмотрим некоторые проблемные ситуации, возникающие в практической деятельности оперативных подразделений, связанных с проведением рассматриваемого ОРМ. По определению профессора В. Т. Томина, проблемная ситу-

ация – состояние системы, требующее преобразования¹. В первую очередь напоминаем всем известную проблему о том, что в настоящее время на законодательном уровне не дано разъяснение о сущности опроса, процедуре его проведения, порядке оформления его результатов. Все это значительно затрудняет единообразное толкование нормы закона.

В зависимости от целей, условий проведения мероприятия и личности опрашиваемого опрос проводится гласно и негласно, с зашифровкой и без зашифровки цели, а при необходимости и с легендированным прикрытием сотрудника оперативного подразделения либо лица, действующего по его поручению или заданию. В процессе проведения гласного опроса без зашифровки цели оперативные работники официально представляются как сотрудники ОВД и не скрывают, какую информацию им нужно получить. При проведении гласного опроса с зашифровкой цели сотрудник может не озвучивать истинную цель проводимого опроса. В процессе проведения гласного опроса могут быть использованы различные средства фото-, видео- и аудиофиксации, особым видом является опрос с использованием специального технического средства – полиграфа. Проведение последнего вида требует обязательного добровольного согласия опрашиваемого лица. Негласный опрос тоже может проводиться с зашифровкой (истинная цель проводимого опроса не озвучивается) или без зашифровки цели (цель проводимого опроса не скрывается). Кроме того, рассматриваемое ОРМ может быть проведено на легендированной основе, когда объекту опроса доводятся вымышленные данные о субъекте и его принадлежности к ОВД. При этом возможно оглашение вымышленных сведений и фактов, касающихся совершенного преступления.

При осуществлении негласного мероприятия посторонние лица не должны присутствовать. Однако при проведении опроса в гласной форме объект опроса может

¹ Томин В. Т., Сочнев Д. В. Словарь-инструментарий для исследования проблем, связанных с взаимодействующим влиянием правоохранительной и массово-коммуникативной систем на преступность и виктимность молодежи и несовершеннолетних. Н. Новгород, 1999.

потребовать присутствия своего адвоката, так как в соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации любое лицо имеет право на квалифицированную юридическую помощь¹. Лицам, в отношении которых проводятся ОРМ, ее в основном оказывают адвокаты. Среди оперативных сотрудников преобладает ошибочное мнение о необязательности выполнения этих требований, т. к. присутствие адвоката может создать некоторый дискомфорт для оперативных сотрудников. Однако в данном случае есть и свои положительные стороны. Во-первых, минимизируется возможность нарушения законодательства, а во-вторых, документ (объяснение), составленный в присутствии адвоката и подписанный им, будет более убедительным как для следователя (дознателя), так и для судьи, рассматривающего уголовное дело по существу. Для исключения указанной проблемы и устранения возможных негативных последствий оперативным сотрудникам необходимо информировать опрашиваемых лиц о возможности присутствия адвоката при проведении опроса и об этом указать в итоговом документе.

Объектом опроса может выступить любое лицо, независимо от его гражданства, пола, должностного или служебного положения, религиозной и национальной принадлежности и других обстоятельств. В практической деятельности в качестве объекта опроса чаще всего становятся лица:

- причастные к совершению преступлений, а также их близкие и родственники;
- лица, ставшие жертвами преступных посягательств;
- очевидцы совершения преступления;
- у которых имеются сведения о преступной деятельности иных лиц в силу их служебного, должностного положения, места проживания и других факторов [11, с. 117].

При проведении опроса предполагается добровольное предоставление информации,

значимой для решения задач ОРД. Исходя из этого, приглашенное в установленном порядке в ОВД опрашиваемое лицо не может подвергаться принудительному доставлению, приводу. При проведении мероприятия запрещается принуждать его к даче информации любыми способами, а также препятствовать получению им квалифицированной юридической помощи.

Опрос может проводиться и в очном, и в дистанционном формате, что представляет особую важность (например, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции Covid-19), так как в ходе проведения ОРМ должна быть исключена возможность нанесения вреда жизни и здоровью граждан. В настоящее время рассматриваемое ОРМ может проводиться с использованием различных средств связи, таких как телефон, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет и различные мессенджеры.

Для достижения поставленных целей большое значение имеет тщательная подготовка и определение порядка проводимого опроса. Для начала рассмотрим подготовительный этап. Как правило, решение о производстве опроса принимается непосредственно сотрудником оперативного подразделения с учетом сложившейся обстановки. До начала проведения данного ОРМ оперативный сотрудник должен определиться, с какой целью проводится ОРМ: для получения первичной информации, подтверждения ранее полученных данных либо с перспективой дальнейшего использования в качестве доказательства и, соответственно, передачи материалов для приобщения к уголовному делу. В зависимости от целей выбираются тактика проведения опроса и субъекты, которые будут проводить данное ОРМ, с учетом необходимости и возможности давать официальные показания следователю (дознателю). Кроме этого, субъекту ОРД необходимо определить круг вопросов,

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 27.01.2025).

ответы на которые предполагается получить в ходе опроса; определить список опрашиваемых лиц; выбрать место и время проведения данного мероприятия; разработать конкретные тактические приемы и методы.

При подготовке опроса необходимо также уделить внимание выбору места и обстановки, где планируется проведение данного ОРМ. В целом она должна располагать к непринужденной беседе, при этом желательно исключить возможность появления посторонних лиц или возникновения обстоятельств, отвлекающих внимание. Законодательство в области ОРД не ставит ограничений относительно места проведения опроса, что позволяет опрашивать последнего по месту его проживания. В данном случае именно привычная обстановка способствует достижению поставленных целей, но в некоторых ситуациях может потребоваться проведение опроса в официальной обстановке, в рабочем кабинете сотрудника.

Рабочий этап опроса состоит из трех основных стадий: установление психологического контакта, получение необходимой информации и окончание опроса. При установлении психологического контакта сотрудник оперативного подразделения должен расположить к себе опрашиваемое лицо, подготовить его к проведению указанного ОРМ. Данный процесс включает в себя ряд последовательных действий, включающих сообщение о цели опроса, которая может быть реальной или легендированной; формирование желания сообщить необходимую информацию; подведение беседы к конкретным фактам и событиям совершенного преступления. При этом сотрудник должен обращать внимание на признаки дачи ложных сведений и своевременно их пресекать путем постановки дополнительных и уточняющих вопросов. В целом опрос проводится по принципу «свободного рассказа», после которого со-

трудник оперативного подразделения уточняет полученную информацию.

Заключительный этап опроса представляет собой оформление результатов проведения ОРМ в виде объяснения, заявления, рапорта или справки. Выбор вида документа принимается оперативным сотрудником исходя из сложившейся обстановки и полученных результатов, а также необходимости дальнейшего приобщения полученных сведений к материалам уголовного дела.

Объяснение составляется в том случае, если опрашиваемое лицо соглашается поставить свою подпись и имеется возможность составления указанного документа. Заявление или явка с повинной оформляются в случае обнаружения признаков преступления или совершения опрашиваемым преступления, ранее не зарегистрированного. Указанные документы являются поводом для возбуждения уголовного дела и имеют важное значение при его расследовании и раскрытии. Рапорт составляется при возникновении необходимости принятия определенных решений руководителем оперативного подразделения.

Все указанные документы с результатами опроса обычно передаются следователю (дознанию) для приобщения их к материалам уголовного дела. Однако в соответствии с положениями действующего законодательства результаты ОРД могут быть использованы при производстве предварительного расследования только в том случае, если они будут признаны в качестве допустимых доказательств и соответствовать всем требованиям, определяемым Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹. При этом в соответствии с п. 16 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд данным рапортам могут быть также приложены различные материальные объекты, фото-, видео- и

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

аудиофиксации информации, полученной в ходе проведения опроса¹.

Результаты ОРД относительно уголовного процесса действительно носят обеспечивающий характер и направлены для оказания помощи в решении его основной задачи – расследования преступлений. В настоящее время почти единогласно признается, что результаты ОРД могут быть положены в основу решений о производстве следственных действий, направленных на обнаружение и закрепление доказательств [12, с. 103].

Необходимо акцентировать внимание на том, что результаты опроса сами по себе не являются доказательствами по уголовному делу даже в том случае, если они отвечают всем требованиям, закрепленным в действующем законодательстве, что существенно затрудняет возможность их дальнейшего применения. Полученные в процессе опроса сведения могут использоваться лишь для формирования будущих доказательств путем проведения допроса с указанным лицом. Правоприменительная практика показывает, что нередко возникает вопрос о возможности трансформации результатов ОРД в доказательства по уголовному делу. Так, при опросе определенного лица могут быть получены важные сведения, имеющие значение для расследования преступления. В соответствии с требованиями УПК РФ возникает необходимость производства допроса в рамках возбужденного уголовного дела. Однако может возникнуть ситуация, при которой опрошенное лицо ввиду отсутствия постоянного места жительства, смерти, тяжелой болезни, длительной командировки или иных обстоятельств пропадает из поля зрения сотрудников правоохранительных органов, в связи с чем указанное следственное действие невозможно произвести. В данной ситуации отсутствует возможность проведения допроса и получения надлежащего доказательства, но законодатель не

предусматривает использование в качестве доказательства результат опроса.

При этом есть некоторые отступления от данных правил. Так, судебная практика признает определенное доказательственное значение объяснений, полученных в результате опроса. Приведем пример: Л., пострадавший от преступления, был доставлен в больницу в тяжелом состоянии. Сотрудник уголовного розыска К. получил от него письменное объяснение, заверенное подписью самого пострадавшего и присутствующей при данном оперативно-розыском мероприятии медицинской сестры. Спустя несколько часов пострадавший скончался, но суд признал его объяснения в качестве доказательства по уголовному делу, а также допросил сотрудницу больницы, присутствующую при опросе [13, с. 239]. При возникновении таких ситуаций сотрудникам необходимо привлечь к проведению опроса работника медицинского учреждения с целью подтверждения полученной информации в ходе судебного разбирательства.

Как было отмечено ранее, в соответствии со ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в ходе опроса могут применяться различные средства фиксации². В деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в качестве средств фиксации преимущественно используются специальные технические средства. Специальная техника – это совокупность технических средств, устройств, материалов и соответствующих тактико-технических приемов, используемых в органах внутренних дел при условии соблюдения законности в целях обеспечения охраны общественного порядка и борьбы с преступностью [14, с. 3]. При этом опрос проводится как очно, так и с помощью средств связи, поэтому при использовании технических средств в процессе проведения опроса сотруднику необходимо обеспечить соблюдение всех тре-

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказы МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный Закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бований, касающихся осуществления данного ОРМ. Следует заметить, что опрос, зафиксированный только техническими средствами, не может быть признан в качестве доказательства по уголовному делу в случае, если не соблюдены условия для прослушивания использованных технических средств. Очень важно обратить внимание на то, что при проведении опроса должна быть использована специальная техника, официально стоящая на вооружении в ОВД. Представляется, что необходимо оформлять результаты опроса в виде объяснения с последующим получением подписи опрашиваемого лица, а при отсутствии такой возможности должны быть подписи присутствовавших при опросе лиц, так как в этом случае появится возможность приобщения к материалам уголовного дела как объяснения, так и записи, полученной при проведении ОРМ.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что опрос является одним из наиболее распространенных способов получения информации, имеющей важное значение для решения задач, стоящих как перед органами предварительного расследования, так и перед подразделениями, осуществляющими ОРД. При этом сведения, полученные в ходе производства опроса, должны отвечать всем требованиям, предусмотренным в действующем законодательстве, и оформляться в соответствующих документах с целью придания им доказательственного значения. Для получения ожидаемых положительных результатов опрос должен быть тщательно подготовлен и проведен подобающим образом, а результаты оформлены в соответствии с нормативными правовыми актами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хусаинов Р. Р. Некоторые вопросы проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении потерпевших // Вестник академии МВД Кыргызской республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева. 2023. № 2. С. 161–169.
2. Бобров В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : лекция. М. : Академия управления МВД России, 2003. 64с
3. Теория оперативно-розыскной деятельности / под. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. 5-е изд. испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2024. 795 с.
4. Хусаинов Р. Р., Даянов И. С. Актуальность проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении защищаемых лиц // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 409–412.
5. Оперативно-розыскной деятельности / под. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. 2-е изд. доп. и перераб. М. : ИНФРА-М, 2004. 848 с.
6. Халиков А. Н. Оперативно-розыскная деятельность. Учебник. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2017. 323 с.
7. Хусаинов Р. Р. Соблюдение законности при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе расследования уголовных дел // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина : сборник материалов Международной конференции, посвященной принятию Всеобщей декларации прав человека. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2024. С. 277–280.
8. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия : монография / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2019. С. 259 с.
9. Хусаинов Р. Р., Даянов И. С. Соотношение следственного действия – контроль и запись телефонных переговоров и оперативно-розыскного мероприятий прослушивание телефонных переговоров // Евразийский юридический журнал. 2023. № 1. С. 294–297.
10. Хусаинов Р. Р. Некоторые вопросы проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении потерпевших // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С. 52–57.
11. Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности. 3-е изд., доп. и перераб. М. : Издательский дом Шумиловой И. И., 2018. 368 с.
12. Поляков М. П. Уголовно-правовая интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : монография / под научной редакцией В. Т. Томина. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.

13. Чуркин А. В. Вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании / под ред. К. Б. Ярошенко // Комментарий судебной практики. Вып. 11. М., 2017. С. 237–273.
14. Кемпф В. А. Основы применения специальной техники в профессиональной деятельности сотрудника полиции. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. 70 с.

REFERENCES

1. Khusainov R. R. Some issues of conducting operational-search activities in relation to victims // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Police E. A. Aliyev. 2023. No. 2. P. 161–169. (In Russ.)
2. Bobrov V. G. The concept of operational-search activities. Grounds and conditions for conducting operational-search activities: lecture. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 64 p. (In Russ.)
3. Theory of operational-search activities / ed. K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, G. K. Sinilov. 5th ed. corrected. and add. M. : INFRA-M, 2024. 795 p. (In Russ.)
4. Khusainov R. R., Dayanov I. S. Relevance of conducting operational-search measures in relation to protected persons // Eurasian Law Journal. 2022. No. 3 (166). P. 409–412. (In Russ.)
5. Operational-search activity / edited by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, G. K. Sinilov, A. Yu. Shumilov. 2nd ed. supplemented and revised. M. : INFRA-M, 2004. 848 p. (In Russ.)
6. Khalikov A. N. Operational-search activity. Textbook. M. : RIOR : INFRA-M, 2017. 323 p. (In Russ.)
7. Khusainov R. R. Compliance with the law when using the results of operational-search activities in the process of investigating criminal cases // Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen : collection of materials of the International conference dedicated to the adoption of the Universal Declaration of Human Rights. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 277–280. (In Russ.)
8. Zakhartsev S. I. Operational-search measures : monograph / under the general editorship of V. P. Salnikov. St. Petersburg, 2019. P. 259 p. (In Russ.)
9. Khusainov R. R., Dayanov I. S. The relationship between investigative action – monitoring and recording telephone conversations and operational-search measures – wiretapping telephone conversations // Eurasian Law Journal. 2023. No. 1. P. 294–297. (In Russ.)
10. Khusainov R. R. Some issues of conducting operational-search activities in relation to victims // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 4 (16). P. 52–57. (In Russ.)
11. Shumilov A. Yu. Course in the basics of operational-search activities. 3rd ed., supplemented and revised. M. : Publishing house of I. I. Shumilova, 2018. 368 p. (In Russ.)
12. Polyakov M. P. Criminal-legal interpretation of the results of operational-search activities: monograph / under the scientific editorship of V. T. Tomina. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Law Academy, 2001. 262 p. (In Russ.)
13. Churkin A. V. Issues of using the results of operational-search activities in proving / edited by K. B. Yaroshenko // Commentary on judicial practice. Issue 11. M., 2017. P. 237–273. (In Russ.)
14. Kempf V. A. Fundamentals of using special equipment in the professional activities of a police officer. Barnaul : Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 70 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Хусаинов Р. Р. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Khusainov R. R. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 23.01.2025; approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья
УДК 343.97:343.352.4(470)

Садык Сабинович Низамов¹, Вадим Ильгизович Суюшев²

¹ *Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, sadyk765@mail.ru*

² *Отдел экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по г. Уфе, Уфа, Россия*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Данное исследование посвящается определению места борьбы с коррупцией в системе экономической безопасности государства. Коррупция затрагивает все сферы деятельности общества, в том числе влияет на конституционную неприкосновенность государства, одной из приоритетных задач которого представляется осуществление эффективной борьбы с данным явлением и его последствиями.

Ключевые слова: экономика, экономическая безопасность, коррупция, профилактика коррупции, борьба с коррупцией, теневая экономика

Для цитирования: Низамов С. С., Суюшев В. И. Противодействие коррупции как фактор экономической безопасности государства // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 91–97.

Original article

Sadyk S. Nizamov¹, Vadim I. Suyushev²

¹ *Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, sadyk765@mail.ru*

² *Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Ufa, Ufa, Russia*

ANTI-CORRUPTION AS A FACTOR IN THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

Abstract. This study is devoted to determining the place of the fight against corruption in the system of economic security of the state. Corruption affects all spheres of society, including the constitutional inviolability of the state, one of the priorities of which is to effectively fight against this phenomenon and its consequences.

Keywords: economics, economic security, corruption, prevention of corruption, fight against corruption, shadow economy

For citation: Nizamov S. S., Suyushev V. I. Anti-corruption as a factor in the economic security of the state // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 91–97. (In Russ.)

Введение

Проблема коррупции волновала общество с периода становления Древней Руси. Еще в IX веке в Древнерусском государстве существовала система «кормления», согласно которой население было обязано обеспечи-

вать высланных князем наместников. Такой порядок вещей закладывал первые зерна коррупционного поведения в сознание людей.

В XV веке дошло все до того, что чиновники выполняли свою работу только за подношение. Борьба с такими явлениями

началась Иваном Грозным в 1561 г., которая заключалась в ведении Судной грамоты, устанавливающей санкцию за получение взятки [1].

В наши дни коррупция представляет собой не что иное, как получение имущественной выгоды и различного рода юридических преимуществ обходными путями, то есть игнорирование текущего законодательства для удовлетворения своих желаний и личных интересов, а также решение некоторых жизненных проблем в той или иной сфере при помощи «своих» людей и денежных средств.

Основополагающий базис всей системы национальной безопасности любого государства – экономическая безопасность и ее стабильная деятельность. При этом теневая экономика и коррупция в своем проявлении являются основой криминализации отношений, складывающихся в экономической сфере, усугубляя положение устойчивости экономической безопасности.

Коррупция в XXI веке становится одной из самых масштабных и серьезных проблем не только в Российской Федерации, но и во всем мире, потому носит международный характер.

Методы

В работе использовались всеобщий диалектический метод познания, общенаучные подходы, такие как анализ, синтез, обобщение, а также частно-научные методы, включая исторический, системный, формально-юридический, логический, сравнительно-правовой, и другие.

Результаты

На сегодняшний день ведется активная борьба с явлением коррупции в области уголовного права, которая закрепляет в Уголовном кодексе Российской Федерации отдельные нормы и санкции по ним. Однако, как показывает практика, угроза наказания не является эффективным методом борьбы с ней. Данный факт обуславливает актуальность исследуемой темы и необходимость в

пересмотре применяемых методов противодействия коррупционным проявлениям.

Главная проблема коррупционного явления заключается в нарушении прав и возможностей граждан, а также угрозе экономической безопасности государства [2; 3; 4; 5]. основополагающий базис всей системы национальной безопасности любого государства – экономическая безопасность и ее стабильная деятельность. При этом теневая экономика и коррупция в своем проявлении являются основой криминализации отношений, складывающихся в экономической сфере, усугубляя положение устойчивости экономической безопасности¹ [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Данное исследование посвящается определению места борьбы с коррупцией в системе экономической безопасности государства. Для обеспечения наиболее последовательно анализа необходимо определить:

- 1) негативное воздействие проявления коррупции на экономическую сферу государства;
- 2) применяемые методы борьбы с коррупционными проявлениями в государстве;
- 3) основные проблемы, снижающие эффективность борьбы с коррупцией;
- 4) рациональный подход к разрешению существующих проблем [12].

Получение выгоды в личных целях мошенниками может осуществляться множеством способов, не всегда очевидно известных лицам, осуществляющим антикоррупционную политику. Для лучшего понимания необходимо выделить некоторые из них:

1. Взятка (подкуп) – материальные или иные ценности, а также услуги, принимаемые тем или иным должностным лицом за ряд определенных действий, которые оно в соответствии со своим служебным положением обязуется совершить в пользу лица, предлагающего осуществление взятки. В качестве примера можно привести недобросовестных сотрудников дорожно-патрульной службы, которые с легкостью могут полу-

¹ Рахматуллин М. А., Низамов С. С. Особенности мирового экономического кризиса в условиях глобальной экономики : учебное пособие. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2023. 48 с.

чить определенное количество денежных средств от нарушителя правил дорожного движения взамен на отказ в выписывании штрафа за превышение скорости.

2. Вымогательство – приобретение незаконной выгоды имущественного или иного характера посредством использования принуждения, а также оказания воздействия на волю лица, являющегося потерпевшим. Например, получение услуги в виде бесплатного ремонта транспортного средства, осуществляемого посредством угрозы рабочему со стороны правонарушителя.

3. Непотизм – своеобразный вид покровительства, касающийся достижения поставленной цели, со стороны родственников или близких друзей и знакомых лица. Ярким примером в данном случае является поступление вчерашнего школьника в высшее учебное заведение при помощи влиятельных родителей, осуществляющих свою трудовую деятельность в желаемом для абитуриента университете.

4. Злоупотребление служебным положением может проявляться в виде использования гражданским служащим служебной информации в личных целях.

5. Криминальный лоббизм – продвижение личностных интересов в органах государственной власти путем нарушения законодательства. Например, противоречащее закону воздействие на органы местного самоуправления со стороны граждан в целях принятия того или иного общественного решения.

6. Хищение – данный вид коррупции зачастую проявляется в нецелевом использовании бюджетных средств. Хищение при этом серьезно деформирует структуру государственных расходов.

К сожалению, данный список способов осуществления коррупционных преступлений не является исчерпывающим. Мошенники активно продумывают и претворяют в жизнь новые схемы приобретения выго-

ды незаконным путем, а большинство преступлений так и остаются нераскрытыми и даже невыявленными.

Коррупционные проявления несут огромную угрозу как для граждан, так и для самого государства. При коррупционном факте одна сторона получает выгодные для себя условия, услугу либо права, вторая сторона при этом обогащается, тогда как третья – ущемляется в своих правах. По самой простой из схем коррупционного проявления субъект прибегает к коррупционным методам достижения своей цели для того, чтобы ускорить время оказания услуги либо продвижения в очереди на нее, также с целью обеспечения гарантии хорошего качества оказываемой услуги. При реализации подобной схемы пострадавшим предстает третье лицо, которое сместили в очереди назад, которому без дачи взятки не оказывают достойного качества услугу либо вовсе ущемляют в правах.

С учетом тесной связи коррупции и теневой экономики становится очевидным негативное воздействие данного проявления для экономической сферы государства [13].

Борьба с коррупцией в России ведется уже давно. Из основных методов можно выделить следующие:

1. Уголовное, административное, гражданско-правовое и дисциплинарное наказание. Уголовная ответственность наступает за дачу, получение взятки и пособничество. За подобного рода деяния предусмотрено наказание в виде лишения свободы на некоторый срок, штраф, лишение права заниматься конкретной деятельностью, лишение права занимать некоторые должности, а также обязательные, исправительные и принудительные работы¹.

Административная ответственность за коррупционные правонарушения предусмотрены Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, статьями 5.16, 5.17, 5.20, 7.29.1, 14.19 и др. Администра-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.06.2024).

тивное наказание предусматривает штраф, арест, а также дисквалификацию¹.

Дисциплинарная ответственность за коррупционные правонарушения наступает при несоблюдении порядка исполнения обязанностей, которые имеют признаки коррупции, но при этом не относятся к преступлениями либо административным правонарушениям. За подобные деяния предусмотрена отдельная категория наказаний в виде выговора, замечания, либо увольнения.

Гражданско-правовая ответственность наступает при причинении вреда в ходе совершения коррупционного правонарушения. Она проявляется в виде возмещения принесенных убытков.

2. Законодательное регулирование основных сфер, подверженных широкому проявлению коррупции. В рамках законодательного регулирования действует Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Данный нормативный правовой акт предусматривает общепринятое определение коррупции, меры организационного порядка, которые применяются для предотвращения коррупционных проявлений, также затрагивает налагаемые на государственных служащих и должностных лиц (специальные субъекты коррупции) определенные ограничения. Кроме указанного, федеральный закон охватывает вопрос, касающийся конфликта интересов, что является неотъемлемой частью коррупционного противодействия².

В рамках законодательного регулирования в России действует Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», который определяет перечень субъектов, принципы проводимой экспертизы,

коррупциогенные факторы в положениях законодательных актов³.

К основным трудностям при реализации борьбы с коррупциогенными проявлениями можно отнести латентный характер данных правонарушений. Повышенная латентность проявляется по причине того, что все участвующие в коррупционном правонарушении стороны заинтересованы в сокрытии данного факта с целью избежать наказания, а также сокрыть неправомерный путь достижения своей цели.

Одной из трудностей, возникающих при выявлении и расследовании подобного рода правонарушений, является недостаточный контроль за деятельностью чиновников и должностных лиц, в силу чего им удается в скрытой форме совершать незаконные действия [14].

Для обеспечения успешности борьбы с коррупцией стоит пересмотреть меры наказания, указанные в нормативных правовых актах в настоящее время. К примеру, чаще всего в отношении чиновников, подозреваемых в совершении коррупционных преступлений, в качестве меры пресечения назначается домашний арест, вместо заключения в следственном изоляторе.

Необходимо сконцентрировать особое внимание на воспитании подрастающего поколения и формировании у обучающихся в школах, колледжах, техникумах и вузах неприязненного отношения к коррупционным проявлениям на подсознательном уровне.

В современном мире особым влиянием начали обладать средства массовой информации, особенно социальные сети. Основная пропаганда совершается с использованием популярных личностей, у которых большое количество фанатов, готовых принимать позицию своего кумира и действовать подобно

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.06.2024).

² О противодействии коррупции : федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 01.06.2024).

³ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 01.06.2024).

ему. Подобный метод может послужить наиболее эффективным из перечня инструментов, применяемых в борьбе с коррупцией. Необходимо составлять контракты с наиболее популярными и значащими личностями в сфере интернета и социальных сетей, которые будут демонстрировать антипропаганду коррупции. Кумиры молодежи смогут наиболее надежно убедить фанатов принимать активные меры по противодействию коррупции.

Коррупционные проявления представляют огромную угрозу благополучию общества и государства. Борьба с ними должна вестись не только на уровне законодательного

регулирования государственными органами, но также и в плотном взаимодействии граждан и современных ресурсов, к примеру, таких как средства массовой информации.

Заключение

Таким образом, в качестве вывода по проведенному исследованию можно отметить, что в целях повышения эффективности реализации борьбы с коррупцией необходимо принять меры по совершенствованию правового регулирования данного аспекта, также стоит заострить внимание на работе с молодежью и привлечении ее к противодействию с целью развития неприязни к подобным проявлениям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алонцева Д. В. и др. Противодействие коррупции в образовательной среде как условие повышения качества образования // *Перспективы науки и образования*. 2023. № 2 (62). С. 732–748.
2. Низамов С. С., Стомба Е. В., Поротников П. А. Некоторые аспекты содержания категории «теневая экономика» // *Наука Красноярья*. 2024. Т. 13. № 1-2. С. 129–133.
3. Низамов С. С. Роль государства в обеспечении экономической безопасности // *Современные проблемы обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции*. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 329–333.
4. Низамов С. С., Стомба Е. В. Роль государства в обеспечении экономической безопасности // *Совершенствование инженерно-технического обеспечения производственных процессов и технологических систем : материалы национальной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 70-летию начала освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области*. М. : ООО «Издательство "Перо"», 2024. С. 559–562.
5. Низамов С. С., Стомба Е. В. Экономические интересы и обеспечение экономической безопасности страны // *Цифровые и информационно-коммуникационные технологии в образовании и науке : материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)*. Часть II. Бирск : Уфимский университет науки и технологий, 2024. С. 157–160.
6. Бачурин Е. Ю., Стомба А. В. К вопросу обеспечения экономической безопасности в условиях интенсивного развития цифровой экономики // *Совершенствование инженерно-технического обеспечения производственных процессов и технологических систем : материалы национальной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 70-летию начала освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области*. М. : ООО «Издательство "Перо"», 2024. С. 595–598.
7. Низамов С. С. Значение и задачи инновационного развития в целях экономической безопасности национальной экономики // *Санкт-петербургские встречи молодых ученых : материалы I всероссийского конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней*. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 647–652.
8. Низамов С. С., Гусманов Р. У. Теневая экономика как фактор угроз в системе экономической безопасности организаций в условиях формирования цифровой экономики // *Совершенствование инженерно-технического обеспечения производственных процессов и технологических систем : материалы национальной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 70-летию начала освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области*. М. : ООО «Издательство "Перо"», 2024. С. 566–569.

9. Низамов С. С., Сафин Р. Р. Проблемы экономической безопасности Республики Башкортостан на примере топливно-энергетического комплекса // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 3 (15). С. 72–75.

10. Низамов С. С., Стомба Е. В. Формирование системы обеспечения экономической безопасности организаций в условиях цифровой экономики // Совершенствование инженерно-технического обеспечения производственных процессов и технологических систем : материалы национальной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 70-летию начала освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области. М. : ООО «Издательство "Перо"», 2024. С. 562–565.

11. Стомба А. В., Султанова А. Р. Противодействие коррупции как фактор экономической безопасности в государстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С. 71–76.

12. Воронцов С. А., Понеделков А. В. Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России // Социум и власть. 2021. №. 1 (87). С. 138–142.

13. Колмогоров А. Ф. Противодействие коррупции как элемент обеспечения экономической безопасности страны // Вестник науки. 2021. Т. 4. №. 5. С. 109–112.

14. Павлова Г. Г., Твердохлеб К. А. Современные методы противодействия коррупции на государственном и муниципальном уровне // Вестник экономики, управления и права. 2021. №. 3 (56). С. 50–56.

REFERENCES

1. Alontseva D. V. et al. Combating corruption in the educational environment as a condition for improving the quality of education // Prospects of Science and Education. 2023. No. 2 (62). P. 732–748. (In Russ.)

2. Nizamov S. S., Stovba E. V., Porotnikov P. A. Some aspects of the content of the category «shadow economy» // Science of Krasnoyarsk. 2024. Vol. 13. No. 1-2. P. 129–133. (In Russ.)

3. Nizamov S. S. The role of the state in ensuring economic security // Modern problems of ensuring economic security of an economic entity : collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2023. P. 329–333. (In Russ.)

4. Nizamov S. S., Stovba E. V. The role of the state in ensuring economic security // Improving the engineering and technical support of production processes and technological systems : materials of the national scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 70th anniversary of the beginning of the development of virgin and fallow lands in the Orenburg region. M. : ООО «Izdatelstvo «Pero», 2024. P. 559–562. (In Russ.)

5. Nizamov S. S., Stovba E. V. Economic interests and ensuring the economic security of the country // Digital and information and communication technologies in education and science : materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation). Part II. Birk : Ufa University of Science and Technology, 2024. P. 157–160. (In Russ.)

6. Bachurin E. Yu., Stovba A. V. On the issue of ensuring economic security in the context of intensive development of the digital economy // Improving engineering and technical support for production processes and technological systems : materials of the national scientific and practical conference with international participation dedicated to the 70th anniversary of the beginning of the development of virgin and fallow lands in the Orenburg region. M. : ООО «Izdatelstvo «Pero», 2024. P. 595–598. (In Russ.)

7. Nizamov S. S. The importance and tasks of innovative development for the purposes of economic security of the national economy // St. Petersburg meetings of young scientists : materials of the 1st All-Russian congress of adjuncts, graduate students and applicants for academic degrees. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 647–652. (In Russ.)

8. Nizamov S. S., Gusmanov R. U. The shadow economy as a threat factor in the system of economic security of organizations in the context of the formation of the digital economy // Improving the engineering and technical support of production processes and technological systems : materials of the national scientific and practical conference with international participation dedicated to the 70th anniversary of the beginning of the development of virgin and fallow lands in the Orenburg region. M. : ООО «Pero Publishing House», 2024. P. 566–569. (In Russ.)

9. Nizamov S. S., Safin R. R. Problems of economic security of the Republic of Bashkortostan on the example of the fuel and energy complex // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 3 (15). P. 72–75. (In Russ.)

10. Nizamov S. S., Stovba E. V. Formation of a system for ensuring economic security of organizations in the context of the digital economy // Improving engineering and technical support for production processes and technological systems : materials of the national scientific and practical conference with international participation dedicated to the 70th anniversary of the beginning of the development of virgin and fallow lands in the Orenburg region. M. : ООО «Izdatelstvo «Pero», 2024. P. 562–565. (In Russ.)

11. Stovba A. V., Sultanova A. R. Anti-corruption as a factor in economic security in the state // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 4 (16). P. 71–76. (In Russ.)

12. Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V. Actual problems of combating corruption in modern Russia // Society and power. 2021. No. 1 (87). P. 138–142.

13. Kolmogorov A. F. Combating corruption as an element of ensuring the country's economic security // Bulletin of Science. 2021. Vol. 4. No. 5. P. 109–112. (In Russ.)

14. Pavlova G. G., Tverdokhleba K. A. Modern methods of combating corruption at the state and municipal levels // Bulletin of economics, management and law. 2021. No. 3 (56). P. 50–56. (In Russ.)

Информация об авторах:

Низамов С. С. – кандидат экономических наук;

Суюшев В. И. – без ученой степени.

Information about the authors:

Nizamov S. S. – Candidate of Economics;

Suyushev V. I. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья

УДК 316.7-054.68-057.875:378.095(470)

Альберт Якупович Гизатов¹,

Садык Сабирович Низамов²

¹ Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, *kbad@yandex.ru*

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, *sadyk765@mail.ru*

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ**

Аннотация. В статье рассматривается социальная адаптация и социализация иностранных студентов, поступивших на обучение в высшие учебные заведения Российской Федерации. Авторами проанализированы основные виды стрессовых ситуаций и проблем, препятствующих процессу успешной адаптации иностранных студентов в университетах России, предложены пути их разрешения. Сделаны выводы относительно необходимости улучшения качества мер, предпринимаемых для адаптации иностранных студентов, так как это в первую очередь связано с повышением качества российского образования и повышением его престижа за рубежом.

Ключевые слова: социализация, иностранный студент, девиантное поведение, правонарушения, законодательство, административная ответственность

Для цитирования: Гизатов А. Я., Низамов С. С. Проблемы социализации иностранных студентов в высших учебных заведениях // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (25). С. 98–104.

Original article

Albert Ya. Gizatov¹, Sadyk S. Nizamov²

¹ Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, *kbad@yandex.ru*

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, *sadyk765@mail.ru*

**PROBLEMS OF SOCIALIZATION OF FOREIGN STUDENTS
IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS**

Abstract. The article discusses the social adaptation and socialization of foreign students entered the higher education institutions of the Russian Federation. The authors analyzed the main types of stressful situations and problems hindering the successful adaptation of foreign students at the Russian universities, and suggested ways of solving of the problems of adaptation of foreign students. Conclusions regarding the need to improve the quality of measures taken to adapt foreign students are drawn, as this is primarily due to improving the quality of the Russian education and increasing its prestige abroad.

Keywords: socialization, foreign student, deviant behavior, offenses, legislation, administrative responsibility

For citation: Gizatov A. Ya., Nizamov S. S. Problems of socialization of foreign students in higher educational institutions // Society, law, statehood: retrospective and prospect. 2025. No. 1 (25). P. 98–104. (In Russ.)

Введение

Социальная адаптация – процесс активного приспособления человека к условиям

социальной среды, который включает в себя знания, навыки и умения человека взаимодействовать с внешним миром и людьми.

© Гизатов А. Я., Низамов С. С., 2025

После поступления в университет обучающийся (особенно иностранец) вынужден в течение всей студенческой жизни приспособляться к постоянно меняющимся условиям окружающей среды или, другим словом, адаптироваться к ней. В нашем случае это процесс вхождения первокурсника в новые для него условия обучения. Окружающие в то же время также должны научиться взаимодействовать с ним [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Цель университета: способствовать адаптации обучающегося к своей академической группе, курсу, факультету, жизни в стенах университета. Для обучающихся первого курса с поступлением в вуз изменяется привычная обстановка, и они оказываются в новых для себя условиях, им необходимо будет к ним приспособиться, чтобы чувствовать себя комфортно.

В конечном итоге целью социализации обучающихся является достижение гармонии при взаимоотношении обучающихся между собой, с другими сокурсниками и окружающим миром. Для этого необходимо грамотно применить механизм психологической адаптации для обучающихся, чтобы ими не было совершено каких-либо ошибок с первых же дней обучения в университете, в том числе различных противоправных действий [7].

Методы

В работе использовались всеобщий диалектический метод познания, общенаучные подходы, такие как анализ, наблюдение, обобщение, рассуждение, а также частнонаучные методы, включая исторический, системный, и другие.

Результаты

По прогнозам экспертов Представительства Ассамблеи народов Евразии, количество обучающихся иностранных студентов в Республике Башкортостан составит к 2030 году не менее 52 тыс.¹

В Башкортостане ежегодно фиксируется устойчивый рост числа иностранных студентов, обучающихся в вузах. Если в

2020/2021 учебном году было 5,5 тыс. человек, то в 2023/2024 их количество составило уже 10 тыс. человек [8].

В связи с вышесказанным исследование проблем социализации иностранных студентов в университете становится в настоящее время как никогда актуальным. Связано это в первую очередь с изменениями в сфере образования, а именно с критериальным показателем по набору иностранных студентов, который должен обязательно выполняться вузами Российской Федерации. Вместе с тем не столь важно, из какой страны приезжает потенциальный студент в университет, в первую очередь возникают однотипные общие сложности в адаптации обучающихся. Основные виды проблем социализации иностранных студентов приведены на рисунке 1.

При более подробном рассмотрении вышеприведенные проблемы можно объединить в три большие группы по идентичности возникающих итоговых проблем.

Первая группа связана с возникновением высокой стрессовой ситуации как следствие закрытия студента в самом себе. В итоге: нет коммуникабельности с окружающими студентами и преподавателями, вследствие чего студент приходит в поиск той среды, где ему комфортно. Очень часто такие учащиеся попадают под влияние неблагонадежных людей, могут стать участниками противоправных действий. К этой группе можно отнести следующие виды проблем: другая страна, образ жизни, традиции, кухня и законы, языковой барьер, отсутствие родственников, хороших друзей и знакомых.

Вторая группа связана с житейскими вопросами: условия проживания в общежитии, проблемы межкультурной коммуникации и повседневного общения с русскими и иностранцами из других стран, необходимость общаться на русском языке. Во этой группе самой злободневной и основной сложной проблемой, из которой вытекают остальные, является процесс заселения студентов

¹ Международная неделя бизнеса. URL: <https://ibw-bashkortostan.com/news/15071/> (дата обращения: 29.10.2024).

Рис. 1. Основные виды проблем социализации иностранных студентов

в общежития. Здесь необходимо учитывать, что большинство российских студентов не согласны проживать в одной комнате с иностранными студентами, кроме того, представителей некоторых стран нельзя заселять в одну комнату, так как между этими странами натянутые отношения. К сожалению, односложного и простого решения данной проблемы не существует. Так, при заселении в одну комнату только иностранцев, с одной страны, происходит их сплочение и сближение, но при этом у них нет процесса общения с носителями русского языка, в связи с чем возникают коммуникативные проблемы и т. п.

Также неправильное решение данных проблем в конечном итоге приводит к образованию в общежитиях определенных студенческих группировок, которые могут существовать как мирно, так и конфликтно, что в конечном итоге может привести к противоправным действиям.

В качестве примера можно привести реальные случаи образования групп или каст иностранцев из определенной страны, отношение внутри группы выстраивается по

иерархическому порядку, и, естественно, группа существует по законам их страны, а не России. На фоне этого формируются группы из местных ребят, что приводит к образованию конфликтующих сторон. Тема заселения и по сей день остается острой и не отработанной. Многие вузы при большом количестве иностранных студентов идут по пути выделения отдельного общежития для проживания только иностранных студентов.

Третья группа – финансовые вопросы: технические проблемы оплаты обучения и различных услуг, общий недостаток средств в период студенчества, необходимость средств на оформление медицинских страховок. Так, при отсутствии помощи в решении проблем данной группы однозначно возникает другая – нелегальное устройство иностранного студента на подработки или на работу. Чаще всего это нелегальный извоз на такси, в большинстве случаев даже без водительских прав, и работа на сомнительных стройках без официального трудоустройства.

Решение данных проблем может проходить по одному или нескольким вариантам психологической адаптации.

При вживании в новую социальную среду человек проходит следующие этапы социализации:

- внедрение в данную группу (у первокурсников – знакомство друг с другом);

- полное согласие с принятыми в этой среде нормами поведения и ценностями (для этого представители университета объясняют основные нормы поведения в вузе и в общежитии);

- занятие активной позиции полноправного члена в этой среде, чтобы способствовать скорейшему удовлетворению взаимных интересов.

Если же обучающемуся не удастся приспособиться к новому окружению в этой среде, он может столкнуться с проявлением негативного к себе отношения и напряженностью. Поэтому роль представителей вуза в решении социальной адаптации имеет существенное значение.

Успех и психологическое благополучие в академической группе зависят не только от крепкого состава обучающихся, но и от каждой отдельно взятой личности. Понятие адаптации обучающихся в новом учебном заведении включает в себя целый ряд мероприятий, направленных на развитие его мотивации – как внешней (материальной), так и внутренней (личностной) [9; 10; 11; 12; 13; 14].

Чтобы у обучающихся появилось желание включиться в студенческую жизнь, необходимо их к этому подтолкнуть: проводить тренинги, индивидуальные беседы с психологом, спортивные мероприятия и т. д.

Немаловажное значение в адаптации имеет социальный статус иностранного студента – это обязанности и права обучающегося в системе социальных связей, групп, факультета, университета. Он включает в себя обязанности (роли-функции), которые обучающийся должен выполнять в данной социальной общности (учебной группе), связи (учебном процессе), системе (вузе).

В разных группах один и тот же индивид имеет разный социальный статус. Например, талантливый шахматист в шахматном клубе имеет высокий статус, а в академиче-

ской группе может иметь низкий. Это потенциальная причина фрустраций и межличностных конфликтов. Характеристиками социального статуса являются престиж и авторитет, представляющие признание окружающими заслуг индивида. В связи с этим необходимо всегда проводить индивидуальное общение с каждым иностранным студентом, контролировать всех обучающихся, особенно в первый период, давать время на выполнение поручений, которые будут способствовать налаживанию неформальных связей с коллективом. Необходимо создать единое информационное пространство, которое даст обучающимся оперативно получать информацию о событиях, происходящих в университете, на факультете, например, группы в соцсетях, чат-боты и т. п., а также подключать к работе наставников и кураторов.

Важно проводить обучение сотрудников, занимающихся работой с иностранными студентами, грамотному разрешению конфликтных ситуаций между предписанными и приобретенными статусами обучающихся с целью определения роли каждого обучающегося в учебном процессе и группе. В первую очередь, конечно же, общение является средством организации совместной деятельности и взаимоотношений. От умения людей общаться зависят общее благополучие, настроение и здоровье.

Чем быстрее проходит адаптация иностранных обучающихся в университете, тем выше становится эффективность работы обучающихся.

Необходимо сказать, что главное – не допускать процесс психологической адаптации иностранных студентов по методу проб и ошибок. Данный метод основан на собственном жизненном опыте. Суть данной психологической адаптации заключается в том, что, решая возникающие жизненные проблемы, человек старается их преодолеть, используя уже имеющийся у него жизненный опыт. И только тогда, когда проблема не решается при использовании знакомого способа, он начинает искать новые возможности для ее решения. Психологическая адаптация

иностранного студента по данному варианту опасна без помощи местных студентов или представителей вуза. В большинстве случаев иностранные студенты недооценивают возникшую проблему, не учитывают, что их опыт в ее решении был приобретен в другой стране и с иными правилами и законами. К сожалению, при упущении момента в большинстве случаев ситуацию можно разрешить только в рамках произошедших административных или даже уголовных правонарушений, а не до них.

Заключение

Таким образом, рассмотрение с позиции междисциплинарного знания проблемы социализации иностранных студентов, поступивших на обучение в высшие учебные заведения Российской Федерации, позволяет выделить основные виды проблем и факторов адаптации иностранных студентов в российских университетах. К числу основных факторов успешной адаптации относятся: организация жизни студентов иностранцев, их проживание в общежитии, досуг, финансовое благополучие, владение языком, а также система преподавания. Анализ стрессовых ситуаций и проблем, препятствующих процессу успешной адаптации иностранных студентов в университетах России, позволяет сделать вывод о необходимости разработки единого

концептуального подхода к разрешению имеющихся здесь проблем. В целях успешной социализации иностранных студентов в российских университетах и улучшения их адаптации к новым для них условиям обучения и проживания требуется задействовать целый комплекс механизмов правового, организационно-управленческого, социально-психологического, материально-технического и финансового характера. Требуют своего решения проблемы, связанные с ответственностью высших учебных заведений за приглашенных иностранных студентов. Кроме того, необходимо совершенствовать существующую правовую систему, призванную обеспечивать должную профилактическую работу, контроль и предотвращение возникающих правонарушений со стороны иностранных студентов. Систематическое правовое регулирование со стороны правоохранительных органов в части профилактики различных негативных правонарушений среди студентов, молодежи позволяет создать необходимые условия, способствующие дальнейшему увеличению количества обучающихся иностранных студентов в российских университетах, улучшению качества их обучения в стенах вуза и повышению престижности отечественной системы образования и науки в современном мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гусманов Р. У., Стомба Е. В., Низамов С. С. К вопросу о сельскохозяйственном образовании в России // Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России. М. : Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова, 2020. С. 137–140.
2. Дмитриева О. А., Кондаурова Т. И., Фетисова Н. Е. Особенности адаптации иностранных студентов в инновационной образовательной среде вуза // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (40). С. 153–158.
3. Иностраный студент университета: адаптация, обучение, здоровье / Драндрова Е. Г., Павлова С. И., Кожемякова Е. А., Петухова М. Е., Симулина И. А., Раздорская О. В., Цветков С. А., и др. Чебоксары, 2024. 320 с.
4. Ильясова З. З., Гизатов А. Я. Организация воспитательной работы с обучающимися высших учебных заведений // Теория и практика современной аграрной науки : сборник IV национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием. Новосибирск, 2021. С. 1678–1680.
5. Миронов А. Н. К вопросу об особенностях адаптации иностранных студентов в российском вузе // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания в иностранной аудитории : материалы VI Международной научно-практической конференции. Орел, 2024. С. 431–436.

6. Овсянникова Е. А., Жилиева М. С. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российском вузе // Гуманитарные проблемы современности : сборник статей VI Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Юго-Западного государственного университета. Курск, 2024. С. 218–221.
7. Низамов С. С., Стомба Е. В., Стомба А. В. Состояние и тенденции развития высшего образования в Республике Башкортостан // Наука Красноярья. 2022. Т. 11. № 2-4. С. 69–77.
8. Ремизова С. В. Психологические особенности адаптации иностранных студентов в контексте современных реалий // Образование в XXI веке: между рутинной и творчеством : сборник материалов и докладов XXVI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2024. С. 532–537.
9. Гизатов А. Я., Залилова З. А. Формирование общекультурных компетенций при воспитательной работе в университете // Актуальные вопросы экономики и агробизнеса : сборник статей X Международной научно-практической конференции. 2019. С. 36–39.
10. Гизатов А. Я., Залилова З. А. Пример воспитательной работы в высших учебных заведениях // Интеграция молодежной науки и практики для развития АПК : сборник научных статей, посвящается 70-летию профессора кафедры бухгалтерского учета, статистики и информационных систем в экономике доктора экономических наук Хабирова Гамира Ахметгалеевича. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; ФГБОУ ВО Башкирский государственный аграрный университет. Уфа, 2019. С. 34–36.
11. Ильясова З. З., Гизатов А. Я. Социальная адаптация и коммуникации в учебной и профессиональной деятельности : учебное пособие. Уфа : ФГБОУ ВО Башкирский государственный аграрный университет, 2021. 80 с.
12. Ильясова З. З., Гизатов А. Я. Комплексный подход в воспитательной работе с обучающимися вуза // Горизонты образования : материалы II Международной научно-практической конференции / отв. редактор Н. В. Чекалева. Омск, 2021. С. 178–180.
13. Низамов С. С. Особенности профессиональной адаптации курсантов // Наука и образование: актуальные вопросы теории и практики : материалы IV Международной научно-методической конференции. Самара–Оренбург : Самарский государственный университет путей сообщения, 2024. С. 559–562.
14. Проблемы и направления развития цифровизации образовательной сферы региона в условиях новых экономических вызовов / Е. В. Стомба, А. В. Стомба, С. С. Низамов [и др.] // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 10-2. С. 247–254. DOI 10.17513/vaael.3019.

REFERENCES

1. Gusmanov R. U., Stovba E. V., Nizamov S. S. On the issue of agricultural education in Russia // Historical legacy of the Moscow Society of Agriculture and modernization of the agricultural sector of Russia. M. : All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after A. A. Nikonov, 2020. P. 137–140. (In Russ.)
2. Dmitrieva O. A., Kondaurova T. I., Fetisova N. E. Features of adaptation of foreign students in the innovative educational environment of the university // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2023. No. 3 (40). P. 153–158. (In Russ.)
3. A foreign university student: adaptation, education, health / Drandrova E. G., Pavlova S. I., Kozhemyakova E. A., Petukhova M. E., Simulina I. A., Razdorskaya O. V., Tsvetkov S. A., et al. *Cheboksary*, 2024. 320 p. (In Russ.)
4. Ilyasova Z. Z., Gizatov A. Ya. Organization of an educational work with students of higher educational institutions // Theory and practice of modern agricultural science : collection of the 4th national (all-Russian) scientific conference with international participation. Novosibirsk, 2021. P. 1678–1680. (In Russ.)
5. Mironov A. N. On the issue of the peculiarities of adaptation of foreign students in a Russian university // Actual problems of the Russian language and methods of its teaching in a foreign audience : materials of the 6th International scientific and practical conference. Orel, 2024. P. 431–436. (In Russ.)
6. Ovsyannikova E. A., Zhilyaeva M. S. Sociocultural adaptation of foreign students to the conditions of study at a Russian university // Humanitarian problems of our time : collection of articles from the 6th International scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the South-West State University. Kursk, 2024. P. 218–221. (In Russ.)

7. Nizamov S. S., Stovba E. V., Stovba A. V. State and development trends of higher education in the Republic of Bashkortostan // Science of Krasnoyarsk. 2022. Vol. 11. No. 2-4. P. 69–77. (In Russ.)

8. Remizova S. V. Psychological features of adaptation of foreign students in the context of modern realities // Education in the 21st century: between routine and creativity: collection of materials and reports of the 26th International scientific and practical conference. Ekaterinburg, 2024. P. 532–537. (In Russ.)

9. Gizatov A. Ya., Zalilova Z. A. Formation of general cultural competencies in an educational work at the university // Actual issues of economics and agribusiness : collection of articles of the 10th International scientific and practical conference. 2019. P. 36–39. (In Russ.)

10. Gizatov A. Ya., Zalilova Z. A. An example of educational work in higher education institutions // Integration of youth science and practice for the development of the agro-industrial complex : collection of scientific articles, dedicated to the 70th anniversary of the professor of the department of accounting, statistics and information systems in economics, doctor of economic sciences Gamir Akhmetgaleevich Khabirov. Ministry of Agriculture of the Russian Federation; Bashkir State Agrarian University. Ufa, 2019. P. 34–36. (In Russ.)

11. Ilyasova Z. Z., Gizatov A. Ya. Social adaptation and communications in educational and professional activities: a tutorial. Ufa : Bashkir State Agrarian University, 2021. 80 p. (In Russ.)

12. Ilyasova Z. Z., Gizatov A. Ya. An integrated approach to educational work with university students // Horizons of education: materials of the 2nd International scientific and practical conference / editor-in-chief N. V. Chekaleva. Omsk, 2021. P. 178–180. (In Russ.)

13. Nizamov S. S. Features of professional adaptation of cadets // Science and education: current issues of theory and practice : materials of the 4th International scientific and methodological conference. Samara–Orenburg: Samara State University of Railway Engineering, 2024. P. 559–562. (In Russ.)

14. Problems and directions of development of digitalization of the educational sphere of the region in the context of new economic challenges / E. V. Stovba, A. V. Stovba, S. S. Nizamov [et al.] // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2023. No. 10-2. P. 247–254. DOI 10.17513/vaael.3019. (In Russ.)

Информация об авторах:

Гизатов А. Я. – без ученой степени;

Низамов С. С. – кандидат экономических наук.

Information about the authors:

Gizatov A. Ya. – no academic degree;

Nizamov S. S. – Candidate of Economics.

Статья поступила в редакцию 02.11.2024; одобрена после рецензирования 07.02.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 02.11.2024; approved after reviewing 07.02.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья
УДК 316.323.2:316.46

Урал Абубакирович Кашапов¹, Тимур Фуатович Сулейманов²

¹ ФКП Образовательное учреждение № 145, Уфа, Россия, ural.kashapov.2014@mail.ru

² Комиссия по канонизации святых Уфимской епархии Башкортостанской митрополии РПЦ МП, Уфа, Россия, suleimanov1957@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОЖДИЗМА В ЭВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ (ЧАСТЬ II)

Аннотация. Целью настоящей статьи является рассмотрение общих причин и условий возникновения раннего протогосударственного органа власти – института военного вождя, вытекающих из организационных особенностей первичных, присущих поздне родовому обществу видов этнической общности – семье, роду, фратрии, линиджу и, наконец, племенным и межплеменным союзам. Это сопровождалось рассмотрением властно-организационных и политико-управленческих процессов, происходивших в них. Кризис управляемости в указанных этнических общностях на последнем этапе своего существования привел к глубокой трансформации объекта управления (родовой общины) и утрате властных возможностей управляющего субъекта. Выходом из него стало создание в рамках племени постоянно действующего властного органа, основанного не на локальном (общинно-родовом), а на территориальном принципе. Социально-экономические и политические процессы эпохи позднего родового строя обусловили ситуацию, когда таким органом мог быть только институт военного вождя.

Ключевые слова: семья, род, линидж, фратрия, племя, вождь, вождизм, вождество

Для цитирования: Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф. Становление института вождизма в эволюционном процессе развития человеческих общностей (часть II) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 105–113.

Original article

Ural A. Kashapov¹, Timur F. Suleimanov²

¹ FKP Educational Institution No. 145, Ufa, Russia, ural.kashapov.2014@mail.ru

² Commission for the Canonization of Saints of the Ufa Diocese of the Bashkortostan Metropolitanate of the Russian Orthodox Church MP, Ufa, Russia, suleimanov1957@mail.ru

FORMATION OF THE INSTITUTION OF LEADERISM IN THE EVOLUTIONARY PROCESS OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN COMMUNITIES (PART II)

Abstract. The purpose of this article is to consider the general causes and conditions of the emergence of the early proto-state authority – the institution of the military leader, which arise from the organizational features of the primary types of ethnic community inherent in the post-modern society – family, clan, phratry, lineage, and finally, tribal and intertribal unions. This is accompanied by a review of the administrative-organizational processes.

© Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф., 2025

zational and political-management processes that took place in them. The crisis of manageability in them at the last stage of their existence led to a deep transformation of the object of management (tribal community) and the loss of the power of the governing subject. The way out of that was the creation of a permanent government body within the tribe, which was based not on the local (communal-tribal) principle, but on the territorial principle. The socio-economic and political processes of the era of the late tribal system determined the situation when an institution of a military leader could only be such a body.

Keywords: family, clan, lineage, phratry, tribe, chief, leaderism, chiefdom

For citation: Kashapov U. A., Suleimanov T. F. Formation of the institution of leaderism in the evolutionary process of the development of human communities (part II) // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 105–113. (In Russ.)

Введение

Исследование генезиса, природы и форм проявления такого социально-политического феномена, как вождизм, требует обращения к исторической ретроспективе, а конкретнее – к происхождению и развитию этого института властно-управленческих отношений, которые сложились в позднеэволюционном периоде становления межличностных отношений, тех взаимосвязей, которые проявились между управляющими и управляемыми. Важными элементами эволюции родоплеменной системы позднеэволюционного периода выступают род и фратрия.

Методы

С помощью сравнительно-исторического метода были выявлены общее и особенное в становлении и развитии этнических общностей, познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений, в частности, семьи, рода, фратрии, линиджа, племени. Этот метод позволил выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемых объектов, произошедшие изменения, определить тенденции развития. Сравнительно-сопоставительный метод, который является составной частью сравнительно-исторического метода, позволяет исследовать природу этих разнородных объектов; историко-типологическое сравнение объясняет сходство не связанных по своему происхождению явлений одинаковыми условиями их генезиса и развития.

Результаты

Являя собой в чередке этнических общностей одну из важнейших организационно

устроенных и структурированных форм социальной организации, род выступает переходной ступенью в этой иерархии, возводящей происхождение к одному, общему для всех членов рода предку, представляемому основателем рода (физически или мифологически почитаемым), но непременно по отцовской линии. Стройная система мифологических верований, как отмечает А. В. Гребенюк, отсылая в свою очередь к работам зарубежных авторов, выросла на почве практической деятельности сначала рода, затем общины и, наконец, племени [1, с. 28].

Линидж и клан являются двумя основными разновидностями родовой организации. «Дробная и разветвленная структура родов и внутриродовых групп получила название сегментарной организации. По началу имелось всего два уровня таких структур: сами роды (кланы) и их сегменты – линиджи (субкланы)» [2, с. 238].

В системе властных отношений координаты «управления/подчинения» смещались от рода к вождизму в сторону властвования большим числом общин, при этом отличительной чертой рода является отсутствие формальной системы руководства и законов.

Фратрия¹ как объединение нескольких родов одного племени выступала мощным консолидирующим и управляющим началом в межплеменных конфликтах. При разрешении конфликтов вождь воспринимался в качестве сакрального руководителя. Фратрии по своей внутренней организации и, соответственно, социальным функциям могли

¹ Фратрия // Большой юридический словарь / [В. А. Белов и др.] ; под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2 изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). С. 593.

быть экзо- и эндогамными. Функции (организационные, социальные, хозяйственные, ритуальные и т. д.) фратрий были те же, что и у рода, только более усложненные.

В том случае, если необходимо было решать вопросы, подлежащие компетенции сразу нескольких родов, к примеру, при избрании вождя, в силу вступали полномочия фратрий. Несколько фратрий составляли племя. Политическая антропология определяет понятие «племя (потестарное племя)» заменой понятия «вождество» и его аналогами. Вождество представляет собой самостоятельную политическую форму, состоящую из нескольких деревень или общин, которые объединены под непрерывной властью главного вождя. Это была доминирующая форма социальной организации в голоцене. Основным принцип вождества заключается в социальной иерархии, но управление ведется преимущественно через кровнородственные связи. Статус каждого человека зависит от степени его родства с вождем. Вождество может включать не больше одной общины или племени. Его отличие от государства в том, что в последнем правящая элита приобретает профессиональный характер, существует административная структура и армия. Вождество определяется как «промежуточная форма политической организации, в которой уже существуют централизация власти и наследуемая иерархия правителей и знати, проявляется социальное и имущественное неравенство, но отсутствует официальный аппарат принуждения и насилия», что делает его переходной формой между племенной общиной и государством.

При выяснении определения понятия «племя» необходимо понимать два основных значения. По первому из них племя несет определение в общих чертах, которое свойственно всем членам племени и в котором объектив-

но отличаются язык [3], религия¹, происхождение, обычаи и традиции. Во втором случае племя рассматривается политической антропологией как форма политической организации (полития), которая находится на одном уровне с вождеством, отличаясь от последнего договорной или согласованной формой политического управления, в то время как вождество характеризуется явно подчеркнутым авторитарным типом политического лидерства. Для различения этих понятий А. В. Коротаев предлагает выработать определенные критерии, отдав предпочтение тем, что предложил Э. Сервис, который впервые ввел в научный оборот понятие «вождество» (chiefdom) [4, с. 72].

Мысль отечественного автора о трудностях с определениями этнических терминов продолжает зарубежный исследователь П. Джеймс: «Повышенная рефлексивность социальных отношений объясняет, почему сейчас так трудно дать определение таким простым понятиям, как «племя», «раса», «нация» и «этническая принадлежность». Именно поэтому в различных дисциплинах ученые все чаще избегают использования этих концепций. Фактически теоретики склонны проблематизировать термины, чтобы они больше не работали, а затем все равно использовать их. Из-за этого становится все труднее писать что-либо о социальном без тщательного определения каждой унаследованной концепции и изобретения тысячи новых – для решения предполагаемых проблем старого» [5, р. 20].

В этой связи П. Джеймс отмечает: «Понятие «племя», происходящее от традиционного латинского термина *tribus*, обозначает реальные, самовоспроизводящиеся и меняющиеся сообщества, созданные в рамках социального доминирования личной интеграции и живущих в сегодняшнем мире.

¹ На основе вышеперечисленных принципов и широкой эмпирической базы Токарев предлагает следующую концепцию: «К числу древнейших по своему происхождению форм религии можно, по-видимому, отнести: тотемизм; ведовство, вредоносные обряды; знахарство; эротические обряды; погребальный культ; раннеплеменной культ (инициации); промысловый культ; семейно-родовой культ святынь и покровителей; патриархальный семейно-родовой культ предков; шаманизм; нагуализм (культ личных духов-покровителей); культ тайных союзов; культ вождей (курсив – авторы), культ племенного бога; аграрные культы». См.: Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990.

Проблема усложняется тем, что трайбализм может существовать и за пределами традиционных племен» [5, р. 28].

«Первобытная доземледельческая община – самая ранняя из известных науке стадий развития общины. Универсальность общинной организации на этом уровне развития общества связана с жизненной необходимостью ее для общества в целом (его сохранения и стабильности в сложных естественных условиях) и для каждого члена в отдельности. Техническая вооруженность общества слишком низка, а зависимость от природных условий велика для того, чтобы человек мог вести борьбу за существование, не объединяясь с другими людьми. Более того, люди «не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство». К тому же люди по самой своей сущности были и остаются общественными существами. Первобытная община – это естественно сложившийся коллектив, который возник одновременно с появлением человеческого общества и производства; это форма организации совместного хозяйства первобытного социума, ведущего производственный коллектив первобытного общества. Поэтому и вся соответствующая формация с полным основанием может называться первобытно-общинной. Первобытная община определяет социально-экономический облик этой формации» [6; 7].

Характерной чертой позднеродовой общины являлось разделение труда по половому признаку. Оно предопределило разделение властно-управленческих отношений между полами, хотя на первых этапах становления человечества родоплеменные органы власти и управление в целом, как показывает история, оказывались в руках женщин (матриархат).

Преимущественно мужскими занятиями были традиционно те виды присваиваю-

щего и добывающего хозяйства, в которых требовалась сила, сноровка, выносливость и т. д. – охота, рыболовство, земледелие [7] и скотоводство [8]. Собираательство, домашнее хозяйство, воспитание детей, земледелие и скотоводство, т. е. рутинные работы, а также производства, где необходимы были творческие навыки, как например, ткачество, изготовление керамики выпадали на долю женщин.

Еще одной особенностью позднеродового периода являлось существование во многих общинах так называемых мужских домов, куда категорически не допускались женщины. Женские дома встречались гораздо реже мужских. Ярким примером устройства и организации подобных домов являются существовавшие с незапамятных времен в римской истории так называемые советы местных женщин, которые решали частные вопросы самоуправления. В Риме с утверждения сената действовало общество *conventus matronarum* – буквально «общество замужних женщин», собиравшихся на регулярные встречи и обсуждавших важные проблемы, вплоть до политических [1, с. 116].

Гендерное и возрастное неравенство позднеродовой стадии все еще сохранялось, но лишь до определенного времени. Тем не менее этнографические и этноисторические материалы убедительно показывают, что в различных обществах имелось (и имеется) определенное проявление мужского доминирования. Это касается исключительно «внешних» или «внедомашних» сфер, поскольку во «внутренних» делах обычно лидировала женщина. Однако правильное было бы говорить не о «власти», а об «управлении». Здесь подразумевается, что формально главенствующая роль принадлежала мужчине (мужу), тогда как женщина в неофициальной обстановке (хитроумно) умело направляла его действия. «Система племенной организации могла регулировать и управлять общественными процессами до тех пор, пока их основной вектор (а именно – рост имущественного и социального неравенства) не стал вызывать исчезновение

одних и глубокую деформацию других базовых элементов этой системы» [9, с. 53]

В браках патрилокальных¹, матрилокальных², амбилокальных³ и дуолокальных⁴ сохранялся локальный принцип поселения супругов. Переходным этапом от матрилокальности к патрилокальности часто выступала авункулокальность – брачное поселение супругов у дяди по матери или в его группе. В период позднеродовой общины идет процесс дальнейшего укрепления статуса парной семьи⁵.

Таким образом, главными признаками фратрии, рода и племени, в отличие от вождизма, в плане властно-управленческих функций, из которых проистекают и многие другие существенные функции, является то, что они рассматриваются как формы политической организации – политики.

Подробное рассмотрение организационных особенностей брачно-семейных отношений в позднеродовой период позволяет понять общие причины и условия возникновения раннего протогосударственного органа власти – института вождя. Н. И. Грачев в этой связи отмечает, что «с момента формирования относительно крупных этносоциальных образований (фратрий, племен, их союзов) внутри каждого из них развивалось активное структурирование, связанное с естественным процессом общественного разделения труда. Управляющие группировки и слои выделялись внутри родовых общин, особенно внутри племен, путем оформления руководящей роли определенной семьи (семей). Значит, власть передавалась все более по наследству и почти всегда оформлялась генеалогически» [10, с. 11].

В рассматриваемый период некоторые общины претерпевают разграничение власт-

ных полномочий по сферам обеспечения жизнедеятельности, в которых предполагалась военная и судебская власть, знахарство и ведовство, ритуальная власть и прочее. Также в них через фактор имущественного превосходства выделяются вожди за счет личного обогащения и на основе распределения переизбытка проявления щедрости по отношению к общинникам.

Такое положение сложилось вследствие развития так называемой «престижной» экономики (невозможность накопления избыточного продукта и образование особого церемониального дарообмена как особой формы дарения превращало прибавочный продукт в «престиж»). В научной литературе – этнологической и истории первобытного общества эти люди получили название бигмены⁶) – «большие, значительные люди».

Н. И. Грачев отмечает: «Основными органами власти и управления общинами выступали старейшины (их советы), вожди и жрецы, поэтому уже догосударственная власть характеризуется авторитарностью и сакральностью, получает религиозное освящение. Уже в период потестарной (протогосударственной) организации общества происходят выделение и специализация функции управления хозяйственной и иными сферами жизни первобытного общества» [10, с. 11].

В конце I в. описание властно-управленческих структур германских племен оставил нам античный историк Публий Корнелий Тацит в своем произведении «О происхождении и местожительстве германцев», написанном около 98 г. [11, с. 55–82]. Он описывает органы управления у германцев: «Королей выбирают по знатности [рода], вождей по [их воинской] доблести. [При этом]

¹ Патрилокальность (от лат. pater – отец) – супруги живут там, где живет или жил отец мужа.

² Матрилокальность (от лат. mater – мать) – супруги живут в роде матери жены.

³ Амбилокальность (от лат. ambi – оба) – молодые по выбору, в зависимости от разных обстоятельств, селятся там, где до брака жил жених, либо там, где жила невеста.

⁴ Супруги остаются жить каждый в своем доме.

⁵ Данилова В. Ю. История первобытного общества : учебное пособие. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2014. С. 46.

⁶ Бигмен (англ. big man; big-man – большой человек) – термин, используемый в этнографической литературе для обозначения мужчин, пользующихся большим авторитетом и влиянием в своих общинах. Бигмены влиятельны главным образом благодаря своим личным способностям.

у королей нет неограниченной или произвольной власти, и вожди главенствуют скорее [тем, что являются] примером доблести, чем на основании права приказывать; тем, что они энергичны, выделяются [в бою], сражаются впереди войска и этим возбуждают удивление» [11, с. 59].

Высшим органом у германских племен был тинг¹ – народное собрание, куда свободные германцы допускались с оружием для решения военных вопросов и выбора военных предводителей. Голосование (одобрение или недовольство) выражалось через удары мечей о щиты. «О менее значительных делах совещаются старейшины (principes), о более важных – все, причем те дела, о которых выносит решение народ (plebs), [предварительно] обсуждаются старейшинами» [10, с. 61]. Далее: «Во время сражения вождю стыдно быть превзойденным храбростью [своей дружиной], дружине же стыдно не сравняться с вождем; вернуться же живым из боя, в котором пал вождь, значит, на всю жизнь покрыть себя позором и бесчестьем; защищать его, оберегать, а также славе его приписывать свои подвиги – в этом главная присяга [дружинника]: вожди сражаются за победу, дружинники – за вождя» [11, с. 63].

Функции военных вождей (duces) и королей (reges), избираемых народным собранием, описал Гай Юлий Цезарь в своем знаменитом сочинении «Записки о галльской войне» [11, с. 55–83]. Их он еще различить не смог; возможно, короли командовали всем ополчением, а вожди – отдельными отрядами. «Когда племя ведет наступательную или оборонительную войну, то избираются должностные лица, несущие обязанности военачальников и имеющие право распоряжаться жизнью и смертью [членов племени во время войны]. Во время войны у племени нет общего правителя; лица, занимающие первенствующее положение в отдельных областях и округах, творят там суд и улаживают споры» [11, с. 29].

А. А. Шепталин указывает: «Практически у всех первобытных догосударственных обществ исследователи отмечают наличие основанных на авторитете потестарных структур, как индивидуальных, так и коллективных (вожди, главари, старосты, жрецы, шаманы, колдуны, советы старейшин, советы групп, советы племен, межплеменные советы и т. п.), которые в большинстве случаев достаточно эффективно выполняли функцию контроля поведения членов социума, в том числе приговаривая к различным наказаниям за нарушения» [11, с. 171].

Корнелий Тацит о наказаниях пишет следующее: «Однако ни казнить, ни заключать в оковы, ни подвергать телесному наказанию не позволено никому, кроме жрецов, да и то не в виде наказания и по распоряжению вождя, но как бы по велению бога, который, как они говорят, присутствует среди сражающихся; в битвах они несут взятые из роц священные изображения и значки» [11, с. 59].

Возникшее вследствие захвата имущества и рабов неравенство вело к тому, что вожди начали требовать подношений себе от рядовых общинников. Предгосударственные отчисления в страховые фонды и приношения вождям не всегда легко отличались от государственных податей. Отличие часто видят в фиксированности податей, но и фиксированные подати иногда, как кое-где в Океании и Тропической Африке, появлялись уже в догосударственное время [2, с. 323].

Захваченные в войнах между племенами пленные, превращавшиеся в рабов, перераспределялись по преимущественному принципу [13]. Старшее поколение как наиболее опытное имело преимущество и их авторитет признавался непререкаемым.

Разбогатевший человек, в особенности если это был бигмен или вождь, чтобы не лишиться авторитета и влияния, должен был устраивать пышные пиры, щедро одаривать родичей, соседей и гостей, помогать нуждав-

¹ Тинг (сканд. ting, исл. þing, нем. Tag – Tag) – древнескандинавское и германское народное собрание (съезд), состоящее из свободных мужчин страны или области. Таги и Тинги, как правило, имели не только законодательные полномочия, но и право избирать вождей или королей. Под скандинавским влиянием тинги появились в северной Англии и на острове Мэн. В славянских государствах и странах аналогом тага и тинга являлось вече.

шимся и т. п. Скупой богач не только лишался авторитета, но и мог потерять имущество. Так, у некоторых оленеводческих народов Сибири в XVII – XVIII вв. отдельная семья не должна была иметь стада более чем в сто голов, а все поголовье сверх этого, если оно не раздавалось добровольно, отбиралось родственниками и соседями. Бывало, что скупца убивали. Хрестоматийным примером этого служит случай из быта папуасов, когда общинники заставили северо-западных индейцев, ближайших родственников богача, застрелить его из лука со словами: «Ты не должен быть единственным богатым человеком, мы все должны быть равны, ты всего лишь равен нам» [2, с. 305].

Нарушение установленных обычаями и традициями норм влекло для преступившего их наказание. В то же время «члены линиджа, рода, общины могли заступиться за своего, пусть даже и виновного, члена, но могли и выдать его обиженным. Все же значительно чаще за своего заступались, а в случае его смерти мстили. Так получила развитие кровная или родовая месть» [2, с. 245].

«С переходом к классовому обществу род в конечном счете рано или поздно исчезал. Из взгляда на родовые отношения как на фундамент первобытного общества неизбежно вытекало понимание перехода от этого общества к классовому как процесса прежде всего разложения родового строя» [14, с. 52].

Для периода первобытной соседской общины характерен процесс складывания государственно-управленческих институтов и, в частности, получил оформление такой из них, который в академических кругах получил наименование политогенез. «Для различения раннего государства и его аналогов требуются специальные критерии (те, что отличают ранние государства и их аналоги от стадияльно догосударственных обществ): 1) особые свойства верховной власти; 2) новые принципы управления; 3) нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества; 4) редистрибуция власти» [15, с. 3].

А. В. Прохоров в своей статье «К вопросу о возникновении протогосударственного органа власти – института военного вождя» подробно рассматривает:

- процесс возникновения протогосударственного органа – института военного вождя (разложение родоплеменного строя, кризис племенной организации власти, причины и условия возникновения постоянного института власти военного вождя);

- особенности организации института племенной организации военного вождя;

- компетенцию и способы обеспечения военного вождя;

- нормы и правила, господствующие в племенной организации, призванные обеспечить властно-управленческие функции вождя;

- роль дружины в обеспечении социально-политической значимости княжеской власти и т. д. [9, с. 55].

Заключение

Процесс зарождения и становления протогосударственных форм правления и, в частности, возникновения института военного вождя проходил через различные этапы трансформации межличностных отношений, и нам представляется удалось проследить это сквозь призму становления властно-управленческих структур в системе этнических общностей – семьи, рода, фратрии, линиджа, племени и племенных союзов.

Очевидно, что с нарастанием частнособственнических тенденций произошла трансформация в структуре родственных отношений и пластичность властно-управленческих, организационно-консолидирующих форм человеческого общежития видоизменялась в сторону жесткого руководства общиной, причем с тенденцией маскулинности – преобладания мужского начала первоначально в семье, затем – в роду, далее – в фратрии, линидже и, наконец, – на уровне племенных и межплеменных отношений.

Следует отметить, что становление новых этнических образований и в итоге бюрократических обществ с элементами властно-управленческих функций происходило в истории на базе трех-четырех основных

(и энного числа пограничных) форм. Каждой из них соответствовали свои типы исходных элементов: неоклассическая родовая община (отличавшаяся от классической частичной индивидуализацией хозяйствования), линидж и малая семья, а также и типы господствовавших внутри них связей людей: родовой, родственной, соседской.

Какая из этих форм оказывалась базовой в том или ином случае, определялось внешними условиями бытия конкретных этносов и в первую очередь историческими и природно-географическими особенностями мест их обитания. Для запуска процессов «потестаризации» и бюрократизации, становления властно-управленческих структур содержательно необходимо было лишь одно – возникновение больших и сложных социо-политизированных образований, одним из которых становится институт вождизма.

Соответственно, линидж как социальное образование можно считать переходной

формой на пути становления и укрепления все более укореняющейся властной организации преобладания одних ленов сообщества над большинством соплеменников и ступенью к утверждению института вождизма.

Главными признаками фратрии, рода и племени, в отличие от вождизма, в плане властно-управленческих функций, из которых проистекают и многие другие существенные функции, является то, что складывающиеся в них структуры политической организации, получившие в этнологической и антропологической литературе термин «полития», в плоскости властвования находились на одном уровне с вождеством, но отличались от него политическим лидерством консенсуального типа, в котором пока преобладали элементы равноправия и взаимозависимости, в то время как вождество характеризуется авторитарным правлением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гребенюк А. В. Рим: путь к империи. От латенов до Христа. М. : Вече, 2019. 352 с.
2. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М. : Высш. шк., 1990. 351 с.
3. Бурлак С. А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М. : Альпина нон-фикшн, 2012. 640 с.
4. Коротаяев А. В. «Апология трайбализма»: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 68–86.
5. James P. Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In. London : SAGE Publications, 2006. 369 p.
6. Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. 304 с.
7. Новиков Ю. Ф. О возникновении земледелия // Советская археология. 1959. № 4. С. 29–41.
8. Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М. : Наука, 1980. 334 с.
9. Прохоров А. В. К вопросу о возникновении протогосударственного органа власти – института военного вождя // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 6. С. 52–58.
10. Грачев Н. И. Публичная власть как политико-правовая категория: понятие, основные признаки и формы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 8–18.
11. Древние германцы. Сборник документов / сост. Б. Я. Граков, С. П. Моравский, А. И. Неусыхин ; введ. ст. и ред. Л. Д. Удальцов. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 226 с.
12. Шепталин А. А. Генезис и эволюция института наказания в первобытном обществе // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1-4). № 2. С. 169–188.
13. Першиц А. И. Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т. / А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман ; [Рос. АН, Ин-т этнологии и антропологии]. М. : ИЭИА, 1994. Т. 1. 175 с.
14. Семенов Ю. И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 52–70.

15. Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / отв. ред. В. А. Попов. М. : Издат. Фирма «Восточная Литература» РАН, 1995. 350 с.

REFERENCE

1. Grebenyuk A.V. Rome: the path to empire. From the Latens to Christ. M. : Veche, 2019. 352 p. (In Russ.)
2. Alekseev V. P., Pershits A. I. History of primitive society. M. : Higher. school, 1990. 351 p. (In Russ.)
3. Burlak S. A. Origin of language. Facts, research, hypotheses. M. : Alpina non-fiction, 2012. 640 p. (In Russ.)
4. Korotaev A. V. "Apology for tribalism": Tribe as a form of socio-political organization of complex non-primitive societies // Sociological Journal. 1995. No. 4. P. 68–86. (In Russ.)
5. James P. Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In. London : SAGE Publications, 2006. 369 p.
6. Kabo V. R. Primitive pre-agricultural community. M. : Nauka, Main Editorial Board of Eastern Literature, 1986. 304 p. (In Russ.)
7. Novikov Yu. F. On the emergence of agriculture // Soviet archeology . 1959. No. 4. P. 29–41. (In Russ.)
8. Shnirelman V. A. The Origin of Cattle Breeding. M. : Nauka, 1980. 334 p. (In Russ.)
9. Prokhorov A. V. On the Issue of the Emergence of a Proto-State Authority – the Institute of Military leader // Public Service, 2018. Vol. 20. No. 6. P. 52–58. (In Russ.)
10. Grachev N. I. Public authority as a political and legal category: concept, main features and forms // Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (55). P. 8–18. (In Russ.)
11. Ancient Germans. Collection of documents / compiled by B. Ya. Grakov, S. P. Moravsky, A. I. Neusykhin; introduction and editorship by L. D. Udaltsov. M. : State Socio-Economic Publishing House, 1936. 226 p. (In Russ.)
12. Sheptalin A. A. Genesis and evolution of the institution of punishment in primitive society // Man: crime and punishment. 2019. Vol. 27 (1-4). No. 2. P. 169–188. (In Russ.)
13. Pershits A. I. War and Peace in the Early History of Mankind: in 2 volumes / A. I. Pershits, Yu. I. Semenov, V. A. Shnirelman; [Russian Academy of Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology] . M. : IEIA, 1994. Vol. 1. 175 p. (In Russ.)
14. Semenov Yu. I. Transition from Primitive Society to Class Society: Paths and Variants of Development // Ethnographic Review. 1993. No. 1. P. 52–70. (In Russ.)
15. Early forms of political organization: from primitiveness to statehood / ed. V. A. Popov. M. : Publishing house. Firm «Eastern Literature» of the Russian Academy of Sciences, 1995. 350 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кашапов У. А. – кандидат исторических наук;
Сулейманов Т. Ф. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors:

Kashapov U. A. – Candidate of History;
Suleimanov T. F. – Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 02.11.2024; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 02.11.2024; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья
УДК 364.06(470.57)

Юлия Владимировна Мигунова
Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Научный центр изучения социального развития региона, Уфа, Россия, migunovayuv@isi-rb.ru, ORCID: 0000-0003-0634-2135

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРОВ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ПОДДЕРЖКУ СЕМЬЕ С ДЕТЬМИ, ИМЕЮЩИМИ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗДОРОВЬЯ, В ОЦЕНКАХ РОДИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН¹

Аннотация. Актуальность темы обоснована ростом численности детей с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью как по России в целом, так и в Республике Башкортостан. Специализированные, в том числе ресурсные, центры исследуются как социальные институты, призванные оказывать социально-психологическую помощь семьям, воспитывающим детей с особенностями развития. В рамках социологического исследования, проведенного в 2024 г. в Республике Башкортостан методом стандартизированного анкетирования, была дана оценка деятельности центров, оказывающих психолого-педагогическую, медицинскую и социальную помощь, с точки зрения родителей детей с ограниченными возможностями здоровья. Полученные результаты показали, что большинство опрошенных не посещают такие центры. Среди тех, кто пользуется их услугами, делают это по двум причинам: с целью получения необходимых консультаций специалистов по вопросам образования и оказания психологической помощи, а также для того чтобы участвовать в мероприятиях и получать соответствующую информацию. Выявлена высокая потребность в коррекционно-развивающих занятиях с детьми, а также в психолого-педагогическом сопровождении семьи в целом.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью; семья, воспитывающая ребенка с особенностями развития; родители; Республика Башкортостан; ресурсные центры; психолого-педагогическое сопровождение; психологическое консультирование

Для цитирования: Мигунова Ю. В. Деятельность центров, оказывающих социально-психологическую поддержку семье с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, в оценках родителей Республики Башкортостан // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 114–123.

Original article

Yulia V. Migunova
Institute of Strategic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Scientific Center for the Study of Social Development of the Region, Ufa, Russia, migunovayuv@isi-rb.ru, ORCID: 0000-0003-0634-2135

ACTIVITIES OF CENTERS PROVIDING SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT TO FAMILIES WITH CHILDREN WITH DISABILITIES, AS ASSESSED BY PARENTS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Abstract. The relevance of the topic is justified by the growing number of children with disabilities both in Russia as a whole and in the Republic of Bashkortostan. Specialized centers, including resource centers,

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИСИ ГБНУ АН РБ.

are studied as social institutions designed to provide social and psychological assistance to families raising children with special needs. As part of a sociological study conducted in 2024 in the Republic of Bashkortostan using a standardized questionnaire, an assessment was made of the activities of centers providing psychological, pedagogical, medical and social assistance from the point of view of parents of children with disabilities. The results showed that most respondents do not visit such centers. Among those who use their services, they do so for two reasons: in order to receive the necessary consultations from specialists on education and psychological assistance, as well as in order to participate in events and receive relevant information. A high need was identified for corrective and developmental classes with children, as well as for psychological and pedagogical support for the family as a whole.

Keywords: children with disabilities; family raising a child with special needs; Republic of Bashkortostan; resource centers; psychological and pedagogical support; psychological counseling

For citation: Migunova Yu. V. Activities of centers providing socio-psychological support to families with children with disabilities, as assessed by parents of the Republic of Bashkortostan // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 114–123. (In Russ.)

Введение

В современных условиях российской действительности проблема детской инвалидизации приобретает важное социальное значение. За последние несколько лет количество детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и инвалидностью увеличилось на 3,6 % (с 2021 по 2023 г.). За этот период в Приволжском федеральном округе прирост показателя составил 4,3 %. Такие же высокие значения детской инвалидности фиксировались в 2023 г. в Республике Татарстан (17 930 чел.), Нижегородской (13 551 чел.) и Самарской областях (12 943 чел.). Наименьшие показатели по численности детей-инвалидов регистрировались в республиках Мордовии (2 470 чел.), Марий Эл (2 707), Кировской области (4 945) и Чувашской республике (4 954).

Республика Башкортостан входит в число лидеров по количеству проживающих в ней детей-инвалидов, численность которых за последние три года возросла почти на 6,8 %¹.

Если исследовать количество детей-инвалидов в разрезе возрастных групп, то незначительное снижение их численности наблюдалось в возрастной когорте 0–7 лет: убыль показателя составила 4,4 % (с 207 879 чел.

в 2021 г. до 198 781 в 2023 г.). Напротив, в этот же период количество детей-инвалидов школьного возраста (8–17 лет) увеличилось на 6,8 %².

В этой ситуации особым образом обостряются социально-психологические, образовательные проблемы семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ и инвалидностью [1; 2].

Необходимо понимать, что воспитание ребенка с ОВЗ и инвалидностью создает не только серьезное эмоционально-психологическое напряжение у всех членов семьи, но и требует от нее дополнительных социально-адаптационных ресурсов, выступая постоянным источником стрессовых ситуаций. По мнению исследователей, ограничения в состоянии здоровья детей не столько являются проблемой данного ребенка, сколько включают в орбиту социальной дезадаптации всю семью, которая, подобно своему «особенному» ребенку, также испытывает целый ряд ограничений разного характера. Появление ребенка с проблемами в развитии приводит к значительной трансформации взаимоотношений внутри самой семьи, к изменению ролей ее членов, образа жизни, наконец, ее структуры [3; 4]. Профессиональная социально-психологическая помощь такой семье необходима уже на ранних этапах развития ребенка. Далее по мере его

¹ Численность инвалидов по группам инвалидности по субъектам Российской Федерации // База данных ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62498> (дата обращения: 26.08.2024).

² Численность инвалидов по полу, возрасту по Российской Федерации // База данных ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62497> (дата обращения: 26.08.2024).

роста и взросления семье также требуется психолого-педагогическое сопровождение и консультирование.

В соответствии с законодательством Российской Федерации эти функции берут на себя центры психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи (далее – ППМС-центр), специально созданные для оказания такого рода поддержки¹, а также ресурсные центры, как правило, функционирующие на базе наиболее передовых государственных образовательных учреждений. Основной задачей деятельности ресурсных центров является развитие системы инклюзивного образования [5; 6]. По данным Министерства образования и науки Республики Башкортостан, в республике на базе государственных коррекционных общеобразовательных организаций открыты 16 региональных ресурсных центров для развития системы инклюзивного образования².

Необходимость раннего обращения в центры психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи связана с возможностью развития ребенка с ограничениями на ранних этапах его становления с тем, чтобы семья как можно быстрее приняла своего нового члена, признала его особенности и была готова сотрудничать со специалистами с целью дальнейшего развития ребенка и укрепления детско-родительских отношений [7; 8].

Деятельность ППМС-центров как социальных институтов, созданных для оказания помощи семье, воспитывающей ребенка с ОВЗ и инвалидностью, должна осуществляться в зависимости от возрастных особенностей ребенка, начиная с самого раннего возраста. Также организовываются группы раннего развития для маленьких детей совместно с родителями, всевозможные творческие групповые и индивидуальные

занятия для дошкольников, а также группы подготовки к школе.

При наличии специалистов на базе таких центров, кроме психологического консультирования семьи, работы с детским психологом, логопедом, а также занятий с дефектологом, организован прием у детских психотерапевта и невролога. Не менее востребована индивидуальная психотерапевтическая работа с родителями. Эти формы работы с семьей позволяют выявить трудности, с которыми родители сталкиваются в процессе воспитания и обучения «особого» ребенка, выработать правильное отношение к характерным чертам его развития. Благодаря таким занятиям члены семьи ребенка с ОВЗ и инвалидностью учатся давать самооценку своим педагогическим навыкам и настроены на сотрудничество со специалистами [9; 10; 11].

В целях повышения эффективности психолого-педагогической работы с ребенком с ОВЗ и инвалидностью предлагается составить индивидуальный маршрут его развития, разрабатываемый на основе изучения анамнеза развития ребенка, результатов его диагностического обследования, анализа бесед с родителями и данных анкет. В указанный маршрут также включается коррекционно-развивающая программа, вырабатывающая навыки социальной адаптации не только у самого ребенка, но и у его семьи. Кроме того, программа способствует усвоению учебного материала, если речь идет о школьнике [12; 13].

Таким образом, занятия как в ППМС-центрах, так и в ресурсных центрах формируют у членов семьи ребенка с ОВЗ и с инвалидностью толерантное отношение к особенностям его развития, установку на положительные формы общения с ним, активную жизненную позицию в вопросах его воспитания и образования³ [14; 15].

¹ Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Министерство образования и науки Республики Башкортостан. URL: <https://education.bashkortostan.ru/> (дата обращения: 23.01.2025).

³ Защищенное детство – модель психолого-педагогического сопровождения семей, имеющих детей-инвалидов // Каталог НКО. URL: <https://so-nko.ru/praktiks/8545> (дата обращения: 30.10.2024).

Методы

С целью изучения качества образовательной среды для детей с ОВЗ и инвалидностью в 2024 г. сотрудники Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан совместно с Минобрнауки Республики Башкортостан провели социологическое исследование, представляющее собой стандартизированное анкетирование родителей, чьи дети имеют ограничения по состоянию здоровья, но тем не менее обучаются в общеобразовательных школах республики. Объем выборки составил 4 833 чел. Социологическим исследованием было охвачено 62 муниципальных образования республики, условно подразделявшихся на г. Уфу (было опрошено 697 чел.), другие города Республики Башкортостан (далее – РБ) (1 845 чел.), районные центры (486 чел.) и сельскую местность (1 805 чел.).

В большинстве случаев в качестве респондентов выступили мамы детей с ОВЗ (90,4 % по РБ), реже – законные представители (5,1 %) и папы (2,8 %). В наибольшем количестве возраст респондентов, принявших участие в исследовании, пришелся на интервалы 30–39 лет (48,4 %) и 40–49 лет (39,3 %).

Распределение детей с ОВЗ по полу в результатах исследования соответствует данным официальной статистики¹. Наиболее часто «особенные» дети встречаются среди мальчиков. В целом по РБ 65,9 % респондентов являются родителями мальчиков с ОВЗ, 34,1 % – девочек, в общем виде такое распределение экстраполируется на все виды населенных пунктов участников опроса.

В среднем по республике у детей 33,3 % респондентов кроме статуса ОВЗ имеется инвалидность. Судя по полученным ответам, исключение составила только Уфа, где детей с ОВЗ и с инвалидностью было 56,0 %.

Результаты

По типу семьи респонденты чаще принадлежат к полной семье (72,8 % в РБ). Тем не менее почти треть опрошенных родителей воспитывают ребенка с ОВЗ в неполной семье (27,2 % в РБ), что может создавать дополнительные трудности в обучении и адаптации таких детей.

Большинство респондентов оценили достаток семьи как средний (71,0 %), не испытывают материальных затруднений 24,0 % респондентов, в тяжелом финансовом положении находятся 5,1 % участников опроса в целом по Республике Башкортостан. В зависимости от места жительства структура ответов респондентов менялась: в г. Уфе меньше респондентов, которые не имеют материальных затруднений (17,9 %), чем по республике в целом (24,0 %) и в других муниципальных образованиях (в других городах РБ – 23,6 %, в районных центрах – 24,4 %, в селах и деревнях – 26,5 % респондентов не имеют материальных трудностей). Вместе с тем по г. Уфе больше респондентов, которые оценили свое финансовое положение как тяжелое – 6,8 % (по РБ – 5,1 %, в других городах РБ – 4,2 %, в районных центрах – 4,3 %, в селах и деревнях – 5,5 %) [16].

К ППМС-центрам относятся 13 семейных центров, имеющих в своем составе 109 подразделений во всех муниципальных образованиях республики, а также 5 реабилитационных центров для детей и подростков с ОВЗ².

Вопрос посещаемости этих центров приобретает особую актуальность (рис. 1).

В целом по РБ большинство опрошенных не ходят в такие центры (62,2 %). Число посещающих эти учреждения почти в 2 раза ниже, чем количество тех, кто их не посещает (37,8 %), что свидетельствует об отсутствии возможностей у родителей приходить в данные учреждения. В поселенческом разрезе отсутствие таких возможностей наблюдалось

¹ Положение инвалидов. Уровень инвалидизации в Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения 14.02.2024).

² Министерство семьи, труда и социальной защиты Республики Башкортостан. URL: <https://mintrud.bashkortostan.ru/activity/15532/> (дата обращения: 23.01.2025).

по всем территориям, кроме г. Уфы, (47,2 %). Скорее всего, это связано с недостаточным количеством этих центров, сложностями их территориального расположения, а также с отсутствием полной информации у респондентов о работе центров. Также это может указывать на неудовлетворенность респондентов предлагаемой помощью: возможно, родители не смогли получить необходимую в их ситуации поддержку. Однако точно нельзя говорить об отсутствии потребности у семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ и инвалидностью, в профессиональной помощи специалистов данных центров.

В случае, если семья обратилась за необходимой помощью, то нужно понять, каким образом такая поддержка оказывается. Судя по данным (рис. 2), отражающим ситуацию в регионе, наибольшей популярностью у опрошенных родителей пользуются консультации педагога, логопеда, дефектолога по вопросам обучения детей (33,0 %) и психолога для родителей (32,2 %). На втором месте по выбору формы взаимодействия семьи со специалистами находятся варианты «информирование родителей» (23,1 %) и «реализация совместных проектов, общешкольных мероприятий» (20,3 %). Родительским клубам, школам родителей, школам приемных родителей отдали предпочтение всего 3,1 % опрошенных. Еще меньше респондентов сообщили, что с их семьей работают волонтеры и тьюторы.

Анализ данных в поселенческом разрезе показал повторение региональных тенденций практически во всех типах поселений: большинство респондентов сами посещают консультации психолога (г. Уфа – 32,0 %, другие города РБ – 32,5 %, районные центры – 37,0 %, сельская местность – 30,7 %), также консультируются с педагогами, логопедами, дефектологами по вопросам обучения (г. Уфа – 37,3 %, другие города РБ – 36,4 %, районные центры – 31,3 %, сельская местность – 28,2 %), используют разнообразные формы информирования (г. Уфа – 35,9 %, другие города РБ – 36,3 %, районные центры – 40,3 %). Исключение составляют ответы, полученные в сельской местности,

в которых 22,5 % респондентов в качестве формы взаимодействия со специалистами выбрали реализацию совместных проектов, общешкольных мероприятий.

Ответы респондентов на следующий вопрос показывают осведомленность опрошенных родителей на предмет деятельности образовательных учреждений и специализированных центров по подготовке, консультации и сопровождению родителей и детей с ОВЗ и инвалидностью (рис. 3).

В плане психолого-педагогического сопровождения наиболее известны для опрошенных родителей в Республике Башкортостан психолого-медико-педагогические комиссии (далее – ПМПК) (71,4 %), что указывает на их активную работу с населением не только по вопросам образования детей с ОВЗ и инвалидностью, но в плане сопровождения семей, воспитывающих детей с особыми потребностями (г. Уфа – 79,9 %, другие города РБ – 71,6 %, районные центры – 68,5 %, сельская местность – 68,6 %). Из всех представителей обследуемых территорий республики уфимцы больше всего осведомлены о работе ПМПК, что нельзя не расценивать положительно.

Несмотря на такую осведомленность, внушительная часть респондентов все же не знает о работе образовательных учреждений и специализированных центров по подготовке, консультации и сопровождению родителей и детей с ОВЗ и с инвалидностью (26,1 %). Более половины опрошенных, проживающих в районных центрах (28,0 %) и сельской местности (28,6 %), не знают о деятельности таких учреждений. Закономерно, что численность тех, кто ничего не знает об этих организациях, меньше всего в г. Уфе – 19,9 %. Результаты, полученные в целом по республике (26,1 %), обнаруживают проблему низкой информированности населения по вопросам деятельности образовательных учреждений и специализированных центров, готовых оказывать необходимую поддержку семье, воспитывающей ребенка с ОВЗ и с инвалидностью.

В ответах родителей, проживающих в г. Уфе, выявлен достаточно высокий процент

опрошенных, в сравнении с ответами респондентов других территориальных образований республики (13,2 %), которые информированы о деятельности Республиканского ресурсного центра. Респонденты из других городов РБ больше, чем остальные жители республики в целом (9,4 %) и больше, чем те, кто проживает в районных центрах (9,5 %) и сельской местности (7,4 %), осведомлены о возможностях дошкольных образовательных учреждений в подготовке, оказании консультаций и сопровождении родителей и детей с ОВЗ и с инвалидностью – 12,3 %.

Исследуя востребованность для детей с ОВЗ и инвалидностью коррекционно-развивающих занятий, обнаруживаем, что эта потребность велика в отношении индивидуальных (62,7 %) и групповых занятий с психологом (55,9 %), индивидуальных (55,6 %) и групповых занятий с логопедом (49,9 %). В г. Уфе, других городах РБ и районных центрах востребованность в индивидуальных и групповых занятиях с психологом и логопедом была выше среднереспубликанских значений (рис. 4.)

Также высока потребность детей с ОВЗ и инвалидностью в психолого-педагогическом сопровождении. С точки зрения родителей, их детям особенно необходимы развитие в творческих мастерских (60,1 %), глубокая профориентационная работа (58,14 %), участие социального педагога (57,6 %). Помимо востребованности в этих видах психолого-педагогического сопровождения, жители столицы республики (63,7 %) и районных центров (57,2 %) также указали на неудовлетворенную потребность в педагогах дополнительного образования.

Заключение

Итак, в заключение необходимо выделить основные моменты рассматриваемой проблемы.

Вследствие увеличения численности детей-инвалидов в России остро встает вопрос об оказании помощи семье, воспитывающей ребенка с особенностями развития.

В соответствии с законодательством необходимую поддержку таким семьям оказывают два вида учреждений – ППМС-центры

и ресурсные центры на базе образовательных организаций. Отличие этих центров друг от друга состоит в том, что деятельность ППМС-центров главным образом направлена на психолого-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих ребенка с ОВЗ и с инвалидностью. Здесь в основном решаются проблемы психологического притяжения ребенка семьей, взаимоотношений ее членов между собой, наконец, задачи социальной адаптации ребенка в социуме. Деятельность ресурсных центров республики в основном направлена на развитие инклюзивного образования, повышение качества и доступности образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью.

Результаты социологического исследования среди родителей, воспитывающих детей с ограничениями, показали, что большинство опрошенных не посещают ППМС-центры (62,2 %). Вероятно, это связано с недостаточным количеством таких центров в республике, а также с отсутствием информации об их работе.

Между тем среди тех, кто все же посещает подобные центры, 65,2 % делают это с целью получения консультаций специалистов по вопросам обучения детей с ОВЗ и инвалидностью и для собственной психологической поддержки; 43,4 % предпочитают участвовать в различных мероприятиях, семинарах, круглых столах, совместных проектах на базе данных специализированных центров.

Самой распространенной формой психолого-педагогического сопровождения для семьи, воспитывающей ребенка с проблемами в развитии, являются ПМПК (71,4 %), что опосредованно указывает на высокую эффективность работы комиссий.

Одной из причин высокой востребованности в специалистах, занимающихся коррекционно-развивающей работой с детьми с ОВЗ и инвалидностью, оказывающих семье психолого-педагогическое сопровождение, является кадровый дефицит в данной сфере. Поэтому в целях его преодоления предлагается активнее внедрять систему перспективного планирования кадров, применять меры

стимулирующего характера, тем самым закрепляя педагогов, работающих с «особенными» детьми, на рабочих местах. Кроме того, необходимо усилить работу в плане переобучения и переквалификации педагогических работников и специалистов как для сферы специального образования, так и для психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ и с инвалидностью.

Таким образом, вопрос расширения сферы деятельности ППМС-центров, работающих с семьями «особенных» детей, остается открытым, поскольку большинство их родителей, проживающих в республике, не пользуются услугами подобных центров, хотя потребность в них есть. Это обстоятельство, в свою очередь, снижает адаптационный потенциал не только собственно ребенка, но и его семьи в целом.

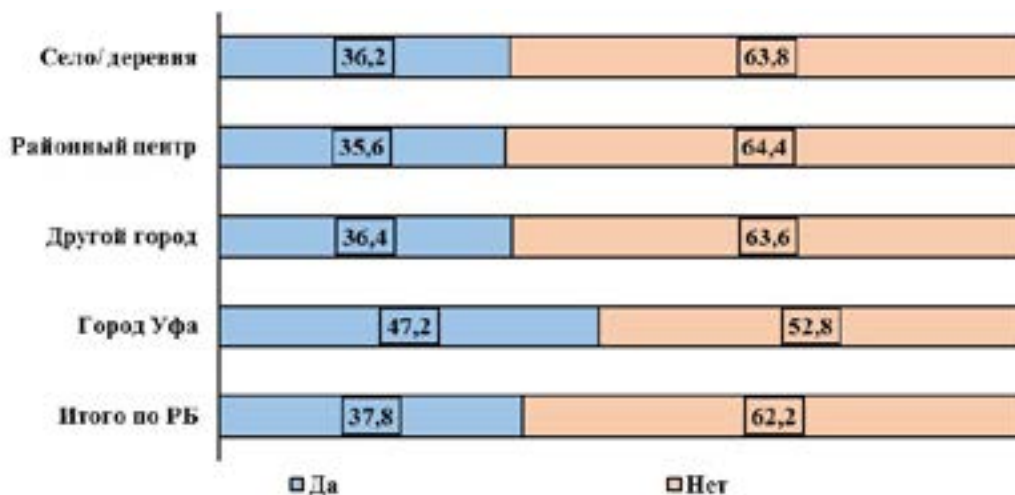

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Посещаете ли Вы с ребенком психолого-педагогические, медицинские и социальные центры, где семье оказывается помощь?», в %

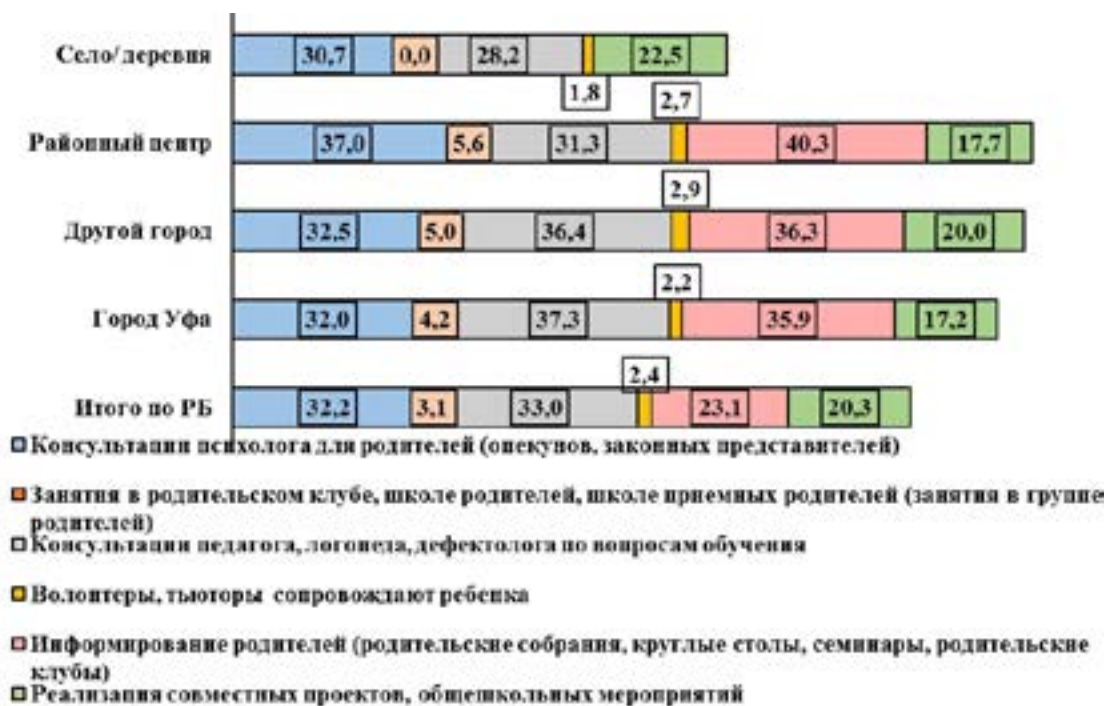

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В какой форме специалисты оказывают помощь Вашей семье?», в %

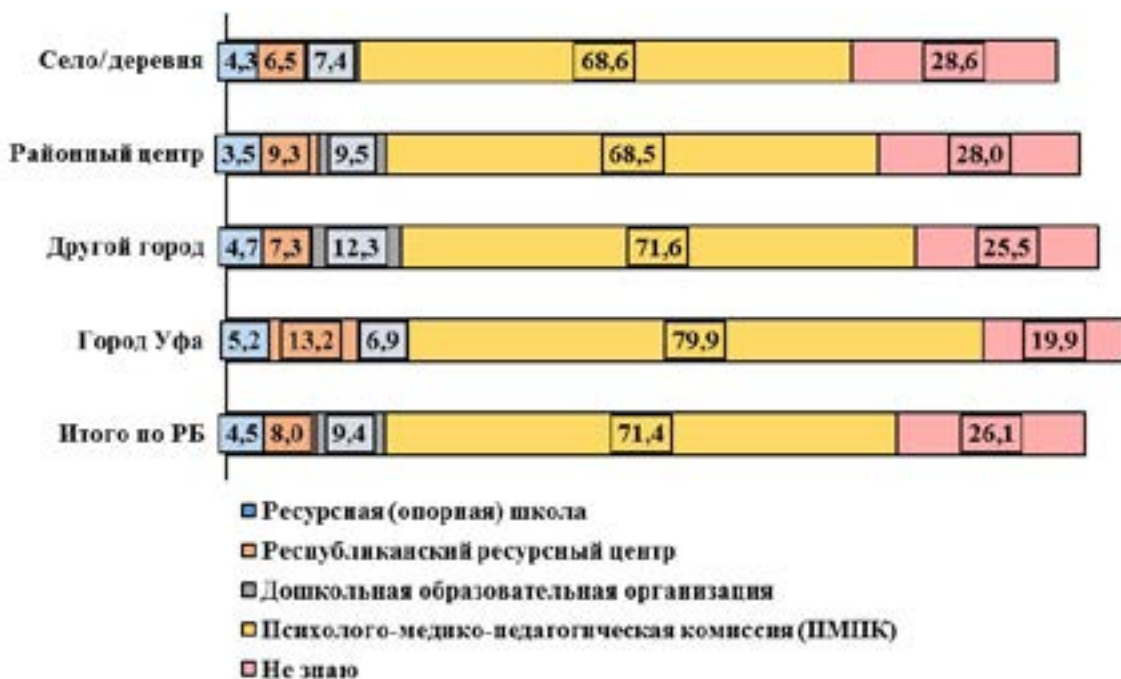

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие образовательные учреждения и специализированные центры по подготовке, консультации и сопровождению родителей и детей с ОВЗ и инвалидностью Вы знаете?», в %

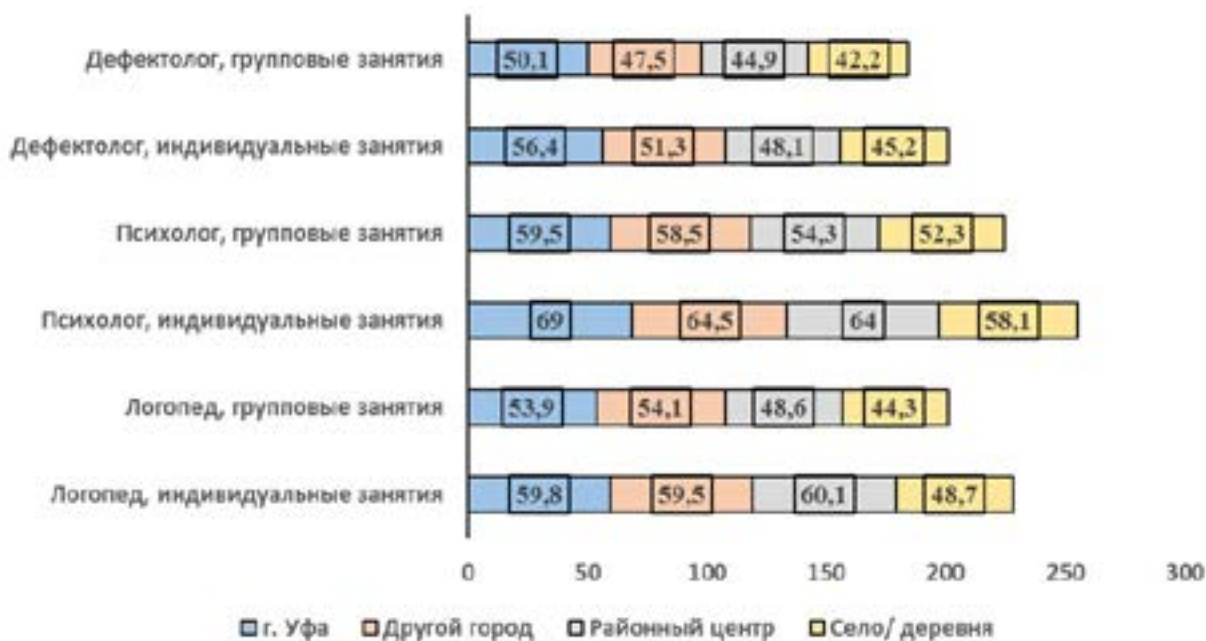

Рис. 4. Востребованность специалистов, осуществляющих коррекционно-развивающие занятия с детьми с ОВЗ и инвалидностью, в %

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гимаев И. 3. Система образования детей с ограниченными возможностями здоровья как объект научного исследования // Society and Security Insights. 2024. Т. 7. № 2. С. 156–168.
2. Селиванова С. С. Тенденции адаптации системы общего образования для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 1 (17). С. 349–362.

3. Столь А. В. Информационная поддержка семей с детьми с ОВЗ и с инвалидностью // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной Году семьи в России. Улан-Удэ, 2024. С. 241–243.

4. Бабич Е. Г. Имидж семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете : сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах. М., 2015. С. 377–379.

5. Ульянова И. А. Особенности модели управления инновационной деятельностью в рамках районного центра психолого-педагогической медицинской и социальной помощи // Инклюзия в образовании. 2024. Т. 9. № 2 (34). С. 76–90.

6. Гапоненко К. С. Создание доступной среды для маломобильных групп населения // Психология, социология и педагогика. 2017. 10 (73). С. 7.

7. Ворошнина О. Р. Сопровождение депривированного материнства в условиях взаимодействия с ребенком младенческого возраста группы риска и с нарушениями развития // Европейский журнал социальных наук. 2018. № 11. С. 229–234.

8. Цилюгина И. Б. Психолого-педагогические проблемы семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы. 2022. № 1-4 (62). С. 185–188.

9. Ростовская Т. К., Шимановская Я. В. Социально-психологические особенности семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2017. № 4 (143). С. 49–60.

10. Чемерилова И. А., Иванова Е. К. Современная практика сопровождения семей, воспитывающих детей с ОВЗ // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 203–205.

11. Боярова Е. С. Психологическое сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья // Внешкольник. 2017. № 1 (175). С. 37–40.

12. Колосова Е. Б. Индивидуальный образовательный маршрут ребенка с ограниченными возможностями здоровья в горизонте жизненных перспектив: постановка проблемы // Проблемы современного образования. 2021. № 1. С. 96–108.

13. Труфанова Г. К. Коррекционно-развивающие приемы работы с обучающимися с ОВЗ в условиях инклюзивного образования // Изучение и образование детей с различными формами дизонтогенеза. 2015. С. 173–176.

14. Кириллова О. В., Кириллова Т. В. Структура социальной и профессиональной помощи семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья // Глобальный научный потенциал. 2021. № 7 (124). С. 80–82.

15. Испулова С. Н., Шумакова А. А. Социальная диагностика как технология социальной работы с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. №. 3. С. 67–74.

16. Селиванова С. С. Социально-демографический портрет учащихся с ОВЗ и с инвалидностью в общеобразовательных организациях Республики Башкортостан // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной Году семьи в России. Улан-Удэ, 2024. С. 231–233.

REFERENCES

1. Gimaev I. Z. The education system for children with disabilities as an object of scientific research // Society and Security Insights. 2024. Vol. 7. No. 2. P. 156–168. (In Russ.)

2. Selivanova S. S. Trends in the adaptation of the general education system for disabled children and children with disabilities // Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2024. No. 1 (17). P. 349–362. (In Russ.)

3. Stol A. V. Information support for families with children with disabilities and special needs // Forms and methods of social work in various spheres of life : proceedings of the 13th International scientific and practical conference dedicated to the Year of the Family in Russia. Ulan-Ude, 2024. P. 241–243. (In Russ.)

4. Babich E. G. Image of a family raising a child with disabilities // From the origins to the present. 130 years of the organization of the psychological society at Moscow University : collection of materials of the anniversary conference in 5 volumes. M., 2015. P. 377–379. (In Russ.)

5. Ulyanova I. A. Features of the model for managing innovative activities within the framework of the district center for psychological, pedagogical, medical and social assistance // Inclusion in education. 2024. Vol. 9. No. 2 (34). P. 76–90. (In Russ.)
6. Gaponenko K. S. Creating an accessible environment for people with limited mobility // Psychology, sociology and pedagogy. 2017. 10 (73). P. 7. (In Russ.)
7. Voroshnina O. R. Support for deprived motherhood in the context of interaction with an infant at risk and with developmental disabilities // European Journal of Social Sciences. 2018. No. 11. P. 229–234. (In Russ.)
8. Tsilyugina I. B. Psychological and pedagogical problems of a family raising a child with disabilities // Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. 2022. No. 1–4 (62). P. 185–188. (In Russ.)
9. Rostovskaya T. K., Shimanovskaya Ya. V. Social and psychological characteristics of a family raising a child with disabilities // Scientific notes of the Russian state social university. 2017. No. 4 (143). P. 49–60. (In Russ.)
10. Chemerilova I. A., Ivanova E. K. Modern practice of supporting families raising children with disabilities // The world of science, culture, education. 2020. No. 4 (83). P. 203–205. (In Russ.)
11. Boyarova E. S. Psychological support for families raising children with disabilities // Out-of-school student. 2017. No. 1 (175). P. 37–40. (In Russ.)
12. Kolosova E. B. Individual educational route of a child with disabilities in the horizon of life prospects: problem statement // Problems of modern education. 2021. No. 1. P. 96–108. (In Russ.)
13. Trufanova G. K. Correctional and developmental techniques for working with students with disabilities in the context of inclusive education // Study and education of children with various forms of dysontogenesis. 2015. P. 173–176. (In Russ.)
14. Kirillova O. V., Kirillova T. V. Structure of social and professional assistance to families raising children with disabilities // Global scientific potential. 2021. No. 7 (124). P. 80–82. (In Russ.)
15. Ispulova S. N., Shumakova A. A. Social diagnostics as a technology of social work with a family raising a child with disabilities // Social Policy and Sociology. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 67–74. (In Russ.)
16. Selivanova S. S. Socio-demographic portrait of students with disabilities in general education organizations of the Republic of Bashkortostan // Forms and methods of social work in various spheres of life : proceedings of the 13th International scientific and practical conference dedicated to the Year of the Family in Russia. Ulan-Ude, 2024. P. 231–233. (In Russ.)

Информация об авторе:

Мигунова Ю. В. – кандидат социологических наук.

Information about the author:

Migunova Yu. V. – Candidate of Sociology.

Статья поступила в редакцию 26.12.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 26.12.2024; approved after reviewing 29.01.2025; accepted for publication 21.03.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 172.15:001.53

Андрей Анатольевич Исаев
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, andisaev@mail.ru

ПАТРИОТИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ

Аннотация. В работе предпринята попытка сравнительного анализа понятий «национализм» и «патриотизм». Указывая на особую актуальность осознания патриотической идентичности современного российского гражданина, автор в то же время обращается к понятию «национализм» с целью исключения из его содержания патриотического смысла. Автор приходит к выводу, что понятия патриотизма и национализма нельзя отождествлять, поскольку они несут разную смысловую нагрузку.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, традиционные ценности, самоидентификация личности, будущее России, суверенитет государства

Для цитирования: Исаев А. А. Патриотизм и национализм: сравнительный анализ понятий // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 124–130.

Original article

Andrey A. Isaev
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, andisaev@mail.ru

PATRIOTISM AND NATIONALISM: COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS

Abstract. The paper attempts a comparative analysis of the concepts of “nationalism” and “patriotism”. Pointing out the special relevance of awareness of the patriotic identity of a modern Russian citizen, the author at the same time refers to the concept of “nationalism” in order to exclude patriotic meaning from its content. The author comes to the conclusion that the concepts of patriotism and nationalism cannot be identified, since they carry different semantic meanings.

Keywords: patriotism, nationalism, traditional values, self-identification, the future of Russia, state sovereignty

For citation: Isaev A. A. Patriotism and nationalism: comparative analysis of concepts // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 1 (21). P. 124–130. (In Russ.)

Введение

Осознание своей принадлежности к той стране, тому государству, в котором ты родился, вырос и чего-то достиг в своей жизни, сегодня является практически неотъемлемой частью личностного мировоззрения современного человека. Конечно, есть люди, называющие себя «гражданами мира», те, которые не особо стараются пройти процесс этого осознания, поставив на первое место свое «я», игно-

рируя окружающий социум и его правила. Но самоидентификация личности в современном мире практически невозможна без осознания своей политической, гражданской, национально-государственной идентичности. Поэтому вопрос к самому себе «Патриот я своей страны, своей родины или нет?» сегодня не может оставаться долгое время без ответа в системе мировоззренческих ценностей современного человека. Такая позиция, «как страус голову

© Исаев А. А., 2025

в песок», не применима к данному вопросу. Конечно, не все напрямую задают себе этот вопрос, считая его второстепенным, но сегодняшняя социальная реальность приводит их к тому моменту, когда им нужно сказать «да» или «нет».

Все эти рассуждения в большей мере относятся к нашей стране, России, и к нашим гражданам, россиянам. «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма», – еще в 2016 г. заявил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в ходе встречи с активом Клуба лидеров по продвижению инициатив бизнеса, неформального объединения средних и мелких предпринимателей, представляющих разные отрасли экономики. На этой же встрече В. В. Путин сказал, что недостаточно один раз об этом сказать, надо говорить постоянно и на всех уровнях. Особенно обострилась эта тема с началом проведения специальной военной операции на Украине.

Методы

Основу методологии настоящей работы составляют диалектический метод, общелогические методы исследования, метод единства исторического и логического.

Результаты

Патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу – это духовно-нравственные ценности одного порядка, тесно связанные между собой. Сегодня они закреплены в том числе и в нормативных документах стратегического планирования: в указах Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹ и от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

Человек может придерживаться этих ценностей, что, на первый взгляд, характеризует его как высоконравственную личность. Он может называть себя патриотом, стоять на активной гражданской позиции, внешне «переживать» за судьбу отчизны, но только потому, что это хорошо и одобряемо. Чувство патриотической любви к своей родине не формируется автоматически в процессе проживания на ее территории: «Человек может прожить всю жизнь в пределах своего государства и не обрести своей родины, так, что душа его будет до конца патриотически пустынна и мертва; и эта неудача или неспособность приведет его к своеобразному духовному сиротству, к творческой беспочвенности и бесплодности. Ибо обретение родины есть акт духовного самоопределения, указывающий человеку его собственную творческую почву и обуславливающий поэтому духовную плодотворность его жизни. Такой человек не будет любить свою родину потому, что он ее не обрел» [1, с. 93–94]. Настоящий патриот, гражданин, искренне переживающий за судьбу своего отечества, – это личность с сильным внутренним духовным стержнем, человек не только нравственно воспитанный, но и высоко развитый духовно. Ему не нужны награды и регалии, ему важнее бескорыстная любовь к своей родине и готовность в любой момент встать на ее защиту. Это действительно наша – отечественная – традиция. Как пишет С. Р. Аблеев: «Историческая правда состоит в том, что российские народы умели отважно сражаться, были готовы достойно умирать и героически побеждать. Массовый героизм русского духа – это не просто плакатная фраза советской пропаганды, но вполне реальная духовная сила, которую почти никто из иностранных захватчиков не принимал во внимание» [2, с. 174]. Об исторически присущем нам чувстве патриотизма с высокой трибу-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.03.2023).

ны сказал В. В. Путин: «Горжусь – думаю, что все мы гордимся, – что наш многонациональный народ, абсолютное большинство граждан заняли принципиальную позицию в отношении специальной военной операции, поняли, в чем смысл действий, которые мы делаем, поддержали наши действия по защите Донбасса. В этой поддержке прежде всего проявился настоящий патриотизм – чувство, которое исторически присуще нашему народу. Оно потрясает своим достоинством, глубоким осознанием каждым, я подчеркну, каждым неразрывной своей собственной судьбы с судьбой Отечества»¹.

Почему не каждый гражданин своего отечества является его патриотом? Неужели это так сложно любить свою родину, переживая за ее судьбу? Эти вопросы не простые, прежде всего потому, что понимание Родины и Отечества не у всех людей одинаковое. Еще более опасным становится отождествление патриотизма с национализмом, что вызывает необходимость провести сравнительный анализ данных понятий.

Автор уже обращался к рассмотрению проблемы понимания национализма как негативного общественного явления [3; 4]. В данной статье предпринимается попытка анализа содержания понятия «национализм» и его различных трактовок в современной социально-философской и общественно-политической мысли. Повторное обращение к проблемам понимания национализма было обусловлено знакомством с энциклопедией «Русский патриотизм»². Автор предисловия И. А. Ильин достаточно патриотично рассуждает о родине, о любви к ней и духовном слиянии с ней. При этом он употребляет понятие «национализм» в позитивном смысле, как «любовь к духу своего народа и притом именно к его

духовному своеобразию»³. Национализм рассматривается в превосходной степени. Когда он далее рассуждает о национальном воспитании, прямо говорит: «Глубокий, духовно верный, творческий национализм необходимо прививать людям с раннего детства»⁴. На первый взгляд, все эти слова не содержат в себе никакого скрытого смысла и опасности. Но давайте осторожно проанализируем пафосность этих слов. Никто и не собирается оспаривать слова И. А. Ильина: «Национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека и народа. С ним необходимо бороться настойчиво и вдохновенно. И вести эту борьбу необходимо с детства»⁵. Но когда мы говорим: «Этот человек националист», почему-то он воспринимается как экстремист, любящий и превозносящий только свою нацию и забывающий о существовании таких же равноправных наций. Или, может быть, я не прав и у меня ограниченное понимание национализма? Современник И. А. Ильина русский философ Н. А. Бердяев так характеризует его взгляды: «...Ильин – не русский мыслитель, чуждый лучшим традициям нашей национальной мысли, чужой человек, иностранец, немец... И. Ильин – националист в нормативном смысле, но он не национален в онтологическом смысле слова. Национализм его вполне интернационалистический. Книга И. Ильина (речь идет о книге «О сопротивлении злу силою». – А. И.) свидетельствует о том, что он принадлежит отмирающей эпохе «новой истории» с ее политизмом, с ее культом государства, с ее национализмом, с ее отвлеченной философией и отвлеченной моралью, с ее оторванностью от живого Бога» [5, с. 471]. Мысли и сочинения И. А. Ильина и сегодня вызывают разные оценки [6].

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 12.03.2023).

² Русский патриотизм: Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа / гл. ред., сост. О. А. Платонов, сост. А. Д. Степанов. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. 928 с.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же.

Чтобы разобраться в этих вопросах, автором предпринята попытка рассмотрения различных точек зрения в истории человеческой мысли (взгляды В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, В. С. Барулина, В. А. Алексеевой уже рассмотрены нами в вышеупомянутых работах) и в современных источниках информации.

В «Иллюстрированном энциклопедическом словаре» понятие «национализм» объясняется следующим образом: «Осознание своей принадлежности к определенной нации или группе, отличающейся от других общностью языка, религии, исторического опыта и традиций, а также территории... Сопровождаемый идеей национального превосходства и исключительности, он может принимать крайние формы, порождая острые внутренние и межгосударственные конфликты»¹. В «Современном словаре иностранных слов» предлагается два значения этого термина: «Национализм (фр. *nationalisme*, от лат. *natio* = народ) – 1) реакционная идеология и политика, направленные на разжигание национального антагонизма, национальной замкнутости; 2) движение в угнетенных странах за национальную независимость»².

Как бы там ни было, мы понимаем, что у понятия «национализм» неоднозначное содержание или, если можно так выразиться, разные оттенки его понимания. Учитывая остроту применения этого термина в политическом смысле, важно все-таки более четко определиться с тем, какое явление мы обозначаем этим термином. Обратимся к словам Президента России, сказанным им на закрытии медиафорума Общероссийского народного фронта в Петербурге в апреле 2016 г.: «... что касается России, очень важно

чувство патриотизма, национальной идентичности, что в некоторых странах утрачивается. К сожалению для них. У нас это внутри есть, у нас это в сердце – любовь к Отечеству»³. Свое выступление тогда В. В. Путин закончил словами академика Д. С. Лихачева: «Патриотизм кардинально отличается от национализма. Национализм – это ненависть к другим народам. А патриотизм – это любовь к своей родине»⁴. Вслед за В. В. Путиным обратимся к мыслям на эту тему советского и российского филолога, культуролога, искусствоведа академика РАН Д. С. Лихачева. В связи с сегодняшней политической ситуацией в мире многие его размышления предстают перед нами как мысли на злобу дня. В своей статье «Патриотизм против национализма» Д. С. Лихачев рассуждает о русской национальной идентичности, распространяя это понятие на все народы, живущие на территории современной России. Поскольку академик всю свою жизнь занимался историей древнерусской литературы и культуры в целом, он обращает ретроспективный взгляд на эту проблему в истории нашего государства: «Великий русский историк С. М. Соловьев в начале седьмой книги своей «Истории России с древнейших времен» писал: «Неприятное восхваление своей национальности <...> не может увлечь русских...» Это совершенно верно. Восхвалением самих себя по-настоящему русские никогда не «хворали». Напротив, русские очень часто, а особенно в XIX и начале XX века, были склонны к самоуничтожению – преувеличивали отсталость своей культуры»⁵. Далее, обращаясь к истории русского народа, Дмитрий Сергеевич обращает внимание на тот факт, что «русские хоть и не всегда, но по большей части жили в мире

¹ Иллюстрированный энциклопедический словарь. Лондон, Нью-Йорк, Сидней, Монреаль, Москва : Ридерз Дайджест, 2003. С. 187–188.

² Булыко А. Н. Современный словарь иностранных слов: более 25 тысяч слов и словосочетаний. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Мартин Пресс, 2005. С. 460.

³ Путин напомнил, чем отличается патриотизм от национализма // ИА Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/2114004> (дата обращения: 31.05.2022).

⁴ Там же.

⁵ Лихачев Д. С. Патриотизм против национализма. URL: <https://www.izbrannoe.com/news/mysli/akademik-dmitriy-likhachev-patriotizm-protiv-natsionalizma/> (дата обращения: 01.06.2022).

с соседними народами... Да и вся история русской культуры показывает ее преимущественно открытый характер, восприимчивость и в массе своей отсутствие национальной спеси»¹. В своей работе Д. С. Лихачев неоднократно обращается к публицистической статье Ф. М. Достоевского «Два лагеря теоретиков (по поводу «Дня» и кой-чего другого)», опубликованной в начале 1860-х гг. И вот как он это объясняет: «Со времени, когда и жил и работал Достоевский, утекло немало воды – не той воды, что живет и растит, а той «мертвой воды», которая часто являет собой форму пустословия и не дает дышать мысли. Однако эта мертвая вода пустословия не коснулась многих мыслей Достоевского. Они остались в высшей степени современны»². Нельзя с этим не согласиться. Когда знакомишься с вышеназванной работой Ф. М. Достоевского, понимаешь, насколько его мысли актуальны и сегодня. В ней великий русский писатель рассматривает противоборствующие точки зрения славянофилов и западников, называя их теоретиками, тем самым указывая на их оторванность от реальной жизни народа.

Как пишет И. Н. Лосева: «Для Достоевского русский народ – это народ-богоносец, отказ от Бога означает, что «все дозволено», народ лишается идеи совершенного добра, совершенной любви, совершенной истины и красоты, а следовательно, и смысла своего существования. Русский народ заряжен стремлением к совершенству, ориентируясь на идеи Христа, хотя каждый человек приходит к этому идеалу своим путем, это и составляет принцип соборности, ощущение чувства целого, на котором строится православная русская культура в целом, русская нация» [7, с. 205].

Противоречивость русского национального характера, как следствие расположения России между Востоком и Западом, нашла отражение в духовных исканиях русских мыслителей. Д. В. Матяш, Т. П. Матяш, опи-

сывая жизненный и духовный путь К. Н. Леонтьева, утверждают, что в конце своей жизни мыслитель пришел к трагическому для него выводу об ослаблении роли православия, монархии и соборности в русском народе, влекущем за собой усиление тлетворного влияния Запада. Далее они пишут: «В жизни мыслителя наступил самый трудный период: не переставая любить Россию «как мать», он одновременно начал презирать ее «как пьяную, бесхарактерную до низости дуру»» [8, с. 229]. О жизненной противоречивости русского мыслителя пишет и П. П. Гайденко: «Глубокая раздвоенность Леонтьева – самая поразительная особенность его сознания после 1871 г. С одной стороны, суровое аскетическое православие, в котором одном Леонтьев искал спасения души и исцеления от страданий; с другой – страстное увлечение эстетической стороной жизни, от которого ничто не могло освободить его почти до самой смерти» [9, с. 168].

Предмет спора славянофилов и западников и аргументы в защиту каждой из этих точек зрения актуальны и сегодня. Каков путь современной России в будущее? Он самостоятелен, уникален и направлен на укрепление суверенитета нашего государства или необходимо ориентироваться на лучшие западные образцы? С другой стороны, кто определяет, что они лучшие? При ответе на эти вопросы нам кажется правильным обратиться к определению понятия «традиционные ценности», данному в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в ду-

¹ Лихачев Д. С. Патриотизм против национализма. URL: <https://www.izbrannoe.com/news/mysli/akademik-dmitriy-likhachev-patriotizm-protiv-natsionalizma/> (дата обращения: 01.06.2022).

² Там же.

ховном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹. То есть человек, придерживающийся этих ценностей, сориентирован в информационном пространстве, понимая, что нравственные ориентиры, передаваемые от поколения к поколению, не могут повести по ложному пути. Они сопровождали духовный путь нашего народа на протяжении многих веков, и он не потерял на этом историческом пути свою идентичность, а, наоборот, лишь укрепился в ней. Поскольку эти ценности являются традиционными, они приобретают законный статус: «Русская традиция это закон социально-духовного развития России – ее истина, путь и жизнь. Действие этого объективного закона создает онтологическую возможность русскому человеку быть самим собой, жить и исторически действовать, как велит ему национальный дух» [10].

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что понятия «патриотизм» и «национализм»

не могут рассматриваться как равнозначные. Более того, они несут в себе разную смысловую нагрузку. Патриот – это человек, любящий свою родину, готовый быть с ней в любых обстоятельствах, а националист – это тот, кто превозносит свою нацию, свой этнос над другими, игнорируя объективные этнические различия. Учитывая многонациональность Российской Федерации, стоит констатировать, что националист в нашей стране никак не может быть патриотом и отстаивать суверенитет и целостность государства. Скорее он будет призывать к расколу государственной территории, что подтверждают примеры, имеющие место, к сожалению, в нашей истории. Поэтому единство народов России – это традиционная российская духовно-нравственная ценность, являющаяся уникальным явлением, которая закреплена многовековой историей нашего государства и выстрадана трудным духовным поиском мирного сосуществования различных этносов великой страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильин И. А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступ. ст. И. Н. Смирнова. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.
2. Аблеев С. Р. Евразийская Россия: философские смыслы метаистории и геополитики : монография. М. : ИПЛ, 2023. 296 с.
3. Исаев А. А. Национализм как отрицание национальной идеи (философский анализ) // Берестень: философско-культурологический альманах. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. С. 136–139.
4. Исаев А. А. Национализм и национальная идея: грани соотношения (философский анализ) // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: взгляд через столетия : сборник материалов II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (1 июня 2010 г.). М. : РГСУ, 2010. Том 1. С.138–141.
5. Путь – орган русской религиозной мысли. Книга 1. Выпуски I–VI. М. : Информ-Прогресс, 1992. 752 с.
6. Сухоплюев П. А. Путь духовного обновления: философия И. А. Ильина // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2022. № 4 (12). С. 99–105.
7. Лосева И. Н. Бунт против насилия в творчестве Ф. М. Достоевского // Русские мыслители. Ростов н/Д : Феникс, 2003. С. 193–205.
8. Матяш Д. В., Матяш Т. П. Странник особого пути России К. Н. Леонтьев // Русские мыслители. Ростов н/Д : Феникс, 2003. С. 222–230.

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.03.2023).

9. Гайдено П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века : монография. М. : Прогресс-Традиция. 2001. 472 с.
10. Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. М. : Алгоритм, 2004. 320 с.

REFERENCES

1. Ilyin I. A. On the essence of legal consciousness / text preparation and introduction by I. N. Smirnova. M. : Rarog, 1993. 235 p. (In Russ.).
2. Ableev S. R. Eurasian Russia: philosophical meanings of metahistory and geopolitics : monograph. M. : IPL, 2023. 296 p. (In Russ.).
3. Isaev A. A. Nationalism as a denial of the national idea (philosophical analysis) // Beresten: philosophical and cultural almanac. Veliky Novgorod : The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2008. P. 136–139. (In Russ.).
4. Isaev A. A. Nationalism and national idea: facets of the relationship (philosophical analysis) // World cultural and linguistic and political space: a view through the centuries : collection of materials of the 2nd All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (June 1, 2010). M. : RSSU, 2010. Vol. 1. P. 138–141. (In Russ.).
5. The path as the organ of Russian religious thought. Book 1. Issues I–VI. M. : Inform-Progress, 1992. 752 p. (In Russ.).
6. Sukhoplyuev P. A. The path of spiritual renewal: the philosophy of I. A. Ilyin // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2022. No. 4 (12). P. 99–105. (In Russ.).
7. Loseva I. N. Rebellion against violence in the works of F. M. Dostoevsky // Russian thinkers. Rostov-on-Don : Feniks, 2003. P. 193–205. (In Russ.).
8. Matyash D. V., Matyash T. P. The supporter of Russia's special path K. N. Leontiev // Russian thinkers. Rostov-on-Don : Feniks, 2003. P. 222–230. (In Russ.).
9. Gaidenko P. P. Vladimir Solovyov and the philosophy of the Silver Age : monograph. M. : Progress-Tradition. 2001. 472 p. (In Russ.).
10. Andreev A. P., Selivanov A. I. Russian tradition. M. : Algoritm, 2004. 320 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Исаев А. А. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the author:

Isaev A. A. – Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.03.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 06.03.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 21.03.2025.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, экономических, социологических и философских наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть про-

индексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

<p>Заявка на опубликование научной статьи электронном в научном журнале «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет, электронных научных библиотеках.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>
--

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**